

**МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
РОССИЙСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ ДРУЖБЫ НАРОДОВ
Факультет гуманитарных и социальных наук
Кафедра теории и истории международных отношений**

**MINISTRY OF EDUCATION AND SCIENCE
OF RUSSIAN FEDERATION
PEOPLES' FRIENDSHIP UNIVERSITY OF RUSSIA
Faculty of Humanities and Social Science
Department of Theory and History of International Relations**

МААСТРИХТСКИЙ ДОГОВОР КАК ВЕХА ЕВРОПЕЙСКОЙ ИНТЕГРАЦИИ

**Сборник научных публикаций
по материалам заседания круглого стола**

Москва, 11 октября 2013 г.

**Москва
Российский университет дружбы народов
2014**

УДК 327(063)

ББК 66.4(0)

М12

НАУЧНЫЙ КОМИТЕТ КОНФЕРЕНЦИИ

Председатель –

зав. кафедрой ТИМО к.э.н., доцент *Д.А. Дегтерев*

Зам. председателя –

акад. РАЕН *В.Г. Джангирян*, д.и.н. *М.А. Шпаковская*

Члены комитета:

к.и.н., доц. *К.П. Курылёв*, почётный проф. РУДН *А.С. Протопопов*,

к.и.н., доц. *Е.М. Савичева*, к.и.н., доц. *А.Ю. Борзова*,

О.К. Петрович-Белкин, *Н. Ивкина*

Рецензенты:

доктор исторических наук, проф., зав. кафедрой философии и культурологии
Российского государственного университета туризма и сервиса *С.И. Реснянский*;

доктор исторических наук, зав. кафедрой истории и политологии

Государственного университета управления *С.П. Костриков*

М12 Маастрихтский договор как веха европейской интеграции : сборник научных публикаций по материалам заседания круглого стола. Москва, 11 октября 2013 г. / сост. проф., д.и.н. М.А. Шпаковская. – Москва : РУДН, 2014. – 175 с.

В сборнике представлены материалы заседания «круглого стола» «Маастрихтский договор как веха европейской интеграции». Данное научное мероприятие было организовано кафедрой теории и истории международных отношений факультета гуманитарных и социальных наук РУДН.

В статьях, представленных в сборнике, затрагивается целый ряд актуальных вопросов, связанных с тенденциями мирового развития, которые свидетельствуют о возрастании роли стран Европейского Союза в мировых процессах.

Издание адресовано специалистам в области международных отношений, внешней политики России, внешней политики стран Южной Азии, аспирантам, студентам.

This edition presents the proceedings of session of «a round table» the «Maastricht Treaty as a milestone in European Integration». This scientific event was organized by the Department of Theory and History of International Relations of the Faculty of Humanities and Social Sciences of PFUR. In the articles, presented in the book, were addressed many relevant issues connected with the trends of world development, which testify to the growing role of the European Union countries in the world processes.

ISBN 978-5-209-06045-1

© Коллектив авторов,

сост. М.А. Шпаковская, 2014

© Российский университет дружбы народов,

Издательство, 2014

ЕВРОПЕЙСКАЯ ИНТЕГРАЦИЯ И ВЫЗОВЫ XXI ВЕКА

Одним из ключевых акторов международных отношений традиционно является Европейский Союз. Деятельность ЕС на мировой арене, особенно внешняя политика ЕС в ее нынешнем виде является не единой, но именно общей, что предполагает координацию и гармонизацию внешних политик, генерируемых различными политическими системами, входящими в ЕС. Внешнеполитическая деятельность Европейского Союза находится под пристальным вниманием ученых и историков-международников.

Одним из направлений научных интересов студентов, аспирантов и преподавателей кафедры теории и истории международных отношений является изучение различных аспектов формирования и функционирования международной деятельности ЕС.

Состоявшееся 11 октября 2013 г. заседание круглого стола, «Маастрихтский договор как веха Европейской интеграции» явилось безусловно актуальным в контексте серьезных вызовов стоящих перед европейским интеграционным проектом. Как известно, в 2013 г. исполнилось 20 лет со дня вступления в силу Маастрихтского договора, или «Договора о Европейском союзе», положившего начало Европейскому союзу и явилось важной вехой в процессах европейской интеграции.

В статьях, подготовленными студентами и аспирантами-участниками круглого стола затрагиваются такие вопросы, как отношения отдельных стран Европы к Маастрихтскому договору, в том числе принципы и эволюции интеграционной политики отдельных государств.

В представленных статьях уделяется значительное внимание проблемам международного терроризма и обеспечение безопасности европейского союза и роли США в

системе европейской безопасности. Также обращается внимание на вопросы о подписании Великобританией Маастрихтского договора и позиции этой страны в системе европейской интеграции. В деятельности Европейского Союза на современном этапе важное значение приобретают вопросы миграционной политики ЕС, а также проблемы этнической идентичности, что также нашло свое отражение в представленных статьях.

В представленных статьях также уделяется значительное внимание деятельности отдельных стран-членов ЕС в складывающемся мировом балансе региональных военно-политических и стратегических сил. Авторы передают большое значение развитию взаимоотношений европейских стран по таким вопросам как укрепление экономического баланса стран Западной Европы, создание и укрепление многополярного мира, сотрудничество с ООН.

Безусловно данный сборник является своевременной публикацией, и хочется пожелать авторам статей продолжение работы над избранными темами.

Кафедра отмечает, что в подготовке сборника к печати принимали участие следующие студенты кафедры - Н. Ивкина, М. Голубчиков, А. Шлентова.

Зав. кафедрой теории и истории
международных отношений РУДН,
доцент, к.э.н.

Д.А. Дегтерев

Декан факультета гуманитарных
и социальных наук РУДН,
профессор, д. филос.н.

В.А. Цвык

ЦЕЛИ, ПРИНЦИПЫ И ЭВОЛЮЦИЯ ИНТЕГРАЦИОННОЙ ПОЛИТИКИ ГЕРМАНИИ В УСЛОВИЯХ КРИЗИСА ЕВРОСОЮЗА

А.А. Дворядкина*

Было бы преждевременно считать, что события последнего времени, которые сотрясают сами основы если не самого Евросоюза, то Еврозоны, привели к тому, что руководители Союза отказались бы от идеи его федерализации. Об этом свидетельствует тот факт, что, как бы игнорируя пертурбации, которые Евросоюз переживает в последние годы, Председатель Европейской комиссии Жозе Мануэл Баррозу в середине сентября 2012 года призвал превратить Евросоюз в «федерацию национальных государств». Менее радикально выглядят позиции тех исследователей, которые убеждены в конфедеративном характере Евросоюза.

Целесообразно отметить, что качественно новым этапом в интенсификации интеграционных процессов стало принятие Маастрихтского Договора или Договора о Европейском Союзе 1992 г., который определил рамки дальнейшей политической интеграции объединения. Вслед за Маастрихтским договором были приняты Амстердамский и Ниццкий договоры, сыгравшие ключевую роль в процессе политической интеграции Европы. Разумеется, существенные поправки в этом плане были внесены с приемом новых стран-

---

*А.А.Дворядкина Магистр кафедры ТИМО. Научный руководитель – кандидат экономических наук, доцент кафедры ТИМО Черненко Е.Ф.

членов из Центральной и Восточной Европы в 2004 и 2007 гг. Эти и связанные с ними процессы поставили вопрос о реформе внутренней структуры, прежде всего в направлении усиления политической составляющей и более четкого разграничения компетенции с государствами-членами. В целом, Амстердамский договор существенно расширил компетенцию Евросоюза, в которую были включены визовая, иммиграционная политика, вопросы убежища, политика занятости и др. Ниццкий договор, принятый в 2000 году, по целому ряду вопросов изменил систему принятия решений квалифицированным большинством [5].

Ключевое значение с этой точки зрения придавалось разработке и принятию Конституции Евросоюза. Однако, как известно, на референдумах по данному вопросу большинство населения Франции и Голландии высказалось против ее принятия, в результате чего предложенный вариант конституции был отвергнут, по сути дела вызвав политический кризис в Союзе. Вместо этого варианта был принят более смягченный, с точки зрения сохранения национального суверенитета государств-членов Евросоюза, Лиссабонский договор или Договор о реформе ЕС, призванный улучшить функционирование Европейского Союза в составе 27 стран-членов и укрепления его роли и позиций на мировой арене. Его текст был окончательно согласован на Межправительственной конференции в Лиссабоне 19 октября 2007 г. и вступил в силу с 1 декабря 2009 г. Договор не являлся учредительным документом в собственном смысле слова, поскольку имел своей целью модернизацию уже существующих нормативных документов.

Не случайным является тот факт, что его официальное название – «Лиссабонский договор о внесении изменений в Договор о Европейском Союзе и Договор об учреждении Европейского Сообщества» (Treaty of Lisbon amending the Treaty on European Union and the Treaty establishing the

European Community). Договор подкрепил полномочия ЕС осуществлять политику в таких областях как: экономика, космос, энергетика, борьба с терроризмом, защита окружающей среды, здравоохранение, космические исследования, спорт, туризм, иммиграция и др. На основании Лиссабонского договора была введена процедура голосования квалифицированным большинством голосов в Совете министров.

В 2012 году Центр прикладных политических исследований (Centrum für Angewandte Politikforschung (CAP)) опубликовал статью, посвященную прогнозам будущего развития Европейского Союза, его трансформации и расширению, а также роли Германии в данных процессах. Центр прикладных политических исследований (CAP) в Университете Мюнхена был основан в 1995 году для объединения частных источников, собирающих научно-исследовательские работы. Сегодня Центр является самым крупным научно-исследовательским институтом политики по европейским и международным вопросам в Германии.

Введение Статьи данного внешнеполитического аналитического центра посвящено Лиссабонскому договору и политике ЕС в условиях мирового финансового кризиса. Не успели утихнуть страсти по поводу ратификации Лиссабонского договора, как разразившийся в 2011 году в Европе долговой кризис вновь заставил обратиться к вопросу о единстве Европейского союза. Сейчас Евросоюз проходит испытание на прочность и кризисоустойчивость, и ему предстоит принять решение, в каком направлении он будет развиваться дальше. С одной стороны, долговой кризис показал необходимость интеграции и более сплоченных действий. С другой стороны, меры, направленные на расширение солидарной ответственности, находят все меньшую поддержку со стороны населения. Многие европейцы считают, что решения о расширении европейской

интеграции, касающиеся централизации власти и принятием на себя чужих рисков, принимаются без учета их мнения и в обход парламента.

В настоящее время, когда долги ряда стран ввергли весь Евросоюз в глубокий кризис, многие люди уже не видят никакой привлекательности в единой валюте, потому что возникшие риски многократно перевешивают те преимущества, которые в себе несет модель единой валюты. Существует опасность, что долговой кризис может перерасти в общий кризис доверия к ЕС.

Наиболее действенным средством, которое может помочь преодолеть общественное недоверие, является сегодня укрепление европейской демократии. Для того чтобы оправдать свое существование, Евросоюз должен предложить людям нечто большее, кроме одних лишь экономических благ. И таким предложением должно стать демократическое право на самоопределение. Парадокс заключается в том, что лишь объединившись, европейские нации могут защитить свое право на самоопределение. В ситуации же, когда каждый сам за себя, каждая из наций оказывается заложником глобализации и интересов крупных игроков, которых выводит на мировую политическую арену процесс глобализации.

Однако речь должна идти не только о преодолении долгового кризиса, на повестку дня должны быть вынесены основополагающие вопросы - в каком направлении предстоит развиваться Европе дальше, и к достижению каких целей ей нужно стремиться. В последнее время мы наблюдаем утрату европейскими национальными государствами своего влияния на мировой политической арене. На этом фоне можно выделить новые ключевые проекты Европейского Союза, которые могут Организации развиваться и укреплять свои позиции на мировой арене. Новые ключевые проекты ЕС должны придать новый импульс развитию Союза. Они направлены на укрепления поддержки со стороны граждан, а

также на укрепление сотрудничества между странами - участниками.

К ключевым из них можно отнести следующие проекты:

Экономический союз и экологическое движение «Green New Deal» - экономический союз является тем решением, которое способно вывести Европу из долгового кризиса. Одновременно должен быть запущен механизм, который не позволил бы подобному долговому кризису разразиться вновь. Для этого необходимо усилить парламентский контроль за расходованием общеевропейского бюджета, а также за принятием в структурах ЕС политических решений, влияющих на функционирование экономики. Необходимо также, чтобы парламенты европейских стран-членов ЕС действовали более скоординировано, соблюдая принципы солидарного поведения, а также утвердили санкции для нарушителей кодекса солидарности. Помочь странам преодолеть кризис и возродить свою экономику может новое экологическое движение «Green New Deal».

Социальная и «зеленая» Европа - вопросы социального и экологического прогресса должны стоять в центре внимания европейского интеграционного процесса. Если граждане будут видеть в ЕС угрозу для своей социальной защищенности, то это приведет к дальнейшему снижению поддержки общеевропейской модели в обществе. При этом «ремонт» социальной системы лишь на национальном уровне, в виду произошедшего объединения рынка, будет недостаточно. Унификацию социальных систем следует начать с выравнивания минимальных социальных стандартов, например, стандартов минимальной заработной платы или минимальных стандартов социальных гарантий. Социальное неравенство, а также неравенство в уровне снабжения требуют реформирования системы медицинского обслуживания,

органов социальной опеки, а также более активной борьбы с бедностью.

Европа — территория устойчивого развития, реализации программ по защите климата, а также программ по использованию возобновляемых источников энергии - актуальные проблемы, касающиеся изменения климата и обеспечения энергетической безопасности, которые стоят в настоящее время перед Европой, открывают перед ней одновременно и дополнительные перспективы. Реализация политики устойчивого развития, целью которой является обеспечение климатической и энергетической безопасности Европы, а также полный переход на возобновляемые источники энергии, позволила бы не только сохранить контроль над уровнем цен на энергоносители, гарантировать бесперебойное энергоснабжение и снизить экологическую нагрузку, но и могла бы стать новым импульсом для европейской идентификации и придала бы Европейскому союзу новую динамику политического и экономического развития. Именно такую цель преследует «Европейское общество по использованию возобновляемых источников энергии» (ERENE), разработавшее модель организации устойчивого, надежного и недорогого энергоснабжения. Тремя основными составляющими данной модели являются возобновляемые источники энергии, энергоэффективность и энергосбережение.

Экологичное и устойчивое сельское хозяйство - аграрная политика Европы, нацеленная на развитие экологичного и устойчивого сельского хозяйства, сохранение сельскохозяйственного разнообразия в различных регионах Европы, могла бы стать примером для других государств. Проведение единой аграрной политики помогло бы решить одновременно множество проблем:

1. гарантировать достаточное количество качественных продуктов питания, обеспечить бережное использование природных ресурсов,
2. сохранить биологическое разнообразие,
3. обеспечить защиту климата и животных,
4. обеспечить достаточное жизненное пространство для обитания животных.

Открытость внешней политики и политики безопасности – с момента своего объединения Европа защищает права человека и неустанно выступает за запрещение ядерного оружия. Воплощая собой государственный союз нового типа, ЕС является живым примером надгосударственного сотрудничества и разделенного суверенитета. Европа может оказать ощутимую поддержку развитию мира в духе международного сотрудничества и содействовать реализации такого политического устройства мира, которое было бы направлено на благо всех, в котором бы все имели равные права и несли свою часть ответственности. Европа должна занять более активную позицию в решении вопросов глобальной политики. Для этого требуется более четкая координация внешнеполитического курса стран-участников ЕС, а также более активная работа Европейского внешнеполитического ведомства (EAD). Лишь в этом случае Европа сможет достойно ответить на глобальные вызовы и решать стоящие перед ней актуальные проблемы, такие как:

- поддержка демократии,
- борьба с изменением климата,
- предотвращение вооруженных конфликтов,
- управление потоками беженцев,
- поддержка демократии и стабильности в сопредельных регионах.

Европа должна обладать политической решимостью и быть в состоянии, реагировать на кризисы и конфликты, особенно если они происходят в сопредельных странах. Для этого в Евросоюзе должны быть созданы соответствующие политические и военные структуры.

Обновленная политика ЕС в вопросе расширения и отношений с сопредельными государствами - Европейский союз должен пересмотреть свою политику, проводимую в отношении сопредельных государств. Такое обновление должно стать сигналом для тех стран, которые имеют реальные шансы на вступление в ЕС при условии, что ими будут выполнены все требования, предъявляемые к новым членам. При этом недопустимо, чтобы уже данные обещания о принятии страны в ЕС подвергались сомнению (как это происходит в случае с Турцией). Такое поведение негативно влияет на отношения с партнерами и подрывает доверие к Союзу. Евросоюз должен четко заявить, что все европейские страны имеют возможность стать членами ЕС при условии, что ими будут выполнены все политические и экономические требования, предъявляемые к новым членам. Увеличение числа стран-участников потребует, в свою очередь, от ЕС реформирования соответствующих институтов и процесса принятия решений. Без проведения таких реформ Евросоюз не сможет оставаться дееспособным. Одновременно Евросоюзу следует более жестко отстаивать европейские ценности, а также поддерживать демократические институты гражданского общества и содействовать развитию общественного плюрализма в тех обществах, которые еще не утвердили окончательно вектор своего политического развития, и политическая культура в которых во многом отличается от европейских стандартов. Для этого необходимо упростить визовый режим и расширить международные контакты. В первую очередь, это касается программ молодежного обмена. Цель такой работы является, показать

государствам молодой демократии Центральной и Восточной Европы, какой путь им предстоит пройти для вступления в ЕС.

Законодательной базой интеграционных мероприятий является вступивший в силу первого января 2005 года Федеральный закон о миграции. В данном законе впервые в Федеративной республике Германия была разработана программа систематической интеграции, и был принят единый для всей страны набор интеграционных мероприятий для вновь прибывших мигрантов. Интеграционная политика Федерального правительства следует принципу «поддерживай и требуй», а также принципу «ориентации на имеющиеся ресурсы». Это значит, что интеграция понимается как процесс, требующий усилий с обеих сторон: принимающее общество предоставляет мигрантам набор программ, способствующий их интеграции — прежде всего, в области изучения языка и консультирования; с другой стороны, от мигрантов также требуются активные усилия по овладению немецким языком и собственной интеграции в правовую и общественную систему принимающей страны. Принцип «ориентации на имеющиеся ресурсы» означает, что интеграционные мероприятия учитывают на индивидуальные компетенции и способности мигрантов [9. С. 134-138].

Необходимо отметить и то, что Европа при всех интеграционных процессах все еще не едина. Она фактически разделена на «старую» (Германия, Франция и в меньшей степени Италия) и «новую» Европу (Восточная Европа, примкнувшая к Великобритании), придерживающуюся проамериканского вектора. Они различаются по целому ряду признаков исторического, социокультурного, регионального, уровня социально-экономического развития, этнонационального и иного характера. Расширение ЕС на Восток сопровождалось не только появлением в его составе множества экономически отсталых регионов, но и

увеличением числа государств с существенными внутренними различиями.

Все вышеизложенное позволяет объяснить тот факт, что среди политиков, исследователей, аналитиков не затухают дискуссии и споры о характере Евросоюза. Некоторые из них убеждены в том, что речь идет о федерации, другие о конфедерации. Бывший председатель Европейской Комиссии Ж. Делор не без оснований назвал Евросоюз «неопознанным политическим объектом» [6. С. 20]. По мнению немецкого исследователя В. Хольштейна, «ЕС не федерация и не конфедерация. Это законодательный и конституционный гибрид» [7. С. 567]. Действительно, любые попытки четко классифицировать институциональное выражение европейского интеграционного процесса как федерацию, межгосударственное объединение или международный режим весьма уязвимы для критики.

Стремясь ускорить интеграцию вглубь, ФРГ всегда предлагала своим партнерам достаточно выгодные условия. Так, она неизменно выступала (и продолжает выступать) как главный спонсор интеграции в ЕС (ЕЭС), делая самые крупные взносы в «коммунитарный» бюджет и получая из него значительно меньшие поступления. Причем это было обусловлено не только принятыми там гармонизированными и обязательными для всех членов этого объединения - «европейскими» принципами и нормами формирования и использования общих финансов, но и доброй волей руководства ФРГ, какая бы партия ни правила в Бонне, а после объединения двух германских государств 3 октября 1990 г. — в Берлине.

При этом ФРГ с самого начала последовательно руководствовалась своими экономическими интересами более высокого порядка, связанными с прогрессирующей либерализацией, а в конечном итоге с полным объединением в рамках ЕС рынков товаров, услуг и факторов производства

(капиталов, рабочей силы и интеллектуальных ресурсов). Ради согласия партнеров с необходимостью поступательного продвижения в этих направлениях, наиболее выгодных для мощной западногерманской индустрии и придавших всей экономике ФРГ мощные импульсы роста, она с первых шагов ЕЭС пошла на значительные уступки партнерам, прежде всего Франции, в других (наряду с финансовой) областях, например, возложив преимущественно на себя финансирование аграрной интеграции в «зеленой Европе».

Наряду с линией на полную либерализацию экономических отношений внутри ЕС другим — органически связанным с ней — принципом интеграционной политики ФРГ всегда был курс на укрепление «европейских» институтов ЕС, формирование и развитие там мощного механизма наднационального регулирования экономики [5].

Следуя своей стратегической линии на укрепление ЕС, развитие интеграции вглубь, Германия стала главным инициатором внедрения евро, сознательно и с расчетом отказавшись от своей первоклассной национальной валюты — немецкой марки, превосходно зарекомендовавшей себя за свою полувековую историю как одна из наиболее стабильных и «твердых» денежных единиц, пользовавшаяся заслуженным авторитетом во всем мире. При этом видные немецкие экономисты (например, крупнейший в Германии специалист по денежному обращению и валютным проблемам проф. М.Нойманн, которого «Виртшафтсвохе» и другие ведущие экономические издания не без оснований нарекли «головой немецких монетаристов») справедливо указывали на то, что отказ от марки в пользу евро не сулит их стране меркантильных выгод — это уступка партнерам ради углубления интеграции и укрепления позиций Евросоюза, а значит и участвующих в нем государств, в мире. Иными словами, евро рассматривался Германией, как и ее ближай-

шими партнерами, и в качестве адекватного ответа на вызовы глобализации [8].

Несмотря на укрепление евро по отношению к доллару после окончательного приобретения евро в феврале 2002 г. всех атрибутов полноценной валюты, вступление страны в еврозону принесло политическому руководству и деловым кругам Германии не меньше головолмных проблем и забот, чем доводов для удовлетворенности. Да и это укрепление стало результатом не столько силы евро, сколько слабости доллара вследствие гигантских дефицитов госбюджета и торгового баланса [4], а также других имманентных современной экономике и политике США обстоятельств. Удорожание евро при удешевлении доллара существенно сдерживает торговую экспансию ФРГ не только в США, но и во все страны, курсы национальных валют которых вслед за долларом пошли вниз. Евро как ответ на вызовы глобализации до сих пор обернулось к Германии одной из ее негативных сторон: вступление в еврозону существенно ослабило национальный механизм государственного регулирования экономики ФРГ, не компенсировав это созданием не менее эффективной «коммунитарной», наднациональной системы регулирования.

Необходимость очередных уступок партнерам возникла для Германии в связи очередным (пятым) этапом расширения Евросоюза, превратившегося с 1 мая 2004 г. из ЕС-15 в ЕС-25, а с 1 января 2007 г. — в ЕС-27 (С принятием Хорватии в члены ЕС летом 2013 года стран стало 28). Чтобы и дальше продвигать интеграцию вглубь, Германия, как и другие страны-спонсоры, должна содействовать подтягиванию «новоевропейцев», значительно отстающих от среднего показателя ЕС-15 по уровню экономического развития, к средней «коммунитарной» величине ВВП на душу населения в расширенном Евросоюзе. Без заметного выравнивания уровней экономического развития стран-членов ЕС-27

невозможна долгосрочная консолидация этого объединения, в том числе путем создания предпосылок для вступления «новоевропейцев» в еврозону. Для этого «новоевропейцы» нуждаются в весомой финансовой поддержке со стороны стран - спонсоров бюджета ЕС, и прежде всего Германии — экономического лидера блока [1].

Однако вследствие серьезных финансово-экономических трудностей, связанных с непомерными расходами на нужды объединения страны и сопряженным с этим замедлением модернизации народного хозяйства, Германия с конца прошлого десятилетия стала проводить гораздо более сдержанную и «экономную», чем прежде, интеграционную политику в ЕС.

Одной из серьезнейших проблем, стоящих перед Евросоюзом с точки зрения формирования единой европейской идентичности, без которой весьма трудно говорить о федеративном супергосударстве и даже о конфедерации, является выравнивание уровня жизни всех народов входящих в Союз государств. Однако, особенно в свете событий, которыми был сопряжен долговой кризис, который поставил на грань распада еврозоны, трудно вообразить, что это легко и быстро достижимая цель. Более того, выступая на митинге своих сторонников в Тулоне в ноябре 2011 года, Н. Саркози помимо всего прочего высказал озабоченность тем, что нынешний финансовый кризис настолько серьезен, что «может смести Евросоюз». Отчетливо обнаружилась диспропорция развития государств-членов Евросоюза. Как представляется, еще слишком серьезны барьеры между «старыми» членами ЕС и «новичками», между старой и новой Европой, уровень жизни в которых существенно различается. С учетом этих и множества других связанных с ними факторов весьма проблематично говорить о трансформации во всяком случае в обозримой перспективе Европы народов в Европу граждан Евросоюза.

Кризис воочию продемонстрировал, что Евросоюз стоит перед лицом целого ряда новых вызовов. Уязвимые места проектов политической интеграции воочию обнаружились в период так называемой «арабской весны» 2011 года, когда в Европу хлынула волна беженцев, вернее нелегальных иммигрантов из стран Северной Африки. Эта проблема приобрела такую остроту, что министры средиземноморских стран Европы - Кипра, Греции, Мальты, Франции, Испании и Италии, - на которые пришелся основной поток иммигрантов, сочли целесообразным собраться 19 апреля 2011 года в Никосии и выработать общую позицию по этой проблеме перед саммитом ЕС, который прошел в Брюсселе 12 мая. Решение Италии о выдаче беженцам из Африки, скопившимся на острове Лампедуза, разрешения на пребывание в Шенгенской зоне вызвало протесты других стран. А Франция закрыла свои границы с Италией [3].

Эти и связанные с ними события вынудили руководство Еврокомиссии и Германию признать возможность временного восстановления пограничного контроля в зоне действия Шенгенского соглашения. О серьезности ситуации в данном вопросе свидетельствовал тот факт, что такая идея содержалась в письме главы Еврокомиссии Жозе Мануэла Баррозу, направленном на имя президента Франции Николя Саркози и премьер-министра Италии Сильвио Берлускони. Эти предложения стали предметом обсуждения внеочередного заседания министров внутренних дел и юстиции стран ЕС, состоявшемся 5 мая 2011 года в Брюсселе. Предложение Еврокомиссии содержали возможность возвращения паспортного контроля, ужесточение визовых норм для граждан стран, не входящих в ЕС, пересмотр ряда положений, определяющих порядок рассмотрения дел, связанных с просьбами о предоставлении убежища.

Вызовом дальнейшему углублению европейской политической интеграции и, соответственно, европейской

идентичности является глобализация, обратной стороной которой является рост национализма, этнизма, возрождение различных форм радикализма, фундаментализма и др. Гражданами наиболее развитых стран Евросоюза высказываются также опасения относительно того, что двойное гражданство приведет к неконтролируемой миграции, которое негативно отразится на социально-экономическом положении соответствующих стран [2. С. 170].

В настоящее время руководство Евросоюза предпримет все необходимые меры для усилия, чтобы не допустить эрозии и подрыва основополагающих принципов европейской интеграции, тем более развала Евросоюза и даже Еврозоны.

Ссылки на источники и литературу

[1] Иорданская Э. Расширение ЕС на Восток: позиция Германии // Мировая экономика и международные отношения. — 2002. — №2.

[2] Михайлин К.Н. Рост внешнеполитической самостоятельности ФРГ и участие Германии в региональных конфликтах конца XX – начала XXI вв./К.Н. Михайлин //Россия, Запад и Восток: традиции, взаимодействия, новации: Сборник тезисов докладов и сообщений V Международной научн.-практ. конференции. – Владимир: ВГТУ, 2012. – С.170.

[3] Нина Веркхойзер Внешняя политика ФРГ в 2008 году: сдержанность, переходящая в нерешительность .
<http://www.dw-world.de/dw/article/0,,3890165,00.html>

[4] Сумленный С. Немецкая система: из чего сделана Германия и как она работает.- Москва- 2010.

[5] Cywiński P. Epoka lodowcowa między RFN i Rosją. Skandaliczna rewizja w niemieckich fundacjach // <http://wpolityce.pl/dzienniki/korespondencje-piotra-cywinskiego/50009-piotr-cywinski-dla-wpolitycepl-epoka->

ladowcowa-miedzy-rfn-i-rosja-skandaliczna-rewizja-w-niemieckich-fundacjach

[6] Debiel T. Fischer M. Kriesen prevention in einer gewaltträchtigen Welt. Was kann europäische und deutsche Entwicklungspolitik leisten? / Aus Politik und Zeitgeschichte. – 2011 - №12 - S.20

[7] Hacke C. Die Aussenpolitik der Bundesrepublik Deutschland von Konrad Adenauer bis Gerhard Schröder - Frankfurt/M, Berlin – 2003 - S.567

[8] Maull H. W. Auf leisen Sohlen aus der Aussenpolitik // Internationale Politik - №9 - 2010

[9] Wolf R. Finanzierungsprobleme der Europäischen Sicherheits- und Verteidigungspolitik unter den Bedingungen der Währungsunion // Aus Politik und Zeitgeschichte – 2013 - №64 - S.134-138.

РОЛЬ США В ЕВРОПЕЙСКОЙ СИСТЕМЕ БЕЗОПАСНОСТИ

М.Г. Кабасакалова*

США всегда видели в Европе своего естественного союзника в силу ряда причин: европейцы разделяли те же религиозные и культурные ценности, такие же взгляды на политическое устройство государства и демократическую форму правления, а также являлись исторически близкими американцам как потомки основателей американской нации. В том числе и по этим причинам Европа обратила на себя пристальное внимание Вашингтона, стремящегося

---

* **М.Г. Кабасакалова** - магистр кафедры теории и истории международных отношений. Научный руководитель к.и.н., доцент кафедры К.П. Курылев.

распространить свое политическое влияние далеко за пределы Западного полушария и видевшего в европейских столицах важнейший геополитический плацдарм. Поэтому политика США была направлена на максимальную «привязку» Европы, и, в первую очередь, в важнейшей для европейцев, как и для американцев, сфере – сфере безопасности. И наиболее благоприятным в данном контексте временем для реализации устремлений Вашингтона стал послевоенный период в истории европейских стран.

Европейские инициативы в сфере обеспечения безопасности.

После Второй мировой войны лежащая в руинах Европа встала перед дилеммой: какое направление выбрать для формирования дальнейшей внешней политики и безопасности – атлантизм или европеизм? Первый путь предполагал сохранение и укрепление американского присутствия в Европе, второй – концентрацию усилий в сфере политики и безопасности исключительно на европейских объединениях и вооруженных силах. Однако, несмотря на относительную успешность ряда предпринимаемых приверженцами европеизма шагов, а также логичность этого выбора с точки зрения исторически самостоятельного развития Европы, проведение курса на «европеизацию» сталкивалось с серьезными препятствиями.

В первые послевоенные годы полуразрушенная Европа чувствовала себя весьма уязвимой перед хотя и понесшим тяжелейшие потери, но все же во много раз более внушительным и мощным СССР. Поэтому вопрос о создании системы безопасности против советской угрозы стал одним из первостепенных в политических кругах европейских государств.

Первым реальным шагом в сфере безопасности явилось создание Западноевропейского союза (ЗЕС), основанного на базе заключенного в 1948 г. Брюссельского пакта. ЗЕС

представлял собой «проект европеизма», поскольку был основан пятью европейскими странами – Великобританией, Францией, Бельгией, Нидерландами и Люксембургом, и ставил целью противостояние возможной агрессии со стороны СССР и недопущение ремилитаризации Германии, опираясь на силы стран-участниц. Отличительной чертой Договора о создании ЗЕС стал пункт о «коллективной самообороне» в случае возникновения угрозы для одного из членов союза [11], что впоследствии было принято на вооружение основателями Организации Североатлантического договора. Ввиду незначительных военных ресурсов, которых объективно было недостаточно для сдерживания возможной угрозы со стороны СССР, значение Западноевропейского союза стало нивелироваться с возникновением НАТО. И хотя данная структура была упразднена лишь в 2011 г., ее функциональность в качестве оборонительного механизма ЕС фактически была сведена к номинальному статусу «европейской опоры» Атлантического союза, не имеющей характера реальной военной машины. США, с одной стороны, объективно понимая факт отсутствия достаточных сил для создания Европой самостоятельной мощной военно-политической организации, с другой, не желая усиления европейского континента и превращения его в конкурента США на мировой политической арене, практически не давали европейским странам автономности в сфере обеспечения своей безопасности. При этом на официальном уровне Вашингтон заявлял о своей поддержке политики ЗЕС, но с оговоркой, что Западноевропейский союз является достаточно эффективным *помощником* НАТО. То есть ЗЕС воспринимался Вашингтоном исключительно как вспомогательный инструмент основной военной силе в Европе – Североатлантическому альянсу. И это проявилось не только в отношении Западноевропейского союза.

В Маастрихтском (1992 г.), а затем и Амстердамском (1997 г.) договорах значительная роль была отведена построению европейской политики безопасности и обороны (ЕПБО), которая в свою очередь охватывала общую внешнюю политику и политику безопасности (ОВПБ). Целью этих направлений было объединение усилий европейских стран в сфере военной безопасности. Тогда основная военная деятельность была возложена на ЗЕС, а под «общей обороной» понимались так называемые «Петерсбергские задачи», носящие сугубо гуманитарный характер (эвакуация граждан, миссии по поддержанию мира, миссии с использованием вооруженных сил по управлению кризисами, включая операции по восстановлению мира). Тем не менее, лидеры двух европейских стран – Великобритании и Франции - не остановились на достигнутых соглашениях. В декабре 1998 г. на франко-британском саммите в Сан-Мало стороны приняли декларацию о европейской обороне, суть которой сводилась к следующему: ЕС должен придерживаться курса на эффективное исполнение положений ОВПБ, обладая при этом автономностью действий с опорой на соответствующие структуры и обороноспособные вооруженные силы, готовые в полной мере противостоять возникающим угрозам в случаях, если НАТО как таковая не задействована [10].

Данная инициатива получила дополнительный стимул после событий в Косово в начале 1999г. Операция США показала огромную разницу между американскими и европейскими вооруженными силами и потенциалами. Поэтому своего рода ответом на военные возможности Вашингтона стало принятие на саммите ЕС в Хельсинки в декабре 1999 г. решения о создании к 2003 г. Сил быстрого реагирования в Европе численностью 50-60 тыс. чел., способных выполнять «Петерсбергские задачи» [9]. Этот шаг отражал «европеистские» настроения ряда представителей европейской политической элиты, прежде всего Франции,

которая всегда стремилась к лидерству в Европе и весьма ревностно относилась к усилению там США во главе НАТО. Для Вашингтона же вопрос о присутствии в Европе был достаточно чувствительным, особенно учитывая поднимаемый (той же Францией) в начале 1990-х гг. вопрос о необходимости сохранения НАТО. Поэтому Белый дом достаточно сдержанно реагировал на инициативы ряда европейских стран, и, главным образом, на встречу глав Франции и Англии в Сен-Мало. Это нашло отражение в заявлении госсекретаря США М. Олбрайт о том, что ЕС не должен дублировать усилия НАТО, разъединять США и Европу и дискриминировать тех членов НАТО, которые не входят в Европейский Союз. [8]. Впрочем, подлинного беспокойства Вашингтона действия Европы все же не вызывали: усилия по созданию собственных европейских сил нашли реализацию в проведении отдельных операций гуманитарного и миротворческого характера в Африке, Азии, странах Карибского бассейна и Тихоокеанского региона, тогда как во всех документах, касающихся вопросов обеспечения безопасности в Европе, европейские лидеры отдавали главенствующую роль НАТО.

Необходимость обеспечения безопасности в Европе проявилась в создании одной из наиболее важных и крупных международных структур – Организации по безопасности и сотрудничеству в Европе (ОБСЕ). 1 августа 1975 г. главы 35 государств подписали Заключительный акт Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе, что стало отправной точкой к формированию и последующему расширению ОБСЕ. Организация, включающая 56 стран Европы, Северной Америки и Центральной Азии, провозгласила своей целью предотвращение возникновения региональных конфликтов, урегулирование кризисных ситуаций и ликвидацию последствий конфликтов, выделив при этом «три корзины» основных направлений деятельности: политико-военное, экономическое/экологическое и человеческое (или

гуманитарное) измерения. Особенностью ОБСЕ на момент ее создания была направленность не на отражение угрозы извне, а на предупреждение ее изнутри, поскольку организация объединяла два враждующих блока стран Запада и Востока, балансирующих на грани скатывания к ядерной войне. Изначально с организацией, определявшей зону своей ответственности «от Ванкувера до Владивостока», связывали серьезные надежды и ожидания, однако, возможно, именно такой чрезмерно широкий территориальный диапазон явился одной из причин последующего разочарования большинства стран-участниц.

В наибольшей степени это касается России, которая видела в массивной структуре потенциальную и необходимую, в силу глобальных политико-структурных изменений начала 1990-х гг., альтернативу НАТО. Однако впоследствии стало очевидно, что организация не обладает потенциалом для подобной трансформации. В 1990г. страны-участницы подписали Парижскую хартию для новой Европы, излагавшей цели и задачи СБСЕ в контексте происходивших политических изменений, заключили Договор об обычных вооруженных силах в Европе (ДОВСЕ), уравнивающий военные потенциалы стран Востока и Запада. В 1992-1993гг. был проведен ряд структурных изменений. В 1995г. государства-члены СБСЕ приняли решение о выходе на новый этап развития форума и переименовали его в ОБСЕ – Организацию по безопасности и сотрудничеству в Европе. Однако подобное преобразование оказалось своего рода «сменой вывесок», поскольку на деле практически не повлияло ни на характер обязательств, ни на статус СБСЕ и его институтов. К тому же разочарованию России способствовал саммит в Стамбуле в 1999г., на котором несколько западных стран выдвинули предложение, согласно которому нарушение прав человека не является внутренним делом государства. Фактически, данный пункт оправдывал проведение «гуманитарной интервенции»

США и НАТО в Косово, и это еще более накалило обстановку между Россией и Западом.

После развала СССР в ряде западноевропейских стран раздавались голоса в пользу развития европейской составляющей в системе безопасности Европы взамен НАТО. Однако, главным образом, в силу выбора «атлантической» направленности развития сферы безопасности странами Западной Европы ОБСЕ потеряла шанс на становление реальным механизмом в этой области, способным оказывать серьезное влияние на политические процессы. Конфликт в Югославии в 1999 г. лишь подтвердил малую эффективность и медлительность организации в зоне ее ответственности, особенно на фоне молниеносной реакции США и НАТО. Разрозненность политических устремлений стран-участниц, маленький бюджет, низкая оперативность в принятии важных решений, отсутствие собственных вооруженных сил, создание которых было весьма затратным и не гарантировало эффективность деятельности организации, – все это способствовало «перекоосу» направленности ОБСЕ преимущественно к исполнению обязанностей по «третьей корзине», то есть придало ей гуманитарный характер. В сфере военно-политического измерения в рамках ОБСЕ действуют меры по ДОВСЕ и Договор по открытому небу. Однако тот факт, что положения обеих инициатив не распространяются на все страны ОБСЕ, дают повод усомниться в их эффективности (в апреле 2012 г. Грузия вышла из Договора об открытом небе ввиду конфликта с Россией [3], а в июле 2007 г. Россия приостановила свое участие в ДОВСЕ, аргументируя это несоблюдением членами НАТО обязательств Договора). В силу этого очевидно, что страны Европы не видят в ОБСЕ противовес или альтернативу НАТО, и воспринимают ее как механизм по осуществлению миротворческих миссий, контролю за соблюдением прав и свобод человека и проч.

Таким образом, несмотря на существование приверженцев «европеизма» при проведении политики по обеспечению безопасности в Европе (например, Франция при правлении Ш. де Голля), европейские страны все же больше склонялись к связям с США и полагались на мощный Североатлантический альянс. Он постепенно вытеснил европейские структуры в сфере безопасности: в 2011 г. ввиду неэффективности на фоне НАТО Западноевропейский союз прекратил функционирование после почти 60-летней работы, в деятельности ОБСЕ просматривается явный «перекос» в сторону гуманитарной и миротворческой деятельности. Инициатива по созданию автономных сил быстрого реагирования, которые должны были использоваться в тех случаях, когда НАТО/США не станут вовлекаться в той или иной конфликт, фактически не была реализована в полной мере. Силы созданы были, однако они выполняют скорее вспомогательную роль при НАТО и применяются в постконфликтных ситуациях, нося миротворческий характер и, тем самым, являясь некой альтернативой войскам ООН. Причина этого состоит в том, что НАТО призвана обеспечивать безопасность Европы и, соответственно, не может «выбирать» в каких конфликтах ей участвовать, а в каких нет, будучи обязанной реагировать на малейшую угрозу. Как результат – несмотря на инициативы и периодическую риторику о необходимости самостоятельных действий по обеспечению безопасности, Европа вынуждена признать безальтернативность Альянса.

НАТО – «якорь» США в Европе.

Вторая мировая война стала переломным моментом во внешней политике США – Америка серьезно укрепила свои позиции. Причины этого носили преимущественно экономический характер: мировые войны всегда служили Вашингтону ступеньками к лидерству в капиталистическом мире. США не вели боевых действий на своей территории и

поэтому смогли сконцентрировать усилия на структуре экономики, развивая, в первую очередь, сельскохозяйственный сектор и тяжелую промышленность, и, благодаря этому получая огромные прибыли от экспорта вооружений и продовольствия по ленд-лизу. Шагом, имеющим политическое влияние на европейских союзников, стало создание США атомной бомбы, а ее испытание в 1945 г. на двух японских городах явило собой заключительный аккорд в демонстрации непревзойденной силы и мощи США. Расширению экономического влияния на Европу в огромной степени способствовало занятие долларом положения резервной валюты, а также проведение внешней экономической политики – так называемого «плана Маршалла» (1948-1952 гг.). Он имел значение не только экономического – стабилизацию экономики Европы при усилении американского капитала, - но и геополитического характера – укрепление политических позиций США и «подготовку» Европы к объединению в блок.

Таким образом, после второй мировой войны Вашингтон отошел от политики «изоляции» времен «доктрины Монро» и принял решение не ограничивать свое влияние Западным полушарием, а распространить его шире, в первую очередь, на Европу. Так, в декабре 1945 г. американский президент Г. Трумэн заявил: «Хотим мы этого или нет, мы обязаны признать, что одержанная нами победа возложила на американский народ бремя ответственности за дальнейшее руководство миром». Его поддержал и советник председателя правления «Дженерал моторс» Дауни, сказав, что «Нынешняя (Вторая мировая) война - это не что иное, как борьба за мировое господство... Пока не возникнет могучая коалиция – англо-саксонская ось или что-либо в этом роде – мира на земле не будет. Англосаксы вышли на сцену, чтобы править миром или оказаться в подчинении» [5].

Для достижения гегемонии США сделали ставку, главным образом, на военную составляющую. Создание мощной военной машины началось с США (так, военный бюджет США в мирное время – 1950 г. в 30 раз превышал военный бюджет 1938 г. [7]) и распространилось на Европу. «Фоном» для милитаризации и приведения европейских стран к мысли о необходимости сближения с США служила мощная пропаганда о коммунистической угрозе, исходившей от огромного Советского Союза. В Европе нагнеталось чувство постоянной опасности, которое европейские лидеры постарались несколько «заглушить» созданием в 1948 г. Западноевропейского союза, призванного обеспечивать безопасность европейских стран от СССР. Однако было очевидно, что ЗЕС не обладает необходимым потенциалом для сдерживания возможной опасности. Это понимали и в Вашингтоне; именно поэтому Белый дом оказывал всяческую поддержку при основании ЗЕС. В результате, «могучая коалиция», упомянутая Дауни, нашла отражение в решении о создании НАТО в 1949 г., инициатором которого выступили США.

Основание НАТО позволяло достичь цели обеим сторонам: Европа обеспечивала себя мощной защитой под эгидой США, на которую она не была способна в одиночку, Америка расширяла зону своего политико-экономического влияния при одновременном недопущении усиления позиций СССР.

Официально военно-политический блок НАТО носил оборонительный характер, однако практически сразу после создания Альянса главы стран-участниц приступили к разработке стратегического плана наступательных военных операций против СССР под названием «Удар» («Dropshot»), который предполагал начало войны с Советским Союзом в 1957 г. [4]. Вашингтон убеждал европейских лидеров в агрессивной политике Москвы и оправдывал, таким образом,

создание НАТО, ссылаясь на события 1948 г.: приход к власти коммунистической партии в Чехословакии и закрытие СССР Западного Берлина.

С одной стороны, вступив в НАТО, европейские страны обезопасили себя от возможной агрессии Москвы, оказавшись под защитным зонтиком США, но с другой – они в то же самое время автоматически стали ее целью в случае конфликта с Америкой, поскольку «контракеты» Советского Союза были направлены на Европу. Большинство европейских лидеров, отдавая себе отчет в том, что в кризисной ситуации Вашингтон скорее пожертвует европейским городом, нежели американским, все же разрабатывали агрессивные концепции НАТО, направленные на фактическое уничтожение сторон (например, стратегия «массированного ответного удара» в третьей Стратегической концепции НАТО, предусматривающая применение ядерного оружия, или стратегия «гибкого реагирования» в четвертой Стратегической концепции, призывающая к более гибким действиям, но также не исключающая использование ядерного оружия) [6]. Такая политика устрашения со стороны Альянса была характерной чертой всего периода «холодной войны», и, вероятно, она была оправдана с точки зрения серьезно опасавшихся СССР европейцев. Однако с распадом Советского Союза глобальная ситуация в корне изменилась, что, впрочем, практически не сказалось на положении Европы.

С распадом СССР США были негласно признаны победителем в «холодной войне», оставшись единственной сверхдержавой. Безусловно, Вашингтон стремился сохранить и укрепить свое привилегированное положение на глобальном уровне, что проявилось и в твердом намерении «остаться» в Европе во главе НАТО. С уходом ОВД с политической арены в коридорах власти ряда стран Европы (и не только) стал подниматься вопрос о целесообразности сохранения Североатлантического альянса. Действительно, союз требует

немалых финансовых затрат на поддержание и усовершенствование своего военного потенциала, в то время как реальная угроза Европе в лице СССР исчезла. И хотя связанная с Вашингтоном «особыми отношениями» Великобритания настаивала на сохранении роли НАТО как глобальной военной организации западного сообщества, Франция, поддерживаемая Германией, вносила предложения по формированию собственных европейских сил, автономных от США. Такой шаг мог пошатнуть уверенные позиции Америки в Европе, что не могло устраивать Белый дом. Поэтому было важно, чтобы европейские столицы убедились в своей неготовности в одиночку противостоять угрозам иного характера, возникшим в условиях нового геополитического расклада (среди таких угроз отмечались: нестабильность политического режима в России вдобавок к образовавшемуся идеологическому вакууму; сложные дезинтеграционные процессы на постсоветском пространстве, которые могли принять неуправляемый характер и отразиться на странах Центральной и Восточной Европы; дестабилизация стран «третьего мира», потерявших политический ориентир в лице СССР и пр.). Кризисы на Балканах в 1994-1995 гг. и, особенно, в 1999 г. продемонстрировали неспособность европейских стран своевременно и эффективно разрешать конфликты на своей территории и послужили наглядным примером необходимости сохранения НАТО, как главного механизма обеспечения безопасности в Европе. По словам американского геополитика Зб. Бжезинского, «Европа еще далека от того, чтобы стать единым геополитическим образованием... Без НАТО Европа стала бы не только уязвимой, но и почти немедленно политически расколотовой. НАТО гарантирует ей безопасность и обеспечивает прочный каркас для достижения европейского единства. Вот что делает НАТО исторически столь необходимой для Европы» [1].

Именно поэтому, осознавая свою зависимость от Североатлантического альянса, Европа, несмотря на возникающие сложности относительно проведения тех или иных военных акций (например, серьезные разногласия между США и Францией по вопросу операции против Ирака в 2003 г.), в целом поддерживает Вашингтон в стремлении расширения НАТО во всех измерениях – численном, пространственном и функциональном. Поэтому, несмотря на риторику ряда стран о необходимости выведения американских ядерных сил с их территории, Европа соглашается на развертывание Вашингтоном системы ПРО, направленной против мифической иранской угрозы. Поэтому европейские лидеры отказались от российской инициативы, предложенной Д.Медведевым в 2008 г. о создании Договора о европейской безопасности (ДЕБ), подразумевающего обеспечение неделимой системы безопасности на всем Евро-Атлантическом пространстве без доминирования какой-либо военно-политической структуры. Европа вполне довольна существующей системой безопасности, реализуемой Североатлантическим блоком. США удалось прочно закрепить в европейском политическом сознании тезис о безальтернативности и необходимости НАТО как мощной и эффективной военной машины. Поэтому европейские страны готовы нести и определенные жертвы, в том числе репутационного характера, как было, например, в 1986 г. при осуществлении американскими ВВС операции в Ливии*. Тогда Вашингтон недвусмысленно продемонстрировал, кто является «хозяином в НАТО».

---

* В апреле 1986 г. ВВС США, вместо вылета в Ливию из Англии, срезали путь и пролетели над территорией Франции и Испании, причем без получения на это разрешения от правительств этих стран. Полет проходил ночью и на минимальной высоте, чтобы не попасть в зону действия французских и испанских радаров. Инцидент, возможно, не получил бы громкой огласки, если бы не французские СМИ.

На территории европейских стран – Бельгии, Германии, Италии, Нидерландов, Турции (кандидата на членство в ЕС) и Великобритании – по-прежнему размещено американское тактическое ядерное оружие (примерно 200-450 единиц). Периодические попытки этих стран поднять вопрос о выводе ТЯО с их территории неизменно заканчиваются безрезультатно, поскольку в НАТО оно все еще рассматривается как ключевой элемент стратегии ядерного сдерживания. Европа играет крайне важную роль для США в экономической и военно-политической сферах, являясь своего рода плацдармом для проецирования Белым домом своего влияния на сопредельные регионы – Россию, Кавказ, Ближний Восток. Укрепление позиций Америки в Европе во главе НАТО остается основой успешной евразийской политики Вашингтона. На сегодняшний день именно присутствие США в Европе остается главным цементирующим элементом трансатлантического сотрудничества, и очевидно, что именно НАТО будет играть центральную роль в системе европейской безопасности.

Ссылки на источники и литературу:

- [1] Бжезинский Зб. Великая шахматная доска. Господство Америки и его геостратегические императивы. – М.: международные отношения, 2012. С.97.
- [2] Егорин А. Неизвестный Каддафи: братский вождь. Эксмо, 2011 г.
- [3] «Закрытое небо» Грузии. Коммерсантъ, 06.04.2012. <http://www.kommersant.ru/doc/1910927>
- [4] Из истории противостояния. <http://warrax.net/93/12/history.html>
- [5] Леонтьев А., Экспансия Соединенных Штатов прежде и теперь. «Новое время», 30.05.1947
- [6] Стратегические документы НАТО, начиная с 1949 года. http://www.nato.int/cps/ru/natolive/topics_56626.htm
- [7] Фостер У.З. Очерк политической истории Америки. Нью-Йорк, 1951. С.679.

- [8] Gärtner, H. European Security, the Transatlantic Link, and Crisis Management Europe // Europe's New Security Challenges. - London, 2001. P. 137.
- [9] Presidency Conclusions. Helsinki European Council. 10-11 December 1999.
- [10] SIPRY Yearbook 1999. Disarmament and International Security. Oxford-New York, 1999, p.265
- [11] Text of the Brussels Treaty. <http://www.weu.int/Treaty.htm#1>

ВОСТОЧНОЕВРОПЕЙСКИЕ ДИАСПОРЫ США И УКРАИНСКИЙ КРИЗИС 2014 Г.

Лошкарёв И.Д.*

Восточноевропейские диаспоры в США в совокупности насчитывают около 20 миллионов человек (поляки – 9,7 млн. чел., армяне – 4,48 млн. чел., чехи – 1,6 млн. чел., венгры – 1,56 млн. чел., украинцы – 0,97 млн. чел., словаки – 0,79 млн. чел., белорусы – 0,75 млн.чел., литовцы – 0,68 млн. чел., румыны – 0,52 млн. чел.)[18]. Основная часть представителей этих диаспор проживает в промышленных штатах так называемых «Среднего Запада» и «Северо-востока», что делает их исключительно важными в президентских избирательных компаниях, поскольку праймериз (предварительные выборы кандидата) двух крупнейших американских партий проходят по очереди от восточных штатов к западным. Как правило, большинство претендентов на пост президента США снимает свои кандидатуры, если не находит поддержки в этих штатах. Кроме того, штаты «Среднего Запада» располагают значительными делегациями в Конгрессе (в совокупности свыше 60 мест): Иллинойс – 19 мест, Висконсин – 8 мест, Мичиган – 14 мест, Огайо – 16 мест.

---

* **Лошкарёв И.Д.** -студент магистратуры МГИМО (У).

Аналогично, северо-западные штаты с большой долей представителей восточноевропейских диаспор широко представлены в нижней палате парламента: Мэрилэнд – 8 мест, Нью-Джерси – 12 мест, Нью-Йорк – 27 мест [13]. Таким образом, восточноевропейские диаспоры могут пассивно влиять на внешнеполитическую повестку дня США через участие в парламентских и президентских выборных кампаниях.

Кроме пассивного влияния на деятельность Вашингтона, диаспоры способны оказывать прямое воздействие на политическую элиты страны и выдвигать определенные инициативы, используя лоббистские рычаги воздействия, в том числе, финансовые перечисления в избирательные кампании. Степень вовлеченности диаспор в политику (в том числе внешнюю) зависит от многих факторов, в частности, от размера и размещения по территории страны соответствующей этнической группы, от степени ее сплоченности и способности поддерживать собственную идентичность. Кроме того, на активность подобных сообществ влияют волны миграции, взаимоотношения между разными поколениями, удаленность от территории происхождения. Вдобавок, на целостность диаспор воздействуют политика «принимающего» государства, отношение его элиты к конкретной этнической группе, готовность общества в целом принять расовое и этническое разнообразие [2, р. 815]. Безусловно, лоббистскую деятельность ведет не вся диаспора, а только ее организационные структуры, которые в нужный момент используют механизмы политической мобилизации всей общины для достижения конкретной цели. Например, для польской диаспоры такой зонтичной структурой является Конгресс американской Полонии, для венгерской – Американско-Венгерская Федерация и Национальная ассоциация американских венгров, для украинской – Украинский народный союз и Украинский конгрессовый комитет Америки.

Большая часть крупных организаций названных этнических групп входил в Коалицию центральноевропейских и восточноевропейских народов (КЦВН). В указанную структуру входит 17 объединений, представляющих 13 диаспор [11]. Коалиция возникла в 1994 году, когда Конгресс Американской Полонии решил многократно усилить давление на Вашингтон в вопросе вступления Польши в НАТО и обеспокоенности по поводу «агрессивности» РФ [12].

Существует несколько взглядов на то, как осуществляется лоббизм. Сторонники преференциального подхода считают, что происходит прямой обмен информации и материальных ресурсов на определенное решение. Естественно, такой процесс фактической покупки нужного действия проходит часто в не слишком легальной и укромной обстановке. В подобных условиях сложно найти подтверждения такого обмена, подтвердить теоретические выкладки эмпирическими данными. Кроме того, лоббистские группы часто стараются опираться на сочувствующих их позиции политиков и устанавливать с ними долгосрочные доверительные отношения, что снижает меркантильный интерес и преференциальный компонент в принятии соответствующего решения. Напротив, сторонники ресурсного подхода полагают, что материальные вливания и определенным образом подготовленная информация – скорее стимул для ожидаемой деятельности политика. В такой трактовке не цель определяет стратегию лоббизма, а степень близости к государственной элите (социальный ресурс): местные (локальные) группы опираются на массовые организации и движения, приближенные к власти – на площадки неформального общения и личные связи. Проще говоря, лоббистские (партийные, финансовые, религиозные) структуры поддерживают своих единомышленников и «напоминают» им о наиболее важных проблемах [1, pp. 875-876].

Опыт восточноевропейских диаспор подтверждает скорее второй подход к лоббизму. Представители данных сообществ склонны голосовать за своих сородичей, в некоторых случаях конгрессмены сами обращают внимание на важные для диаспор проблемы, что обеспечивает им электоральную поддержку. Таким образом, основная часть политической повестки дня избирателей и избираемых нередко совпадает. В американском Конгрессе даже стали возникать подобные «этнические» кокусы (объединения), куда вошли не только представители соответствующих этнических групп, но и просто сочувствующие конгрессмены: в Палате представителей – чешский (20 человек), польский (16 человек), украинский (42 человека). Помимо воздействия на законодательные органы власти, восточноевропейские диаспоры могут влиять на позицию исполнительной власти – через символические акции, открытые послания, составление информационных сводок определенной направленности.

Активисты КЦВН и соответствующих диаспор стали одним из столпов более широкой сетевой структуры – так называемого «русофобского лобби». Данная структура фактически адаптировала мифы об СССР времен холодной войны, представляя Россию неотвратимо империалистической, авторитарной и антизападной. Видную роль в финансовом кластере этого условного объединения занимает Джеймстоунский Фонд, основанный при участии Зб. Бжезинского. В целом, «лобби» объединяет американских «ястребов», ультралиберальных интеллектуалов и представителей коалиции восточноевропейских диаспор [3, pp. 21-23, 35-36].

Несмотря на то, что холодная война закончилась более 20 лет назад, деятельность Коалиции центральноевропейских и восточноевропейских народов во многом сохраняет идеологически антироссийский оттенок. В плане действий коалиции на 2010 год помимо прочего значилась

необходимость «противостоять попыткам России восстановить свою «сферу влияния» в регионе». Для этого предлагалось продвигать финансирование культурных и образовательных программ для постсоветских республик, поощрение стремления Украины и Грузии к членству в НАТО. В 2011 году Коалиция выступила в поддержку Акта Магницкого и Акта о реавторитаризации Беларуси. В 2012 году КЦВН провела шумную кампанию в поддержку Акта об усилении НАТО, подтверждавшего возможность нового расширения Альянса. Затем в 2013 году Коалиция лоббировала повышение затрат на расходы по линии НАТО и билль о Южном энергетическом коридоре для снижения энергетической от России [7].

С учетом непростой ситуации на Украине Коалиция центральноевропейских и восточноевропейских народов ведет большую работу с антироссийским идеологическим подтекстом, включая проведение семинаров и пресс-конференций, направление официальных посланий высшим государственным лицам. Еще до обострения ситуации в письме Б. Обаме от 23 октября 2013 года лидеры Коалиции отмечали: «к сожалению, Россия рассматривает процесс евроинтеграции этих стран (Украины, Грузии, Молдовы – И.Л.) как угрозу своим национальным интересам [...] Как альтернативу Европейскому Союзу, российское правительство инициировало создание евразийского Таможенного Союза и пытается убедить соседние страны стать его членами». Помимо подобной спорной трактовки интеграционных процессов на постсоветском пространстве, в письме содержалось требование немедленной встречи с президентом США, признания региона Центральной и Восточной Европы стратегически важным для США и укрепления (материально и политически) готовности ряда государств-членов НАТО к угрозе со стороны РФ [6]. 12 декабря Б. Обаме было направлено следующее письмо лидеров Коалиции, в котором

президенту предлагалось «призвать Россию прекратить немедленное и незаконное вмешательство в дела Украины». В послании содержалась позитивная оценка Евромайдана: «воплощая в жизнь их фундаментальное право на свободу высказываний и собраний, протестующие, многие из которых студенты, борются за интеграцию Украины в евроатлантические структуры». Более того, в письме отмечалось, что «действия России – это шаги по ресоветизации региона» [5].

Кроме коллективных посланий, организации восточноевропейских диаспор постарались изложить и собственную позицию, что позволяет проследить некоторые нюансы. Например, в письме лидера РАС Дж. Спулы главе Белого Дома от 4 марта 2014 года отмечалось, что «польско-американское сообщество рассчитывает на Ваше лидерство в обеспечении того, что не будет допущено продолжения бесстыдной политики запугивания и агрессии в отношении соседнего государства со стороны России» [9]. Кроме того, 14 апреля 2014 года Объединенный американско-балтийский национальный комитет направил каждому сенатору США типовое послание, в котором отмечалось следующее: «Наглая тактика Путина напоминает аншлюс Австрии Гитлером и кампанию Сталина против балтийских государств в 1939-1940 гг. Это опасные прецеденты, подрывающие принцип неприкосновенности границ. В 2008 году Москва уже создала такой прецедент путем захвата грузинской территории и продолжающейся оккупации Абхазии и Южной Осетии. Набирающая обороты практика вмешательства Москвы во внутренние дела других стран демонстрирует видение Путина о том, как должна быть устроена Украина, чтобы удовлетворять экономические интересы России» [10]. В том же духе высказалась Грузинская ассоциация США в официальном заявлении от 25 марта 2014 года: «Лишь экономические санкции и запрет на въезд для отдельных

членов российского политического и военного руководства по нескольким причинам вряд ли убедят Россию вывести войска из Крыма и уважать территориальную целостность Украина. Во-первых, маловероятно, чтобы только санкции могли убедить президенты Путина вернуть Крым или позволить Украине покинуть политическую орбиту России. Стремление Кремля сохранять ближайших соседей в своей сфере влияния перевесит любые экономические интересы, которые могут быть задеты санкциями. Во-вторых, основываясь на опыте 2008 года, президент Путин и его окружение убеждены, что Россия может пережить период санкций. Они убеждены, что Европа рано или поздно уступит по причине своей зависимости от российского газа и с целью сокращения собственных значительных экономических издержек, которые могут возникнуть при применении ответных санкций. Окажется ли этот расчет точным – неважно: значение имеет лишь то, что Путин и его внутренний круг уверены, что так и будет, и именно на этом убеждении будут основываться их действия. Недостаточный политический эффект получится, если полагаться только на экономические санкции, особенно с учетом автократической природы российского правительства и его невосприимчивость к позиции собственных граждан» [15].

Напротив, Американо-Венгерская Федерация весьма сдержанно оценивает события и выражает озабоченность судьбою венгров, проживающих на Украине. В частности, в заявлении Федерации от 28 февраля зафиксировано следующее: «В то время как значительное внимание уделяется вопросам конфликта украинской и русской этнических общин и спорам по поводу законов, направленных на разрешение или ограничение использования русского языка на официальном уровне, потребности венгерского меньшинства в основном игнорируются. Прозападная венгерская община невольно оказывается в эпицентре конфликта между этносами, между Западом и Востоком страны. Недавно выпущенная на свободу

Юлия Тимошенко, ключевая фигура Оранжевой революции, агрессивно выступала за ограничение использования в общественной жизни и образовании всех языков, кроме украинского. Хотя основной целью таких мер были этнические русские, носители венгерского языка пострадали от этих новых правил. Парадоксально, но венгерская этническая община оказалась в более выгодном положении, когда пророссийский президент Янукович с целью поддержки своего русскоязычного электората снял законодательные ограничения в языковой сфере. Хотя венгры на Украине не поддерживали Януковича и не занимали пророссийские позиции, они опасаются украинских националистов, которые продемонстрировали свое пристрастие к вандализму над памятниками венгерской общины и к насилию над гражданами по этническому принципу» [4]. Пока не ясно, насколько такие резкие заявления повлияли на конкретные результаты, однако со всей очевидностью указанные послания способствуют формированию определенного (антироссийского) дискурса в США, что повлияет на политические решения.

Отдельного внимания заслуживает позиция организаций украинской диаспоры по затрагиваемым вопросам. В частности, Украинский конгрессовый комитет Америки (УККА) в пресс-релизе от 17 марта 2014 года подчеркивал: «Учитывая массовое присутствие иностранных военных и нерегулярных подразделений, следует отметить, что людей принудили принять участие в голосовании угрозами и в результате вторжения на территорию Украины вооруженных сил Российской Федерации. Фарс, называемый референдумом, нельзя назвать даже академическим социологическим опросом. Есть доказательства, что в голосовании принимали участие не только украинские граждане, что некоторые лица использовали более одного бюллетеня, что доля проголосовавших в Севастополе достигла 123%, – это напоминает советскую эру. УККА приветствует

распоряжение президента Б. Обамы о санкциях в отношении Российской Федерации, его поддержку в деле осуждения на международном уровне так называемого референдума в Крыму...» [16]. В официальном заявлении Комитета от 11 апреля 2014 года значилось следующее: «территориальная целостность и суверенитет Украины находится под угрозой со стороны многочисленных отрядов российского происхождения вдоль восточной границы страны и из-за увеличивающегося числа провокаций со стороны финансируемых

Россией формирований, особенно, в юго-восточных областях – Харьковской, Луганской и Донецкой». В данном заявлении предлагалось предпринять следующие меры по деэскалации конфликта: провести учения НАТО в восточноевропейских странах и на Украине, предоставить Украине статус «главного союзника США вне НАТО» (англ. Major Non-NATO Ally), сформулировать «план Маршалла XXI века» и включить в него в обязательном порядке Украину [17].

В целом, позиция Коалиции центральноевропейских и восточноевропейских народов по урегулированию украинского кризиса была определена в заявлении от 17 апреля 2014 года, в которое вошли некоторые положения пресс-релизов прежних лет и отдельные элементы позиции УККА. В частности, Коалиция призвала провести немедленные учения НАТО в восточноевропейских странах и на Украине, направить корабли стран НАТО в Черное море и украинские порты с миссиями мониторинга, предоставить Украине статус «главного союзника США вне НАТО», сформулировать «план Маршалла XXI века» для поддержания трансатлантической безопасности, обеспечить выделение дополнительного финансирования на поддержку демократии странам «Восточного партнерства», содействовать интеграции Украины в НАТО и ЕС [8].

В результате значительной агитации среди американских законодателей, массовых акций в поддержку «демократического выбора» Украины и пока остающихся за завесой тайны переговоров, КЦВН добились внесения на рассмотрение Сената проекта Акта «О предотвращении агрессии России». Данный законопроект был внесен 1 мая 2014 года сенатором-республиканцем Р. Коркером, а его коспонсорами выступили известные неоконсервативные парламентарии – М. Рубио (один из претендентов на республиканскую президентскую номинацию в 2016), Дж. Маккейн (кандидат в президенты от республиканцев в 2008), Р. Портман (кандидат на выдвижение в вице-президенты от республиканской партии), М. Маконнел (лидер республиканского меньшинства в палате). Положения Акта в нынешнем его виде совпадают и даже несколько превосходят рекомендации КЦВН и отдельных организаций диаспор: ограничение продажи технологий военного и двойного назначения непосредственно России и ряду российских предприятий и связанных с ними лиц, мораторий на новые соглашения с РФ по вопросам ядерного разоружения, введение санкций в отношении 8 компаний («Сбербанк», «Газпромбанк», «Ростнефть», «Внешэкономбанк» и другие) и аффилированных с ними юридических и физических лиц, создание американо-германской рабочей группы по проблемам глобальной и региональной безопасности, увеличение образовательных обменов с постсоветскими странами, предоставление Грузии, Молдове и Украине статуса «главного союзника США вне НАТО», усиление военного сотрудничества на двустороннем и многостороннем уровне с рядом постсоветских и бывших югославских республик (Молдова, Украина, Азербайджан, Грузия, Черногория, Босния и Герцеговина, Македония, Сербия), введение моратория на сокращение численности воинских подразделений НАТО в Европе [14].

В целом, организационные структуры восточноевропейских диаспор занимают весьма активную позицию по вопросам урегулирования украинского кризиса. В то же время, их позиция включает в себя изрядную долю антироссийских по содержанию предложений, что сужает поле возможных компромиссов и негативно сказывается на общем фоне российско-американских отношений. Поэтому возможности и политические заявления таких групп влияния, как восточноевропейские диаспоры, не стоит игнорировать.

Ссылки на источники и литературу:

1. Naoi M., Krauss E. Who Lobbies Whom? Special Interest Politics under Alternative Electoral Systems // *American Journal of Political Science*, Vol. 53, No. 4 (Oct., 2009), pp. 874-892
2. Shain Y. Ethnic Diasporas and U.S. Foreign Policy // *Political Science Quarterly*. – 1994. – Vol. 109, No. 5. pp. 811-841
3. Tsygankov A.P. *Russophobia: Anti-Russian Lobby and American Foreign Policy*. – New York, 2009.
4. AHF Statement for Immediate Release (February 28, 2014) [Electronic resource] / The American Hungarian Federation's website. – Mode of access: http://www.americanhungarianfederation.org/docs/AHFStatement_Ukraine_2014-02-27.pdf
5. CEEC letter to President Obama – December 12, 2013 [Electronic resource] / Polish American Congress's website. – Mode of access: pac1944.org/ceec/UkraineLetter.131212.pdf

6. CEEC letter to President Obama - October 23, 2013 [Electronic resource] / CEEC's website. – Mode of access: <http://www.ceecoalition.us/news.htm>
7. CEEC's Most recent policy papers is available [Electronic resource] / CEEC's website. – Mode of access: [/policybrief.htm](http://www.ceecoalition.us/policybrief.htm)
8. Central and East European Coalition Statement on Ukraine and Call for Further Action [Electronic resource] / CEEC's website. – Mode of access: <http://www.ceecoalition.us/>
9. James Spula's letter to Obama [Electronic resource] / Polish American Congress's website. – Mode of access: <http://pac1944.org/presoffice/2014/LetterReUkraine.pdf>
10. JBANC delivers Ukraine support letters to all Senate offices [Electronic resource] / The Joint Baltic American National Committee's website. – Mode of access: <http://jbanc.org/?page=blog&v=4&id=33>
11. Member organizations [Electronic resource] / CEEC's website. – Mode of access: <http://www.ceecoalition.us/memberorganizations.htm>
12. Milestones in the story of The Polish American Congress. The First Fifty Years: 1944 – 1994. Part 2: 1981 - 1994 [Electronic resource] / Polish American Congress's website. – Mode of access: <http://pac1944.org/history/history2.htm>
13. Regional and State Delegations to Congress over Time: Congressional Apportionment from 1910-2010 [Electronic resource] /The Brookings Institution. – Mode of access : <http://www.brookings.edu/research/interactives/2013/congressional-apportionment-by-region>

14. S.2277 - Russian Aggression Prevention Act of 2014 [Electronic resource] / US Congress. – Mode of access: <https://beta.congress.gov/bill/113th-congress/senate-bill/2277>
15. Statement of the Georgian Association in the United States of America [Electronic resource] / Georgian Association in the United States of America’s website. – Mode of access: <http://www.georgianassociation.org/documents/GA-Statement-Ukraine-03-14.pdf>
16. UCCA does not recognize “referendum” in Crimea [Electronic resource] / Ukrainian Congress Committee of America’s website. – Mode of access: http://www.ucca.org/index.php?option=com_content&view=article&id=391%3Aucca-does-not-recognize-referendum-in-rimea&catid=8%3Auccastatements&Itemid=23&lang=en
17. UCCA urges immediate action from The United States [Electronic resource] / Ukrainian Congress Committee of America’s website. – Mode of access: http://www.ucca.org/index.php?option=com_content&view=article&id=397:ucca-urges-immediate-action-from-the-united-states&catid=8:ucca-statements&Itemid=23&lang=en
18. US 2010 Census Brief [Electronic resource] /US Census Bureau. – Mode of access: <http://www.census.gov/prod/cen2010/briefs/c2010br-02.pdf>

ПРОБЛЕМА МЕЖДУНАРОДНОГО ТЕРРОРИЗМА В КОНТЕКСТЕ ОБЕСПЕЧЕНИЯ БЕЗОПАСНОСТИ ЕС

А.А Мамонов*

В современных международных отношениях появляются новые вызовы и угрозы безопасности, которые носят долгосрочный характер. В свою очередь, это означает жизненно-важную потребность среди международных акторов выработать совместную повестку дня и координировать действия по предотвращению развития этих угроз. Самой серьезной из них, по оценкам экспертов, является международный терроризм: «...или транснациональный терроризм, который стал в первой половине нынешнего десятилетия стратегической угрозой глобального масштаба». [15. С. 75].

Ключевыми моментами, которые наиболее ярко показали всему миру уровень данной угрозы, стали террористические акты на территории Российской Федерации, где в начале 2000-х годов произошли теракты в Беслане и в Москве. События 11 сентября 2001 г., когда Нью-Йорк и Вашингтон подверглись террористическим атакам, также оказали влияние на осознание данной проблемы в международных делах. Эти страшные по масштабам и потерям события явились ключевой фазой перехода терроризма в качественно новое измерение, где ни одна страна или организация уже не могли себя чувствовать защищено. Более того, даже располагая огромными военными и политическими ресурсами, уже нельзя было так просто абстрагироваться от

---

* **Мамонов А.А.** – студент кафедры теории и истории международных отношений. Научный руководитель профессор кафедры ТИМО, к. и. н., д. ф. н. А.В. Шабага.

данной проблемы и действовать в одиночку по вопросам государственной безопасности.

Безопасности Европейского Союза, безусловно, является одной из ключевых задач среди его стран-членов. Исходя из этого, следует рассмотреть проблему международного терроризма в контексте ее влияния на безопасность ЕС, с учетом текущей международной обстановки и ряда других факторов. Проследить за тем, какую роль террористическая угроза играет в обеспечении национальной безопасности стран-членов ЕС. Рассмотрение основополагающих принципов и механизмов внутри самой Европейской организации также представляется важным.

Необходимо отметить, что первые шаги в противодействии терроризму начались еще до окончательного формирования структуры ЕС в 1992. Когда за несколько лет до этого европейскими странами было принято важное решение о создании на оперативном уровне группы TREVI (Terrorism, Radicalism, Extremism and Violence). Функциональная деятельность данной группы была очень важна и продуктивна: «В рамках этой группы министры юстиции и внутренних дел Европейского сообщества обменивались разведывательной информацией, составляли черные списки террористов, анализировали внешние террористические угрозы, занимались поиском отдельных террористических групп, а также способствовали аресту и судебному преследованию террористов». [2. С. 165]. Очень важно отметить и тот факт, что после подписания Маастрихтского договора данная группа стала частью обеспечения безопасности ЕС. Также появилось еще одно важное координационное подразделение – Европол.

Несмотря на такое сотрудничество между странами-членами Европейского сообщества в области противодействия этой проблеме стоит отметить, что к началу XXI века угроза международного терроризма не стоял так остро на повестке дня: «До событий 11 сентября 2001 г. Европейский Союз (ЕС)

не рассматривал международный терроризм, как угрозу для Европы на саммитах в Ницце и Гетеборге проблема предотвращения конфликтов подавалась без какого-либо упоминания о существовании такой угрозы».[14.С. 12]. Из этого следует, что данная угроза не была одинаково реальной для всех государств-членов, поэтому не считалась общеевропейской. Согласно опросу, проведенному Евробарометром даже уже в период расширения ЕС (2003 - 2005 гг.) лишь 1 - 2% населения "новых стран" ЕС, а также Португалии и Греции считали угрозу терроризма приоритетной, в то время как соответствующие показатели в Дании (32%), Великобритании (34%), Испании (59%), Италии (24%), Нидерландов (40%), Франции (13%) были существенно выше. [17. Р. 50-55].

Необходимо отметить, что даже имея такой дифференцированный подход среди стран-членов осознание того, что эффективная борьба с терроризмом невозможна без тесного сотрудничества и единых договоренностей уже присутствовала. Уже следующая встреча показала, что общеевропейская солидарность и сотрудничество выше внутривластных разногласий: «Саммит ЕС в Севилье 21-22 июня 2002 г. подтвердил, что борьба с терроризмом является одной из приоритетных задач Евросоюза. В отдельной декларации по борьбе с терроризмом отмечается, что действия ЕС основываются на "скоординированном и междисциплинарном подходе" который включает в себя согласованную политику в области международных отношений». [13. С. 51-53]. Таким образом, видно, что взаимодействие с другими международными акторами выводится в приоритетное направление.

В декабре 2003 г. Европейский совет принял Стратегию европейской безопасности (European Security Strategy – ESS). В ней впервые раскрывается стратегическое видение политики безопасности ЕС, в которой терроризм, наряду, с другими

факторами в частности – региональными конфликтами и организованной преступностью, вновь указаны в качестве основных угроз безопасности, для всех стран-членов ЕС. Это решение показывает то, что государства-члены смогли продвинуться в вопросах совместного принятия решений в рамках Европейского Союза. Внутреннее осознание того, что данные вызовы в любой момент могут коснуться самих членов сообщества, уже было реальностью.

Особым образом на это влияло геополитическое положение в мире, связанное с региональными конфликтами. Следует выделить один из важных моментов в террористической угрозе европейскому сообществу, заключающийся в факторе перекрестного членства определенных стран ЕС и НАТО. Важную роль тут играет позиция стран-членов, которую они занимают в Североатлантическом Альянсе. В дальнейшем на примерах будет видно, что это оказывает непосредственное влияние на безопасность. Так в 2001 году Австрия, Ирландия, Финляндия, и Швеция не выразили своего одобрения решению НАТО использовать пятую статью о коллективной обороне в ответ на террористические удары 11 сентября. Это повлияло в частности на общее обеспечение безопасности европейского сообщества: «Во многом из-за несогласия этих стран не были поддержаны инициативы по принятию новой концепции безопасности ЕС, которая дополнила бы его усилия в борьбе с терроризмом согласованными мерами военного характера». [14. С. 17]. Еще одним показательным примером является ситуация 2003 года возникшая в связи с военными действиями на территории Ирака, тогда: «линия размежевания прошла между франко-германской осью отстаивающей мирное разоружение этой страны, и "атлантистской" группировкой стран Европейского союза, поддерживающих силовое решение, которое предлагают США». [14. С. 18].

В конечном счете, широкомасштабные действия США при поддержке ряда стран-членов ЕС в боевых действиях на

территории Афганистана и Ирака, поспособствовали усилению негативных настроений среди представителей радикальных течений на европейском пространстве. Так, например, благодаря действию специальных служб Германии уже в декабре 2004 года немецкие власти арестовали трех иракцев, подозреваемых в заговоре с целью убийства временного иракского премьер-министра во время его визита в Берлин. [18. Р.3]. Более того, согласно докладу, озвученному в «подкомитете по Европе и растущим угрозам» в Конгрессе США: «С 11 сентября до начала 2005 года, в Европе были предотвращены приблизительно двадцать больших террористических атак. Однако, несколько крупных терактов были успешными: Взрывы в Мадриде 11 марта 2004 года (погиб 191 и было ранено 2050 человек); Убийство голландского режиссера Тео Ван Гога в Амстердаме 2 ноября 2004 года и взрывы в Лондонском метро в 2005 году. [22]. Эти страшные события не просто показали ощутимую опасность со стороны терроризма на европейской земле, но и продемонстрировали определенную логику, вытекающую из взаимосвязи участия той или иной страны в мировых кризисах. Именно тот дистанцированный подход к военным действиям на Ближнем Востоке, некоторых стран ЕС выявил обоснованность их тревог. Некоторые эксперты, например, утверждают, что Мадрид был выбран в качестве террористической цели в марте 2004 года в частности из-за поддержки испанским правительством использование силы в Ираке. Это же явилось и поводом для взрывов в Лондоне в июле 2005 года. Соответственно можно предположить, что это была одна из причин, почему такие страны, как Франция и Германия ранее выступили против участия в операциях под руководством США в войны в Ираке. [18. Р. 6].

Более того, важно отметить, что выбор целей был также продуман с точки зрения влияния не только на конкретные данные государства, но и на весь ЕС. Один из официальных

представителей Великобритании по борьбе с терроризмом заявил о том, что террористы пытаются расколоть западный альянс: «Они фокусируют свои усилия на атаке больших стран – США, Великобритании и Испании - с тем, чтобы напугать меньшие государства». [21]. Не стоит недооценивать данные высказывания. Существование террористических ячеек внутри отдельных стран ЕС несет дополнительный конфликтогенный потенциал и другим странам членам, где в условиях смежных государственных границ террористы получают больше мобильности для совершения своих преступных действий. Таким образом, становится понятно, почему мероприятия по противодействию терроризму не могут находиться во главе угла лишь у наиболее влиятельных стран-членов ЕС. Необходимо было объединить потенциал стран для обеспечения комплексной безопасности. Это заставило ЕС вновь оценить и по возможности пересмотреть результаты совместных действий стран-членов и принять второй пакет мер – новых инструментов противодействия терроризму. Весенний саммит ЕС 2004 г. принял решение о создании Ситуационного центра (Situation centre, SitCen) для сбора информации и разведывательных данных, а также об учреждении новой должности в ЕС - Координатора по борьбе с терроризмом. Согласно мнению экспертов, замысел состоял в следующем: «Обе структуры были предназначены для усиления координирующей роли Евросоюза и концентрации информации, касающейся терроризма, на наднациональном уровне». [13. С. 53]. Другие нововведения касались, в частности, предотвращения радикализации и вербовки в террористические организации; ужесточения контроля над торговлей, хранением и транспортировкой взрывчатых веществ; усилении противодействия финансированию терроризма. Еще одной важной вехой в создании антитеррористического инструментария стал Прюмский договор от 27 мая 2005, подписанный семью государствами

ЕС (Бельгией, Испанией, Германией, Францией, Люксембургом, Нидерландами, Австрией). Договором предусмотрено, что государства-участники могут предоставлять друг другу автоматический доступ к национальным базам данных, обладающих определенной степенью секретности, например, получить в режиме реального времени доступ к файлам, содержащие данные о ДНК и дактилоскопии. Данная схема должна содействовать борьбе с трансграничной преступностью и международным терроризмом. [4].

Рассмотрев безопасность ЕС с точки зрения угрозы терроризма в новом тысячелетии и определив концептуальные основы обеспечения контр-террористических мероприятий внутри ЕС, необходимо уделить особое внимание другой стороне данного вопроса. Известно, что методы противодействия терроризму не могут заключаться лишь в кооперации специальных ведомств и организации правовых рычагов для воздействия на него. Важным моментом для понимания сложностей, которые происходили и происходят в сегодняшние дни в Европейском сообществе, является «борьба за умы и сердца» внутри самой организации. Проведение грамотной работы с населением и создание определенных условий для понимания важности проблемы терроризма в самом обществе - является необходимым условием в контр-террористических действиях. Как отмечает российский эксперт в области международной безопасности С.С. Веселовский: «Важной частью антитеррористической стратегии является нейтрализация поддержки террористов в странах их проживания, а также порождение желания бороться с ним у самого населения». [2. С. 190].

В первую очередь, для того, чтобы как-то влиять на умонастроения нестабильной части общества, необходимо знать культурно-нравственные и социально-экономические

трудности, которые оказывают непосредственное воздействие на формирование экстремистских воззрений. Необходимо отметить, что на момент совершения крупных терактов в Европе, благоприятная почва для их реализации уже существовала. Это связано с тем, что в странах континентальной Европы проживает многочисленное мусульманское население, которое по-прежнему не теряет связей с исторической родиной (странами Ближнего и Среднего Востока и Северной Африки). На это накладывает отпечаток того, что мигранты и их дети слабо ассимилируются в европейское сообщество. Благодаря подобному факту по оценкам экспертов: «...формируется среда, благоприятная для вербовки сторонников исламистскими группами. В этой связи неудивительно, что крупнейшие теракты в Лондоне и Мадриде были совершены лицами, постоянно проживающими в этих странах». [7. С. 97]. Из этого прямо следует, что для поддержания уровня стабильности в европейском сообществе, в котором находится большое количество мусульман - необходимо соизмерять свои внешнеполитические действия на мировой арене с требованиями безопасности.

Эти требования, прежде всего, выражены в укреплении политики ассимиляции для эмигрантов и их семей, в их социально-культурной адаптации к бурной либеральной жизни европейцев. Стоит упомянуть, что пока не все европейские страны справляются с этой жизненно-важной для них задачей. Так, если после терактов в Европе Великобритания ввела новые курсы по получению гражданства, для того чтобы иммигранты могли говорить по-английски, понимать британскую историю и культуру, то во Франции правительство запретило "заметные" религиозные символы в государственных школах, например, ношение платков мусульманским девушкам. [18. Р. 4]. Такая политика имеет свои последствия. Эксперты отмечают, что конфликты в школах с девочками-мусульманками по причине ношения

платка, другие формы выражения неприязни по отношению к приезжим: «Все это заставляет иммигрантов чувствовать себя не столько алжирцами, турками, афганцами, сколько, прежде всего, мусульманами». [10].

Соответственно, для того, чтобы найти поддержку, осознать свою значимость в том обществе, которое отлично от их собственных представлений они стараются все чаще посещать мечети, различные религиозные мероприятия. Это становится как бы самозащитной реакцией когда: «...у мусульман наблюдается обостренное чувство принадлежности к умме – мусульманскому миру». [10] Зачастую именно во время посещений религиозных мест эти люди подвергаются как минимум сильному воздействию, а как максимум вербовке. Так: «По данным французской полиции, в стране 150 из 1600 мечетей и молельных комнат находятся под контролем экстремистов, 23% французов, принявших ислам, заявляют о своей приверженности салафизму». [10].

Помимо исторических и религиозных факторов, влияющих на формирование негативного отношения к европейскому образу жизни, также наблюдается и другой очень важный фактор. Серьезное воздействие оказывает экономическая ситуация, которая не простым образом складывается в рамках экономической политики Европейского Союза: «Экономический и социальный кризис сильнее всего затронул мусульманские сообщества. Если средняя безработица во Франции или Бельгии - приблизительно 10%, то - 20% это обычная цифра для мусульманских сообществ, а иногда даже 40% среди мусульманской молодежи - то есть среди третьего поколения. Это укрепляет чувство исключенности из общества». [22]. В условиях дальнейшего пролонгирования экономического кризиса и увеличении числа безработных граждан, можно предположить, что ситуация будет ухудшаться. В настоящее время, по данным МОТ (Международной Организации Труда) можно видеть это на

деле: «В феврале 2013 года не имели работы более 26,3 млн. европейцев, что на 10,2 млн. человек больше, чем в 2008 году». [12]. Эксперты же в данной связи справедливо отмечают, что данная социально-экономическая дифференциация в европейском сообществе может значительно усугубить и без того нарастающее напряжение среди мусульманского населения. В частности, «убийственно высокий уровень безработицы среди европейских мусульман (в 3 раза выше, чем в среднем по стране в большинстве стран) усугубляет их социальную маргинализацию и культурную самосегрегацию». [6].

В условиях такого сложного положения в области противодействия и предупреждения террористической угрозе проблема с ее восприятием на уровне стран-членов усилила свои позиции в повестке дня. В особенности отмечается, что часто за декларативными фразами и обязательствами стоит еще и чисто прагматический подход, а именно: «заинтересованность весьма влиятельных представителей бизнеса и госструктур занимать позицию «двойного стандарта» в отношении террористов, как это имело место, например, в отношении некоторых чеченских полевых командиров, нашедших себе пристанище в некоторых странах Евросоюза». [1]. В этой связи наглядным примером служит ситуация с чеченским боевиком Закаевым, который был объявлен Россией в международный розыск девять лет назад. Всего ему инкриминируют 11 эпизодов преступной деятельности. В 2002 году Закаев был задержан по запросу России в Копенгагене и 34 дня провел под арестом. Дания тогда отклонила требование Москвы по экстрадиции, и он был освобожден. Позднее Закаев был арестован в Великобритании, которая также отказала России в его экстрадиции и в 2003 году вообще предоставила ему политическое убежище. [5]. Теперь, когда бывший террорист находится под усиленной охраной

MI5, ему живется намного комфортнее. [20]. Это показательная политика введения «двойных стандартов» в международную практику. Ведь именно эта служба Великобритании должна бы по идее всячески бороться с терроризмом, когда: «Контрразведка МИ-5 весной 1992 года после волны терактов в Лондоне перехватила у полиции главную роль в борьбе с терроризмом». [8. С. 19].

Помимо этого представителя бандподполья, по другим оценкам, которые дают эксперты ситуация выглядит куда более опасней: «много международных террористов имеют в качестве места своего происхождения территорию Великобритании». [8. С. 20]. Примечательны факты нахождения там не просто отдельных боевиков, но и ряда террористических организаций. «В том же Лондоне «Хизб ут-Тахрир» открыто функционировала в Великобритании до начала 2006 г., она сыграла значительную роль в процессе радикализации мусульманской молодежи европейских стран. Шейх Омар Бакри Мухаммад, основатель лондонского отделения исламистской организации «Хизб ут-Тахрир» и группировки «Аль-Мухаджирун» отправил 160 муджахедов из Британии в Иорданию и Ливан, на территорию лагерей палестинских беженцев, в частности «Эйн уль-Хильва», для прохождения военной подготовки». [10]. Даже если смотреть географические показатели по странам, в которых так или иначе оказывается поддержка подпольным бандформированиям действующим на территории РФ, можно увидеть, что многие страны входят в ЕС. По оценкам заместителя руководителя аппарата—начальника Управления «И» НАК (Национального Антитеррористического Комитета): «За рубежом насчитывается более 60 организаций, поддерживающих северо-кавказских сепаратистов и террористов. Из них только в США—20, в Турции—14, в Иордании—4, в Бельгии—2, Дании—3, Польше—2, Финляндии—4, Франции—1, ФРГ—3, в Азербайджане и

Украине по 2, в Грузии—1, в Великобритании—члены т. н. правительства Ичкерии». [9. С. 289].

Ситуация когда страна дает политическое убежище террористу и в пределах государственных границ которой функционируют различные группировки – не просто показывает стремление к каким-то надуманным демократическим__позывам с ее стороны, но подрывает - авторитет европейских институтов по борьбе с терроризмом. Создается опасный прецедент, когда террорист, совершив свои преступления на территории одной страны пусть с которой и действительно существует политические разногласия, получает не просто негласную поддержку, а политическое убежище. В условиях, когда транснациональный терроризм представляет глобальную угрозу всем странам, такой подход лишней раз наносит ущерб двусторонним отношениям, показывает глубину политический противоречий, которые переходят в подобные действия. Это снижает уровень готовности совместно и эффективно противостоять угрозам. Особое влияние оказывает нынешняя конфигурация международных отношений. Действительно сегодня весьма напряженные региональные конфликты благодаря глобализации превращаются в прямую угрозу даже тому государству, которое находится на другом конце света. Раннее описанные последствия для европейских государств, участвующих напрямую в этих конфликтах недвусмысленно показали это.

В частности, следует выделить Сирийский кризис как один из самых конфликтогенных в настоящее время. По степени влияния на страны ЕС он даже возможно превзойдет последствия Ирака и Афганистана, о которых упоминалось ранее. Как отмечено в докладе Европола: «Текущая гражданская война в Сирии привлекла ряд радикальные граждане ЕС». [19. Р. 7]. Также согласно докладу комиссии Европола в 2013 году террористическая угроза в ЕС остается

на высоком уровне. Зарегистрировано 17 смертей в результате террористической деятельности в 2012 году, что показывает резкий рост по сравнению с двумя смертями в прошлом году. Также, по данным главы британской службы по безопасности и контр-терроризму Чарльза Фарра, сейчас на стороне сирийских радикалов воюют 70-100 подданных Елизаветы II. Общее же число европейцев, борющихся с режимом Башара Асада, оценивается в несколько сотен. Большая часть из них входит в образованную в январе 2012 года джихадистскую группировку "Фронт Аль-Нусра", которая тесно связана с "Аль-Каидой". (по сути является ее аффилированной структурой). [13]. Позднее уже сам Координатор ЕС по борьбе с терроризмом уточнил эти цифры: «На сегодняшний день порядка 500 европейцев воюют на стороне повстанческих сил против войск президента Башара Асада. Большинство из них – это выходцы из Великобритании, Ирландии и Франции, которые проникают в Сирию через турецкую или ливанскую границу». [11].

Обобщая вышеуказанные примеры необходимо сделать следующие умозаключения:

- Во-первых, террористическая угроза остается одной из наиболее актуальных проблем для Европейского Союза. Более того, угрозу представляют уже непосредственно сами граждане европейских государств, воюющие в Ближневосточном регионе с легитимным правительством президента Сирии. Если учесть, тот факт, что они сражаются на той стороне, где большую часть составляют уже боевики - не представляется убедительным, что вернувшись назад в свои страны, они дезавуируют свои преступные намерения и вернуться к мирной жизни. Касательно данной ситуации существует субъективное мнение о том, что такое количество выехавших европейцев слишком мало для того чтобы представлять серьезную угрозу безопасности страны. На самом деле следует сказать, что это большое заблуждение. Во-

первых, эти люди - приобретают определенный опыт, навыки, которыми в обыденной жизни им бы пришлось овладевать с трудностями. Можно, например, отнести сюда: владение несколькими видами стрелкового оружия, обучение минно-подрывному делу. Во-вторых, если мы вспомним количественный состав тех преступных бандформирований, которые захватывали школу в Беслане, столичный театр на Дубровке и боевиков, которые таранили башни близнецы в США, то мы увидим, что их численность не превышала и полусотни. Последствия же для всего мира были огромными.

- Во-вторых, на внутригосударственном уровне стран-членов ЕС восприятие терроризма равно, как и борьба с ним воспринимаются не одинаково. Показателен пример с невыдачей террориста. Представляется объективным, что эффективный подход к вопросу противодействия терроризму, безусловно, не имеет под собой знак равенства с политикой «двойных стандартов». В условиях, когда международный терроризм является общей угрозой всему человечеству, односторонний подход просто недопустим. Более того это вредит отношениям тех стран, которым необходимо наоборот совместно проецировать свои действия.

Таким образом подводя итог к вышесказанному стоит выделить, что рост международного терроризма теснейшим образом затрагивает безопасность стран-членов Европейского Союза, более того непосредственное участие граждан Европы в современных конфликтах на стороне незаконных бандформирований увеличивает данные опасения в разы. Это заставляет страны вырабатывать новые подходы и совершенствовать уже принятые внутригосударственные меры, учитывая ранее концептуально оформленные стратегии Европейского сообщества. Также в сегодняшнем мире очень важно сотрудничество, как со странами-членами ЕС, так и с другими влиятельными международными игроками. Яркий примером межгосударственного сотрудничества может

служить в частности недавняя ситуация, когда российские спецслужбы передали немецким коллегам данные о конкретном человеке, который мог быть причастен к подготовке террористической атаки на территории ЕС во время матча Лиги Чемпионов.[16]

Ссылки на источники и литературу

1. *Базаркина Д.Ю.* Корни этнорелигиозного терроризма в Европейском Союзе и Латинской Америке: общее и особенное // Мир и Политика. – Режим доступа: <http://mir-politika.ru/2488--orni-etnoreligioznogo-terrorizma-v-evropeyskom-soyuze-i-latinskoy-amerike-obschee-i-osobennoe.html>
2. *Веселовский С.С.* Многостороннее сотрудничество в борьбе с транснациональным терроризмом // С.С. Веселовский. – М.: Навона, 2009. –С.165-190.
3. Газета "Коммерсантъ", №53 (5084), 28.03.2013, статья «Европа готовится к встрече с террористами». – Режим доступа: <http://kommersant.ru/doc/2156044>
4. Информационное Агентство Интерфакс, статья «Страны Евросоюза планируют объединить полицейские базы данных». – Режим доступа: <http://www.interfax.by/node/1034222>
5. Информационное агентство РИА НОВОСТИ, статья «Задержание Ахмеда Закаева». – Режим доступа: http://ria.ru/trend/search_criminal_Zakaev_16092010/
6. Информационный портал Вести, статья «Мусульмане имеют все шансы интегрироваться в ЕС». – Режим доступа: <http://www.vestifinance.ru/articles/11030>
7. *Истомин И.А.* Политическая пропаганда радикальных исламистских организаций в США // Вестник МГИМО, 2012, №6.-С.97

8. *Казанцев, А. А.* Политика США и ключевых государств-членов ЕС в области борьбы с терроризмом и массовыми нарушениями общественного порядка / Е.Р. Воронин, И.Г. Пашковская, Л.Ю. Гусев, А. А. Казанцев .- М. : МГИМО-Университет, 2012 .- Аналитические доклады ИМИ. - 2012. - Вып. 4(34). –С.19-20.

9. Материалы Четвертой международной научной конференции по проблемам безопасности и противодействия терроризму. Московский государственный университет им.М.В. Ломоносова. 30–31 октября 2008 г. Том 1. Материалы пленарных заседаний // Материалы Первой всероссийской научно-практической конференции «Формирование устойчивой антитеррористической позиции гражданского общества как основы профилактики терроризма».— М.: МЦНМО,2009.-С.289.

10. *Нечитайло Д.А.* Радикальные тенденции в мусульманских общинах Европы // Институт Ближнего Востока. – Режим доступа: <http://www.iimes.ru/rus/stat/2007/25-09-07.htm>

11. Официальный информационный портал RT, статья «Координатор ЕС по борьбе с терроризмом: «многие европейцы» воюют на стороне сирийских боевиков».– Режим доступа: <http://russian.rt.com/article/7852>

12. Официальный сайт Всемирной Организации Труда. «Краткая характеристика стран ЕС – 2013». – Режим доступа: http://www.ilo.org/global/about-the-ilo/media-centre/issue-briefs/WCMS_210036/lang--en/index.htm

13. *Потемкина О.* Антитеррористическая политика Европейского Союза / О. Потемкина // Мировая экономика и междунар. отношения. - 2011. - С.51-53

14. *Приходько О.В.* Борьба с международным терроризмом: Россия, США и Европа / О.В. Приходько //США-Канада: экономика, политика, культура.-2003.-№5.- С.14-18.

15. Федоров Ю. Современный терроризм: особенности и перспективы // Аналитические доклады НКСМИ. – июнь 2005. – № 1. – С.75

16. «ФСБ России предупредило ФРГ об угрозе теракта во время финала Лиги чемпионов» // Мир и Политика. – Режим доступа: <http://dev.mir-politika.ru/4925-fsb-rossii-predupredilo-frg-ob-ugroze-terakta-vo-vremya-finala-ligi-chempionov.html>

17. Baker E. Differences in Terrorist Threat Perception in Europe // International Terrorism. A European Response. P. 50, 55

18. Islamist Extremism in Europe Kristin Archick, Specialist in European Affairs (Coordinator) John Rollins, Specialist in Terrorism and International Crime Steven Woehrel, Specialist in European Affairs Foreign Affairs, Defense, and Trade Division. P.3-6.

19. TE-SAT 2013. EU TERRORISM SITUATION AND TREND REPORT 25 April 2013.-P.7 – Режим доступа: <https://www.europol.europa.eu/content/te-sat-2013-eu-terrorism-situation-and-trend-report>

20. The Guardian Newspaper. «Chechen separatist allegedly targeted by president says he feels safe in UK». – Режим доступа: <http://www.theguardian.com/world/2012/apr/04/chechen-separatist-akhmed-zakayev>

21. The New York Times. «Militants in Europe Openly Call For Jihad and the Rule of Islam». – Режим доступа: <http://www.nytimes.com/2004/04/26/world/militants-in-europe-openly-call-for-jihad-and-the-rule-of-islam.html?src=pm>

22. The radicalisation of Muslim youth in Europe: The reality and the scale of the threat Testimony of Claude Moniquet, Director General of European Strategic Intelligence and Security Center April 27, 2005. Hearing of the Committee on International Relations / Subcommittee on Europe and Emerging threats //

United States House of Representatives. – Режим доступа:
<http://www.investigativeproject.org/documents/testimony/302.pdf>

К ВОПРОСУ О ПОДПИСАНИИ ВЕЛИКОБРИТАНИЕЙ МААСТРИХТСКОГО ДОГОВОРА

Прокудина А. С.*

В последние годы Маргарет Тэтчер на посту премьер-министра Великобритании отношения с Европой зашли в тупик. Поэтому смена премьер-министра Великобритании в ноябре 1990 года была встречена в европейских странах с удовлетворением. Кандидатура Джона Мейджора на выборах лидера партии устраивала всех, Тэтчер активно поддерживала его кандидатуру, что ему помогло. Мейджер был лоялен к политике Маргарет Тэтчер, однако явным тэтчеристом назвать его было нельзя.

Новый премьер-министр рассматривал как одно из своих главных достижений на посту участие Великобритании в переговорах о создании ЕС и подписание в феврале 1992 года Маастрихтского договора о создании Европейского Союза. И так как в консервативной партии были серьезные расхождения по вопросу углубления процессов интеграции, то достижения премьер-министра на переговорах действительно весомы, он сумел найти компромисс между разными точками зрения. В итоге достигнутый компромисс устраивал и европейских партнеров Великобритании, и сторонников и противников нового договора внутри страны.

С самого начала все ожидали от Мэйджора более конструктивного настроя на процесс европейской интеграции.

---

* Прокудина А.С. – аспирантка кафедры ТИМО. Научный руководитель-профессор, д.и.н. Л.В.Пономаренко

Ведь именно с ним было связано решение Великобритании присоединиться к Европейскому механизму обменных курсов в октябре 1990 г. Еще на посту министра финансов ему удалось убедить Тэтчер незадолго до ее ухода в необходимости этого шага. Сам он считал это решение своим главным достижением на посту канцлера казначейства.

Одной из первоочередных задач в начальный период правления Мейджора была объявлена корректировка подходов к европейской интеграции. Баланс сил сместился в сторону более проевропейского, конструктивного курса при сохранении, как и ранее, особого, критического подхода, то есть, не отрекаясь от тэтчеризма, отойти от его крайностей.

Европа стала главным, приоритетным направлением британской политики. При этом правительство консерваторов исходило из того, что углубление европейской интеграции все равно неизбежно, поэтому лучше участвовать в процессе, контролируя его изнутри. Мейджор решил, что кратчайший и самый надежный путь к осуществлению своих задач в Сообществе лежит через Германию, являющуюся ключевым европейским игроком. Таким образом, отношения с ФРГ заняли центральное место в политической стратегии Мейджора в отношении Европы.

А заявление нового премьер-министра о намерении Великобритании «быть в самом центре Европы» на самом деле означали, что теперь Лондон отказывался от агрессивной антиевропейской риторики, однако, все это не говорило о том, что Великобритания изменит свою позицию в отношении европейского федерализма, этим правительство показывало только то, что хочет активно участвовать в переговорах по Маастрихтскому договору.

В тексте Маастрихтского договора не использовалось слово «федеральный», а лишь подтверждалось, что договор знаменует собой новый этап в европейском интеграционном процессе. По настоянию Великобритании Социальная глава

договора была вынесена в приложение, и, несмотря на давление со стороны партнеров, страна так ее и не подписала. В качестве аргумента премьер-министр озвучил ряд экономических показателей страны, а именно: уменьшение безработицы самые низкие за почти 30 лет темпы инфляции, стабилизация обменного курса фунта стерлингов, рост деловой активности. В случае подписания Социальной Хартии, все эти достижения могли быть упущены.

Согласно Маастрихтскому договору предусматривалось три основных направления интеграции — создание к 2000 г. единого европейского рынка, унификацию внутренней и законодательной политики стран-членов, формирование ими единого курса в области внешней политики и обороны. Однако Мэйджор вынужден был с возможным созданием в будущем валютного и политического союзов, против чего всегда категорически выступала Тэтчер. Большое внимание в договоре уделялось созданию Европейского центрального банка (ЕЦБ) и введению единой валюты. Осуществить данную цель предполагалось в три стадии. Лондон согласился лишь на создание валютного союза, то есть одобрил первую и вторую стадии, при этом предстояло получить согласие парламента на одобрение третьей стадии, предусматривающей создание ЕЦБ и единой валюты к 1999 г. Таким образом, Великобритания обезопасила себя от участия в создании валютно-финансового союза, который с точки зрения необходимых для введения единой валюты условий представлялся Лондону весьма проблематичным.

Договор также предусматривал проведение общей внешней политики и политики в области обороны, укрепление Европарламента и Европейского Суда, расширение компетенции ЕС в некоторых областях, сферы принятия решений квалифицированным большинством в Совете министров, а также общее европейское гражданство. Мэйджор настоял на введении в договор принципа «субсидиарности», который

означал передачу части полномочий на более низкий уровень [1].

Подписание и ратификация договора являлись важным шагом на пути углубления интеграции и, несмотря на ряд уступок, договора рассматривался руководством как несомненный успех, прежде всего потому, что Великобритания оставалась среди главных игроков с правом голоса относительно планов будущего развития ЕС.

В этом контексте стоит отметить и работу Мейджора по восстановлению и укреплению отношений с канцлером Германии Гельмутом Коелем, который отчасти помог британскому премьеру добиться особого статуса для Великобритании в Маастрихте. 336 голосами против 92 палата общин одобрила договор. Таким образом, Мейджору ужалось выполнить две задачи: и зарекомендовать себя прагматик перед европейскими партнерами, и успокоить на время противников европейской интеграции в партии. Но представление нового договора в удачном для Мейджора свете позволило на время отодвинуть проблему раскола консервативной партии [2].

Стоит отметить, что примерно 60% экспорта из Великобритании приходилось на страны Сообщества, 1/3 инвестиций в страны ЕЭС приходилась на Великобританию, что показывает насколько глубоко страна интегрировалась в европейские структуры. Ни у кого не было сомнений, что Великобритания получает значительные экономические преимущества, однако опасения вызывали остальные аспекты интеграции.

Что же касается Маастрихтского договора, то премьер-министру предстояло его ратифицировать, что было довольно сложной задачей. Парламентарии возмущались тем, что с текстом договора практически невозможно было ознакомиться, что привело к образованию лагеря противников договора. В целом недовольство связывалось с ущемления

прав и суверенитета британского парламента, особого статуса Великобритании в отношении Экономического и валютного союза (то есть стадии 3) и Социальной главы, расширения прав Европейского Суда.

Ситуация осложнилась еще и тем, что 16 сентября 1992 г. Великобритания пришлось срочно выйти из Европейского механизма обменных курсов, событие это получило название «Черный сентябрь» и считается одним из крупнейших кризисов во время премьерства Мэйджора.

Таким образом, «Черный сентябрь» привел к тому, что отношения Великобритании с Европейским Сообществом были повреждены, имидж консервативной партии значительно пострадал, а «евроскептики» в парламенте торжествовали. В итоге «Черный сентябрь» стал одной из основных причин поражения консерваторов на парламентских выборах в мае 1997 г.

Ярый «евроскептик» Тэтчер выступала категорически против ратификации Маастрихта, призывая провести по этому вопросу референдум. Можно сказать, что она начала настоящую войну против Мэйджора внутри партии. Все это отражает то, насколько сильно накалилась обстановка в парламенте и, какая развернулась борьба против ратификации Маастрихтского договора. «Евроскептики» предлагали использовать сложившуюся ситуацию, а именно, отрицательные итоги референдума по договору в Дании и довольно неустойчивую поддержку договора во Франции, чтобы отказаться от принятия Маастрихтского договора и, соответственно, обязательств по нему, и разработать новый, который бы полностью согласовался с политикой консервативной партии.

Позиция самого Мэйджора состояла в том, чтобы, во избежание ущерба позициям Великобритании в ЕС, даже не обсуждать вопрос о пересмотре договора. Мэйджор поставил перед собой задачу провести договор через парламент, но ни в

кчем случае не довести до проведения референдума. Премьер-министр даже пригрозил «евроскептикам», что, если они не прекратят свои попытки провалить ратификацию договора, то он распустит парламент и проведет досрочные выборы.

Противники договора преследовали следующие цели: добиться проведения в стране референдума, включить Социальную главу в основной текст, что, заставило бы правительство отказаться от договора и т.д. За весь период «евроскептиками» было внесено более 600 поправок, что потребовало больше времени на обсуждение.

23 июля 1993 г. «евроскептики» постарались осуществить одну из своих целей, попытавшись добиться включения в текст Маастрихтского договора Социальной главы. В конечном итоге голосования по данному вопросу принесло следующий результат— 317 против 317, соответственно, голос спикера был решающим. В такой ситуации Мэйджор связал вопрос ратификации с вотумом доверия правительству и предложив проголосовать по этому вопросу. Премьер-министр рассчитывал на то, противникам договора все-таки придется оказать поддержку правительству, иначе в стране были бы проведены досрочные парламентские выборы, на которых вероятнее всего победила бы лейбористской партии, придерживающаяся в своей политике более проевропейского курса. В этот момент под вопросом оказался не только Маастрихтский договор, но и карьера Мэйджора и судьба консервативного правительства. В итоге попытка «евроскептиков» не увенчалась успехом, так как Мейджор получил вотум доверия [3], а договор был все-таки ратифицирован, хоть и сопровождался 70 голосованиями в парламенте.

Маастрихт явился своего рода поворотным моментом в попытках британского премьера добиться стабилизации европейской политики правительства. Раскол в партии оказался таким серьезным, что партийное руководство

переключилось на внутривнутриполитические проблемы, на время отстранившись от внешнеполитических. Что касается отношения к Маастрихту британской общественности, то она была настроена довольно негативно, особенно по сравнению с общественностью других стран-членов.

Говоря в общем об отношении Англии к европейской интеграции, то следует сказать, что, несмотря на позитивное отношение к идее создания единого рынка, Великобритания была категорически против усиления контроля над ее экономикой и разрастанию бюрократического аппарата ЕС, выступая в том числе за снижение расходов в организации. Также руководство страны стремилось сохранить за собой право принимать решения в таких областях, как образование, социальная политика и здравоохранение.

Как и в 80-е годы, Великобритания стремилась не допустить укрепления наднациональных структур в Сообществе, которые могли бы ограничить суверенитет и свободу принятия национальных решений.

Таким образом, отношений Мейджора к вопросам углубления интеграции трансформировалось под воздействием соображений сохранения внутривнутрипартийного единства. Его оппоненты даже отмечали, что в годы своего правления он неоднократно отдавал предпочтение не национальным интересам, а интересам партийного единства. Опросы же общественного мнения показывали довольно скептическое отношение населения к процессам европейской интеграции. В дискуссии относительно углубления процесса интеграции были вовлечены не только политики и специалисты-аналитики, но и средства массовой информации, ученые, представители бизнеса. Высказывались аргументированные мнения как за создание федеральной Европы, так и за сохранение статус-кво в Евросоюзе и даже за выход из него.

Ссылки на источники и литературу:

[1] Treaty of Maastricht on European Union (<http://www.eurotreaties.com/maastrichteu.pdf>)

[2] Капитонова Н.К. Политика правительства Мейджора в Европейском Союзе. Отношения с Францией и Германией//Приоритеты внешней политики Великобритании (1990-1997 гг.) - МГИМО (У) МИД РФ.- М.: РОССПЭН, 1999 – С.63

[3] Капитонова Н.К. Маастрихтский договор и борьба правительства Мейджора за его ратификацию//Приоритеты внешней политики Великобритании (1990-1997 гг.) - МГИМО (У) МИД РФ.- М.: РОССПЭН, 1999 – С. 71

ЕВРОПЕЙСКОЕ ПАРТНЕРСТВО С АЛБАНИЕЙ ПОСЛЕ 1990 ГОДА

И. Пунавиа*

Несмотря на все кризисы, Европейский союз не отказывается от планов расширения. В ежегодном докладе о перспективах вступления 9 европейских стран, желающих стать членами ЕС, говорится, что Еврокомиссия намерена рекомендовать членам ЕС дать Албании статус кандидата, что означает в скором будущем начало переговоров о вступлении*[1].

---

*И. Пунавиа- магистр кафедры ТИМО. Научный руководитель – профессор, доктор исторических наук, профессор кафедры ТИМО М.А.Шпаковская

Однако в Брюсселе подчеркивают, что рекомендация будет сделана только при выполнении Тираной нескольких важных условий, среди которых дальнейшие реформы в судебной и политической системе.

Штефан Фюле, еврокомиссар, отвечающий за расширение ЕС, говорит, что Тирана уже преодолела главные препятствия, стоявшие на пути начала процесса вступления в ЕС.

Главным достижением стало достижение в ноябре 2011 года соглашения между правительством и оппозицией, которые не могли договориться два года [3].

В 2010 году ЕС представил Албании список из 12 обязательных условий, после выполнения которых можно будет обращаться с просьбой о вступлении в Евросоюз. В докладе Еврокомиссии говорится, что значительный прогресс достигнут в вопросах голосования, выбора омбудсмена, снятия неприкосновенности с высокопоставленных чиновников, улучшения работы администрации и установления главенства закона [1].

По словам Фюле, которые приводит Wall Street Journal, много ответов на вопрос о серьезности намерений Тираны вступить в ЕС дадут парламентские выборы, которые состоятся в этой стране в 2013 году.

Албания должна получить статус государства - кандидата на вступление в ЕС. Однако властям Албании не следует забывать о реформах в сферах судебной системы, государственного управления и деятельности парламента.

Это подчеркнули европейские депутаты во время заседания Европарламента [4]. Николаос Чоунтис (член конфедеральных групп «Европейские объединенные левые - Северные зеленые левые», докладчик на тему прогресса европейской интеграции Албании) убежден: ЕС должен определенным образом стимулировать и мотивировать балканское государство и ее народ. Вместе с тем он отметил,

что Брюссель должен «занять жесткую позицию относительно любых националистических заявлений», звучащих в Албании [5].

Европейские депутаты считают, что парламентские выборы, которые состоятся в Албании в следующем году, станут важным тестом на зрелость албанской демократии. В связи с этим, они призвали все политические партии приложить значительные усилия, чтобы предвыборная кампания и голосование прошли свободно и справедливо.

Также Европарламент отметил прогресс, в том, чего Албания достигла в защите прав национальных меньшинств. Однако евродепутаты призвали обеспечить большую защиту прав женщин, детей и уязвимых групп населения [2].

Союз с Европой принес выгоду обеим сторонам. Для Албании процесс европейской интеграции способствовал продвижению албанских товаров на Европейском рынке, повышению конкурентоспособности, занятости населения, повышению условий труда, накоплению капитала, совершенствованию законодательства, а также укреплению институтов. Но в то же время, интеграция обусловила некие обязательства, которые способствовали уменьшению поступлений в бюджет после ликвидации таможенных барьеров; «утечке мозгов»; усилению угрозы отечественным товарам из-за возросшей конкуренции; борьбе с коррупцией [4].

Сегодня можно сказать, что Албания находится на высокой (средней) стадии процесса стабилизации и сотрудничества, что является основным руководством для процесса продвижения реформ. Но Албания была вынуждена принять стратегические меры, связанные с борьбой с организованной преступностью, торговлей людьми, терроризмом. Также было необходимо улучшить стратегию по предупреждению и борьбе с коррупцией посредством принятия национального плана действий и выделить

достаточное количество ресурсов для ее полного осуществления.

Особое внимание Албания должна была уделить борьбе с коррупцией, которая последнее время находится на высоком уровне [6].

Албания еще не готова к этому союзу, несмотря на то, что Европейский союз находится не в самой выгодной ситуации: усталость из-за расширения границ, увлечение безработицы, умирающие от голода цыгане, а также экономический кризис, который вышел из-под контроля европейских властей. Но, добиваясь этого союза, Албания должна пройти еще долгий путь. Ее политика должна убедить Европу в своей дееспособности, не зависимо от того, кто победит на следующих выборах и кто будет управлять страной. В этом случае для Албании очень уместна поговорка «под лежащий камень вода не течет» [3].

Однако в 2012 году Евродепутаты призвали Совет ЕС рассмотреть вопрос о предоставлении Албании статуса страны-кандидата для обретения членства в Евросоюзе. Об этом говорится в резолюции комитета Европарламента по иностранным делам, которая была озвучена в 2012 году в Страсбурге.

«Албания должна получить статус кандидата на вступление в ЕС, что будет способствовать завершению страной ключевых реформ в сфере судопроизводства и государственного управления», – заявили в профильном парламентском комитете.

В резолюции отмечается прогресс Албании на пути к членству и содержится призыв к Совету ЕС незамедлительно рассмотреть предоставление стране статуса кандидата на вступление.

В январе 2013 года внешнеполитическим аналитическим центром Республики Албания, который называется Институт Демократии и Посредничества (Institute

for Democracy and Mediation (IDM) – Albania, Tirana) была опубликована Статья «Может ли ЕС помочь Албании помочь самой себе?»

Основанный в ноябре 1999 года Институт Демократии и Посредничества (IDM) является независимой, неправительственной организацией, работающей над укреплением гражданского общества, анализом и улучшением процессов интеграции Албании в Европейский Союз, а также над оказанием помощи реформам, проводимым в стране и укрепления эффективного управления. В Статье авторов Corina Stratulat (Центр европейской политики) и Gjergji Vurmo (IDM), изданной данным Институтом в 2012 году говорится, что новое «окно возможностей» для Албании откроется летом, а именно в июне 2013 года, когда в стране пройдут всеобщие выборы. Авторы утверждают, что Албания должна конструктивно использовать эту возможность для того, чтобы выполнить основную часть реформ, а также подчеркивают важность гражданского албанского общества, которое будет способствовать принятию правильных внешнеполитических решений. Более того, они утверждают, что ЕС должен помочь Албании проводить более правильную и в то же время более радикальную внешнюю политику, направленную на скорейшую интеграцию страны в Европейский Союз.

Процесс демократии в Албании является нестабильным. Предвыборная борьба в стране до сих пор, а именно с 1991 года проходит не в соответствии с высокими международными стандартами. Ожесточенное соперничество между двумя крупнейшими албанскими партиями и их лидерами - Демократической партией (ДП) Сали Бериша и Социалистической партией (СП) Эди Рама - с трудом завоевали демократические успехи, достигнутые страной в прошлые два десятилетия после падения коммунизма, и подтолкнули Албанию к участию в процессе европейской интеграции.

Последние двухпартийные усилия по примирению, которые привели к принятию Национального плана действий для правительства - при активном участии парламента (21 марта 2013 года) - является полезным и перспективным шагом для всей политике страны.

Нынешний политический кризис в Албании датируется июлем 2009 года и прошлыми всеобщими выборами, когда социалистическая оппозиция оспаривала победу демократов и провозгласила бойкот парламента, который продлился почти два года. Озлобленный политический климат впоследствии перерос в фатальные насилия - антиправительственный митинг в январе 2011 года, митинг во время избрания мэра Тираны в мае 2011 года.

В ноябре 2011 года под сильным международным давлением Албании две основные политические партии, наконец, согласились возобновить политический диалог в рамках парламентарских структур. Однако, к тому времени, длительное противостояние уже вызвало негативные последствия. В 2011 году Брюссель предоставил Республике Албания список из 12 ключевых пунктов, которые страна должна была выполнить, чтобы стать полноправным кандидатом в ЕС.

Среди основных из них были следующие:

- необходимость обеспечения надлежащего функционирования парламента
- реформа избирательного законодательства и государственного управления
- развитие борьбы с организованной преступностью и коррупцией
- усиление защиты прав человека и меньшинств

Несмотря на эти строгие условия, Албании перемещается вверх по списку кандидатов в ЕС черепашым шагом. План действий, принятый межведомственной комиссией по вопросам евроинтеграции 21 марта 2013 года, определяет

меры, сроки, ресурсы и ответственные национальные институты, которые будут исполнять 12 пунктов Брюсселя. Однако, так как Албания провела президентские (в июне 2012) и будет проводить парламентские (в июне 2013 года) выборы большая часть энергии, на самом деле тратится на решении данной проблемы – принятия избирательной реформы, а не на любую из других 12 пунктов, которые, в сравнении, можно будет принять только в средне- и долгосрочной перспективе. Другие политических дебаты, связанные с верховенством права, судебной системой или коррупцией, таким образом, в настоящее время отложены на неопределенный срок.

За несколько месяцев до публикации очередного Доклада о ходе работы комиссии осенью 2012 года Брюссель заявил, что в настоящее время для Албании настал наиболее подходящий момент для реформирования и приближения к ЕС.

Однако авторы подчеркивают, что продолжая тянуть с осуществлением реформ, Албания фактически отходит от ЕС и все ближе приближается к "застойной зоне" процесса европейской интеграции, которая существует в таких странах, как Босния и Герцеговина и бывшая Югославская Республика Македония. Стагнация также является плохой новостью для Албании, потому что это может привести к полномасштабной регрессии.

В настоящее время из шести балканских стран до сих пор, стремящихся вступить в ЕС (Албания, Босния и Герцеговина, Македония, Косово, Черногория и Сербия), только Сербия продвинулась вперед, получив статус кандидата на недавнем Европейском Совете еще в марте 2012 года. Однако стоит сказать, что желание ЕС помочь Албании преодолеть сокрушительный политический тупик, возможно, является сильнее и активнее, чем в случае Македонии, Боснии и Герцеговины или Косово, где внутренние и внешние проблемы намного больше.

Европейская комиссия настаивает на принятии в Албании интеграционных реформ, однако авторы считают, что стране сначала необходимо решить внутренние проблемы и проблемы албанского общества и политической элиты и уже потом принимать реформы, предложенные Европейским Союзом.

Авторы выделяют две проблемы, в связи с которыми Албания пока не может уделить должного внимания 12 пунктам Брюсселя:

- ожесточенная борьба за власть между двумя крупнейшими партиями и их лидерами, которая стала постоянным элементом политической, социальной и экономической жизни в Албании после падения коммунизма в начале 1990-х, представляет собой главный камень преткновения. Это бесконечный цикл демонизации между политическими противниками, а также независимыми институтами (например, Верховной суд, который дискредитировал демократические процессы в глазах албанского населения, и увековечил негативный образ страны за рубежом)

- слабая социальная ответственность и недостаточное гражданское участие в выработке как внутри, так и внешнеполитических решений. Сильное гражданское общество, способное выступать в качестве основы, может внести существенный вклад в разработку и осуществление решений, а также иметь давление на нестабильную политическую систему

В Албании, хотя гражданское общество и достаточно хорошо развито, насчитывается всего примерно 1600 некоммерческих организаций - до сих пор нет формальных механизмов для консультаций между организациями гражданского общества (ОГО) и государством, подробные правила содействия участию ОГО на местном уровне отсутствуют или слабо реализованы, общество мало

информировано о гражданских правах, таких как доступ к информации, и финансовая поддержка.

Авторы говорят, что в настоящее время Европейский союз является «Pathfinder» для Албании, однако Брюссель не может взять на себя ответственность за миссию "спасения" страны. Текущие проблемы, связанные, с одной стороны, после принятия Лиссабонского договора, с экономическими трудностями, а с другой стороны, с конкретными задачами, стоящими перед Албанией, мешают тесному взаимодействию ЕС с этой балканской страной. Но убедившись, что Албания предпринимает реформы для укрепления демократии, ЕС помогает стране, которая входит в его стратегические интересы, помогая стабилизировать и бесповоротно закрепить Европу на Балканах.

Сегодняшнее положение дел в Албании поднимает вопрос о том, что ЕС не должен был настолько активным, вмешиваясь во внутренние дела Албании. Например, старшие депутаты Европарламента, такие как Мартин Шульц и Жозеф Доль, проведя в мае 2010 года в Люксембурге встречу с премьер-министром Сали Бериша и лидером оппозиции Эди Рама, на которой призвали обе стороны вести переговоры по урегулированию политического противостояния. С подобными попытками выступили также делегации Европарламента для Юго-Восточной Европы и Парламентский комитет ЕС-Албания.

В начале 2011 года ЕС стал еще более настойчивым и осудил внутривнутриполитические события в Албании. В ответ на мирные демонстрации в Тиране, Верховный представитель ЕС Кэтрин Эштон и комиссар по вопросам расширения Штефан Фюле сделали 21 января 2011 года совместное заявление, призвав албанских политиков участвовать в конструктивном диалоге о решении без каких-либо дальнейших задержек давнего политического тупика.

15 февраля 2011 года в Страсбурге Комиссар Фюле открыто заявил, что "два албанских лидера застряли в своем внутреннем тупике", и призвал их во время выступления Албании в ЕС (Совет Стабилизации и Ассоциации) 19 июля 2011 года "поставить интересы страны превыше всего". Авторы считают, что в настоящее время 12 пунктов Брюсселя являются первым шагом в правильном направлении, но должны быть более детально сформулированы требования / критерии, которые выдвигает Европейский Союз.

ЕС также должен разработать среднесрочную стратегию, которая способствует укреплению албанского гражданского общества, а также поможет стране встать на правильный путь в подготовке к вступлению на этап интеграции.

Эта стратегия может включать:

- большее давление на Албанию в принятии и осуществлении нормативно-правовой базы, которая определяет роль гражданского общества в процессе разработки политики и ее осуществления

- гарантировать, что деятельность ОГО будет адекватно отражена в принятии внешнеполитических решений

- укрепление регионального сотрудничества в целях содействия борьбе с организованной преступностью, а также обучение и обмен между парламентариями и представителями средств массовой информации и гражданского общества ЕС и Албании

Правильная политика Европейского Союза по отношению к Республике Албания могла бы помочь завершить политический тупик, который до сих пор сохраняется в Албании, ускорить темпы интеграционных процессов и укрепить демократию в стране. Грамотная политика Евросоюза может продемонстрировать, что ЕС стремится помочь Албании присоединиться к «клубу» в то время, когда процесс расширения станет более надежным и эффективным,

и что ЕС способен развиваться в настоящее время, а не просто реагировать на свершившиеся промахи и неудачи.

Главной моделью, которую Брюссель все последние годы стремился адаптировать к Балканам и посредством которой вербовал в свои ряды сторонников в странах региона, традиционно выступало их перспективное вхождение в безвизовую шенгенскую зону и присоединение к единому валютному пространству. Однако все тот же брюссельский саммит ЕС, который окончательно одобрил хорватскую заявку, одновременно принял еще более дискуссионное, геополитически далеко идущее решение, отказав Болгарии и Румынии (являющимся членами ЕС с 1 января 2007 года) во вхождении в шенгенскую зону (ранее этим странам было обещано присоединение к безвизовому режиму до конца текущего года). Так что прозвучавшее накануне форума заявление Еврокомиссии о том, что развитие событий в балканском регионе «создает новый момент для европейской перспективы Западных Балкан», почти сразу же приобрело весьма двусмысленный характер.

В целом саммиты 2010, 2011 и 2012 годов имели большое значение для оценки перспектив взаимоотношений ведущих стран - членов ЕС с «проблемными» государствами и регионами. Они однозначно подтвердили курс организации на ужесточение политики в сфере миграции. Несмотря на заявления лидеров ЕС о неизменной приверженности «ключевому принципу свободного передвижения людей», Еврокомиссия, исполняя решение июньского саммита 2012 года, разработала положение о применении шенгенской системы. Новый документ разрешает закрывать границы в случае «неожиданного мощного миграционного всплеска» либо неспособности одной из «внешних» стран шенгенского сообщества обеспечить должный уровень контроля своих границ. Черту под дискуссиями подвел председатель Еврокомиссии Жозе Мануэл Баррозу. Он признал «искушение

развернуть обратно основополагающий принцип свободного передвижения», но призвал не рассматривать решения саммита как стремление «рискнуть» этим принципом [8].

Принятое Евросоюзом на высшем уровне решение по Болгарии и Румынии стало наглядным свидетельством внутреннего кризиса, переживаемого «единой Европой». До сих пор Брюссель остерегался столь откровенно дезавуировать прежние планы и намерения. Обычно отказ форсировать прием в свои ряды тех или иных государств или подключать их к шенгенской или валютной системе объяснялся политическими и экономическими проблемами самих стран - кандидатов. Однако на сей раз, участники саммита ЕС – 2012 были вынуждены констатировать, что и Болгария, и Румыния формально выполнили предъявленные им технические условия. К тому же по уровню своей подготовки к безвизовому режиму обе страны никак не уступают, например, Албании или Боснии и Герцеговине (даже не входящим в ЕС), чьи граждане уже пользуются соответствующими правами с конца 2010 года. А значит, корень проблем следует искать не в Софии или Бухаресте, а в самом Брюсселе. Презентовав несколько лет назад амбициозную программу строительства «единой Европы», брюссельская бюрократия явно переоценила собственные силы. И сегодня лидеры стран - членов ЕС вынуждены не только дезавуировать свои планы, но и оправдываться перед собственными избирателями.

Венгрия позитивно оценивает шансы на вступление Республики Албания в Европейский Союз. Для этого в принципе нужно не много. Премьер министр Венгрии Виктор Орбан считает, что Албания может сразу присоединиться к Европейскому Союзу, как исполнит основные обязательства, которые страна взяла на себя в связи с ее желанием войти в этот союз. Ну а для этого нужно провести ряд реформ в стране. Для достижения этой цели нужно просто приложить усиленную энергию и политическую волю. И чем больше

этого будет приложено, тем быстрее будет достигнута эта цель. В Албанию вынесено очень много предприятий из Европы по производству продукции высоких технологий в сфере строительства. Заводы, производящие минераловатные плиты п-125 п-75 - это один из примеров такой кооперации [7].

Бывший албанский премьер Сали Бериша, считает, что его страна прикладывает все силы для достижения цели по вступлению в единые европейские ряды. Самой важной своей задачей он считает, что в Албании делается все возможное для верховенства закона. Хотя и есть недостатки, вызванные коротким временным фактором. Для всего нужно время.

Само по себе вступление страны в Европейский Союз способно оживить рынок грузоперевозок из Балканского региона в Албанию и из нее. Это в свою очередь будет положительным вектором в развитии всей балканской экономики.

Участие Албании в международных финансово-экономических организациях и курс на интеграцию в ЕС оказывает существенное позитивное воздействие на процесс внутренних реформ в экономике и социальной сфере. Тем более в условиях продолжения в стране рыночных преобразований.

В стране проведен целый комплекс реформ в социально-экономической сфере, в том числе в рамках перехода на стандарты ЕС. В частности, существенным образом снижены расходы на управленческий аппарат, он сделан более компактным и одновременно эффективным. В этом плане проводится политика «финансовой диеты». Приняты серьезные меры антикоррупционного плана, прежде всего направленные на обеспечение прозрачности государственного управления [9].

Целый ряд непростых реформ, как в военной, так и в социально-экономической сфере проведен в связи со

вступлением Албании в НАТО. В частности, осуществлен переход от армии по призыву к профессиональной контрактной армии. Проведено техническое вооружение армии. В соответствии со стандартами НАТО расходы на оборону составляют до 2% ВВП. Существенным аспектом военной реформы является программа утилизации накопленного устаревшего вооружения и боеприпасов, представляющих опасность, как в обслуживании, так и при хранении, что уже привело к жертвам. Партнеры по НАТО оказывают Албании помощь по реализации данной программы, которая должна быть завершена к 2015 году. Албанские военные участвуют в проведении международных операций в Боснии и Герцеговине, Афганистане, Ираке и Чаде.

Важным измерением внешней политики Албании является взаимодействие с албанскими общинами, которые существуют во многих странах мира. Как известно, в настоящее время в мире свыше 8 млн. албанцев, из которых в Албании проживают 3,5 млн.

Албания стремится взять на себя большую ответственность в деятельности международных организаций, в том числе в рамках комитетов, комиссий и учреждений системы ООН. Особое значение руководство Албании придает работе в ОБСЕ. Страна является претендентом на председательство в ОБСЕ в 2014 году.

В то же время власти Албании придают большое значение созданию экономической альтернативы, стимулированию занятости населения в тех бедных районах, жители которых вовлекаются в наркоиндустрию.

Значительные усилия албанские власти предпринимают по борьбе с наркопреступностью и незаконным оборотом наркотиков. Это ещё одно из направлений активного международного сотрудничества Албании, в том числе с нашей страной, включающее взаимодействие спецслужб, обмен информацией и конкретные оперативные действия.

Албанские власти оказывают всяческое содействие Международной организации по борьбе с незаконным оборотом наркотиков, штаб-квартира которой находится в Болгарии. В Албании расположен аналогичный региональный центр.

Однако существует много разговоров, и много возражений, относительно усталости от расширения. Факт это то, что ЕС увеличился почти в два раза в 2004 году (по сравнению с 2007 годом) и что это расширение Европейского Союза должно быть надлежащим образом «усвоено». Большинство опросов показывают, что во многих странах ЕС новая волна расширения не вызывает огромную симпатию.

Ссылки на источники и литературу

[1] Документы Европейского Союза // Салоникская повестка дня для Западных Балкан, ЕС-Западные Балканы // - 2010.

[2] Евстигнеев Р.Н. Десять лет экономических реформ в странах Центральной и Восточной Европы // Россия и современный мир. - 2003. - №2.

[3] Смирнова Н.Д. История Албании в XX веке / Н.Д. Смирнова // Ин-т всеобщей истории РАН. М.: Наука, - 2011.

[4] Страны Центральной и Восточной Европы на пути в Европейский Союз / Ин-т междунар. экон. и полит. исследований РАН. М.: Наука, - 2011.

[5] Шакина А. Прямые иностранные инвестиции в странах Восточной Европы // Мировая экономика и международные отношения - 2003. - №2.

[6] Этнические процессы в Центральной и Юго-Восточной Европе / Ин-т славяноведения и балканистики АН СССР. М.: Наука – 2008.

[7] Albania - EU-Albania relations // European Commission - 2012-07-23.

[8] BYRN Balkan Investigative Reporting Network - 16.12.2005.

[9] M.Sahin The EU should seize the opportunity and accept Macedonia as a candidate for membership // http://ec.europa.eu/commission_2010-2014/fule/headlines/press-releases/

ЭКСТЕРНАЛИЗАЦИЯ МИГРАЦИОННОЙ ПОЛИТИКИ ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА

Н. В. Соколова*

На протяжении долгого времени актуальная сегодня проблематика связи и взаимовлияния миграционной и внешней политики не рассматривалась в рамках научных исследований международных отношений должным образом. Но в условиях развивающегося процесса глобализации и интеграции в регионах мира конца XX столетия миграционные вопросы и проблемы регулирования миграционных потоков на основе внешнего воздействия вошли в повестку дня многих стран.

В эпоху глобализации возрастающая мобильность населения повышает значение миграционного фактора в международных отношениях, что делает миграцию важнейшей составляющей как социально-экономического, так и политического развития развитых и развивающихся стран мира.

Однако в современных условиях миграция выступает причиной многих проблем, которые требуют сотрудничества всех государств и выработки глобальных подходов к их решению.

---

* **Соколова Н.В.** – магистр а кафедры теории и истории международных отношений. Научный руководитель – к.ю.н., доцент кафедры С.А. Бокерия.

Таким образом, проблематика миграционного регулирования переплетается с внешней политикой, занимая одно из главных мест в реализации внешнеполитической линии государства.

Сегодня в странах ЕС именно миграция является одной из насущных проблем развития интеграционного союза. Прогрессирующие нелегальные миграционные потоки, способствующие криминализации региона, не интеграция новых волн мигрантов в европейское общество, социально-экономическое и культурное расслоение подчеркивают значимость пересмотра политика Европейского Союза по миграционному регулированию в связи с новыми вызовами.

Вследствие этого в XXI веке миграционная политика европейских стран, как и общая миграционная политика Евросоюза, приобретает тенденцию к секьюритизации и экстернализации. Сегодня можно отметить оформление особого внешнеполитического вектора миграционной политики ЕС, в рамках которого происходит взаимодействие ЕС с третьими странами по вопросам миграционного регулирования и проблемам развития, борьбы с терроризмом и организованной преступностью и т.д.

Именно взаимосвязь иммиграционной политики ЕС, которая традиционно считалась сферой внутренней политики, и внешней политики, выход внутренней проблематики на внешнеполитический уровень демонстрирует, что государства ЕС интегрируют в стратегию внешней политики нетрадиционные методы, тем самым развивая всеобъемлющую внешнюю политику.

Под «всеобъемлющей внешней политикой» можно понимать политику, в рамках которой при помощи взаимодействия с государствами, организациями, ТНК и иным акторами происходит влияние на ход событий в стратегически важном регионе [4. С. 26].

Сегодня целесообразным является выделение двух оставляющих современной иммиграционной политики – внутренней и внешней. Политика приема иммигрантов, последующая их интеграция входят во внутреннее измерение, в то время как реактивная и превентивная дипломатия являются внешней составляющей.

Так, реактивную политику можно представить как систему мер по иммиграционному контролю, который реализуется через охрану границ и противостояние и реакцию на потоки нелегальных иммигрантов. Реактивная политика осуществляется сегодня посредством усиления контроля и введения большого количества ограничительных элементов.

В то же время превентивный вектор предполагает реализацию иммиграционной стратегии, где основной целью выступает управление миграционными потоками за счет сотрудничества с третьими странами-донорами мигрантов.

В данном контексте, представляется эффективным взаимодействие «отправляющих» и «принимающих» мигрантов государств в русле миграционного регулирования. Современные модели сотрудничества стран Европейского Союза и третьих государств-экспортеров мигрантов и миграционного транзита подтверждают этот тезис.

Процесс интеграции миграционной политики ЕС во внешнеполитическую деятельность объединения имеет в своей динамике две задачи – укрепление общеевропейской безопасности и распространение европейских норм и ценностей. Таким образом, нетрадиционными методами внешней политики Евросоюз осуществляет иммиграционный контроль при помощи третьих стран, а также при помощи программ сотрудничества в некой степени влияет на изменение базовых элементов внутренней политики этих стран, что в конечном итоге предполагает защиту границ ЕС от новых вызовов извне.

В контексте изучения миграционных проблем важно выделить «причинный подход» [7. С. 47], при котором «принимающие» государства и международные правительственные и неправительственные организации проводят превентивные меры с целью устранения базовых причин массовой эмиграции из «отправляющего» государства. На практике это выражается в финансовой и технической помощи развитию для решения, прежде всего, экономических проблем.

В настоящее время «причинный подход» стал базой современных стратегий миграционного регулирования, которые заменяют устаревшие схемы контроля. Сотрудничество и вовлечение всех участников процесса сегодня делает миграционную политику частью предпринимаемых государством внешнеполитических мер, выводя ее за рамки внутривнутриполитической сферы. Вовлечение третьих стран в решение миграционных проблем в Европейском Союзе сегодня фактически переносит на них функции по охране границ, что подразумевает и физическое перемещение пунктов контроля, так и перенос ответственности за нарушение миграционного режима.

Оформление внешнего измерения миграционной политики ЕС представляет собой относительно новую тенденцию. В XXI веке государства начали сталкиваться с новыми проблемами и вызовами, которые охватили государства всего мира на волне прогрессирующей глобализации. Транснациональная преступность, наркотрафик, нелегальная миграция, торговля людьми вошли в повестку дня и стран Евросоюза, которые тесно связывают внутреннюю стабильность и безопасность с выполнением стратегических задач за пределами ЕС [6. С. 38]. На фоне глобализации и миграционной проблематики, ЕС сфокусировался на вовлечении стран происхождения и транзита мигрантов в решение актуальных вопросов. Таким образом, произошло

расширение его концептуальных и географических рамок миграционной политики ЕС посредством переноса бремени иммиграционного контроля на третьи страны [1. С. 156].

Уже в 1990-х гг. деятельность стран ЕС проявила некоторые элементы актуального процесса экстернализации: были ужесточены визовые процедуры, были размещены представители МИД государств ЕС в аэропортах стран – доноров с целью улучшения качества проверки документов и контроля потоков. С этого периода времени развитие сотрудничества стран ЕС с третьими странами стало приобретать более оформленные черты в рамках концепции «всеобъемлющего подхода к проблемам миграции». Этот подход подразумевает, что при разработке и реализации иммиграционной политики «внимание уделяется всем формам миграции (легальной, нелегальной, предоставлению убежища), и что предпринимаемые меры направлены как на устранение фундаментальных причин миграции из данного региона, так и на решение вопросов интеграции, переселения или возврата иммигрантов» [6. С. 48].

Внешнеполитическое измерение миграционной политики ЕС прошло долгий путь становления, в исторической линейности который может быть выражен саммитами ЕС в Тампере в 1999 году, и впоследствии решениями саммитов в Лейкене (2001 г.), Севилье (2002 г.) и Салониках (2003 г.).

Как комплексная стратегия внешнее измерение миграционного режима Евросоюза стало оформляться после решений встречи в Тампере в 1999 году. В Заключениях Тампере подчеркивалось, что вопросы миграции должны были быть «интегрированы» в стратегию и реализацию политики ЕС в области внешней политики [5. С. 11].

Дальнейший толчок развитию стратегии был дан в начале XXI века. Террористические акты 11 сентября 2001 года в США, вступление новых членов в ЕС, появление новых

путей миграционного транзита способствовали экстернализации миграционной политики, т.е. как географическому расширению зоны ответственности ЕС, так и функциональному распространению политики миграционного регулирования на новые страны – экспортёры мигрантов.

В ответ на теракты в США в декабре 2001 года на саммите в Лейкене членами ЕС было принято решение об интеграции аспектов миграционной политики во внешнюю политику, которое было поддержано и на саммите в Севилье в 2002 году.

Декабрь 2002 г. был отмечен выходом в свет Сообщения Европейской Комиссии «Об интеграции вопросов миграции в отношении ЕС с третьими странами», в котором подчеркивалась приоритетность превентивной иммиграционной стратегии и значимость перехода от фактически односторонних действий ЕС к сотрудничеству с третьими странами.

В ноябре 2004 года Европейским Советом была принята «Гаагская программа», в которой были обозначены цели, которые необходимо было достичь в сфере Европейского пространства свободы, безопасности и правосудия в период 2005-2010гг. Данная программа придала новый импульс начинаниям государств-членов и институтов ЕС на пути оформления реально действующего экстерналичного измерения миграционной политики. Раздел Гаагской программы, посвященный внешнеполитическому измерению иммиграционной политики, четко обозначил значимость этой проблематики.

Важной особенностью Гаагской программы стало то, что тезису о взаимной ответственности государств за управление миграционными потоками было уделено должное внимание. Так, согласно документу, «политика ЕС должна быть направлена на содействие третьим странам в их усилиях по развитию миграционного регулирования и защиты

беженцев, поддержку стран в усилении механизмов пограничной защиты, по обеспечению надежности документов и по решению задач возврата иммигрантов» [8. С. 13].

Механизмами развития внешнеполитического измерения иммиграционного режима ЕС стали три элемента: партнерство со странами и регионами происхождения мигрантов, партнерство со странами и регионами транзита мигрантов, политика возврата и реадмиссии [8. С. 15].

В рамках партнерства со странами и регионами происхождения мигрантов предполагается оказание материальной помощи странам с целью развития пограничной инфраструктуры, разработке систем по сбору, хранению и защите необходимой информации, а также систем по приему беженцев.

Партнерство со странами и регионами транзита мигрантов осуществляется при помощи уже разработанного ранее Европейского инструмента соседства и партнерства. В контексте реализации программ сотрудничества ЕС с государствами Средиземноморья, Ближнего Востока, со странами к востоку от границ Евросоюза страны ЕС осуществляют и мероприятия по миграционной проблематике.

Именно в соответствии с Гагской программой можно выделить явную экстернализацию миграционной политики ЕС, подразумевающую масштабное вовлечение третьих стран в решение иммиграционных проблем Евросоюза, получила свои практические очертания.

В 2005 году, в соответствии с принятым документом «Стратегия для внешнего измерения в области свободы, безопасности и правосудия» внешнее измерение миграционной политики ЕС становится интегрированной и неотъемлемой частью внешней политики союза. В документы были выделены приоритеты сотрудничества, как охрана границ, взаимодействие в правовой сфере, борьба с нелегальной миграцией, продажей людьми, терроризмом.

Главная особенность «Стратегии для внешнего измерения в области свободы, безопасности и правосудия» состоит в том, что документ делает сферу Юстиции и Внутренних Дел ЕС одной из основных в осуществлении ОВПБ ЕС.

«Глобальный подход» к миграции был официально утвержден в декабре 2005 года в Сообщении Европейской Комиссии, согласно которому «глобальный подход» к миграционным проблемам представлен как «комплекс приоритетных действий для сокращения притока нелегальных иммигрантов, сопровождающийся человеческими жертвами, а также для обеспечения возвращения мигрантов на родину» [2. С. 32]. Представленный подход затрагивает различные сферы политики Европейского Союза как «пространство свободы, безопасности и правосудия», так и международное сотрудничество, политику развития и занятости, а также Европейскую политику соседства.

На 2010-2014 гг. ЕС была принята новая программа действий – Стокгольмская, в которой внешнее измерение миграционной политики получило свое дальнейшее развитие. Согласно актуальной сегодня программе, внутренняя безопасность ЕС связана с внешней, что подчеркивает значимость укрепления сотрудничества с третьими странам.

Сегодня внешнее измерение миграционной политики ЕС должно включать в себя деятельность по трем функциональным векторам.

Во-первых, должна быть реализована эффективная и устойчивая политика возвращения мигрантов; во-вторых, необходима превентивная и ограничительная работа по противодействию нелегальной иммиграции; в - третьих, приоритетным должен стать диалог и партнерство со странами, не входящими в ЕС, как важнейшее средство осуществления миграционной политики Евросоюза [9. С. 33].

Таким образом, на сегодняшний день внешнее измерение миграционной политики Европейского Союза

фактически превратилось в самостоятельное комплексное направление политики Евросоюза и отражает развитие миграционной стратегии ЕС в географической и концептуальной плоскостях.

Согласно вышеперечисленным документам, общая «внешняя» миграционная стратегия ЕС заключается в том, чтобы эффективно контролировать миграционные потоки, противодействуя нелегальной миграции и содействуя упрощению схем легальной миграции, улучшать системы приема и защиты беженцев, развивать программы занятости, образования в странах-экспортеров мигрантов в целях более упрощенного пути интеграции мигрантов.

В современном контексте, стратегия ЕС заключается в оптимизации выгод миграции для всех партнеров, которая реализуется по линии программ для стратегических регионов, как южно-средиземноморских стран, откуда идет основной поток мигрантов. Основной целью партнерства регионов в отношении миграции является ее снижение и осуществление проектов по увеличению занятости в странах-партнерах.

Подводя итоги, можно сказать, что в связи с нарастающими миграционными проблемами в государствах-членах ЕС и актуализацией разработки новых форм и методов миграционного регулирования, миграционная политика ЕС стала составной частью ОВПБ ЕС.

Сегодня страны Евросоюза выделяют международное сотрудничество с третьими странами, как основу эффективного решения миграционных проблем. Стратегия членов ЕС подчеркивает необходимость тесного и плодотворного сотрудничества с третьими странами для более успешной политики на европейском пространстве свободы, безопасности и правосудия и в противостоянии транснациональным проблемам.

Между тем, внутри Европейского Союза нет общего подхода по данным вопросам, что, безусловно, тормозит

процесс. Однако если говорить о функционировании общей внешней политики ЕС в рамках ОВПБ, то можно констатировать, что именно миграционный вектор является сегодня реально действующим в сфере общей внешней политики Евросоюза.

Подводя итог, важно отметить, что Европейский Союз находится на начальной стадии в становлении успешно функционирующего внешнего измерения миграционного режима ЕС. Для создания успешно функционирующего взаимовыгодного ресурса ЕС еще предстоит скоординировать все уровни этой политики и выделить значительные финансовые средства для программ в странах-партнёрах, чтобы сотрудничество стало плодотворным.

Ссылки на источники и литературу:

[1] *Anderson M. and Apap J.* Changing conceptions of security and their implications for EU justice and home affairs cooperation, CEPS policy brief. No. 26. Brussels, 2010.

[2] European Council Note from the Presidency on a Global Approach to Migration: Priority Actions focusing on Africa and the Mediterranean, 15744/05, Brussels, 13.12.2005. [Официальный сайт права Европейского Союза]. URL: <http://eur-lex.europa.eu/LexUriServ/LexUriServ.do?uri=OJ:C:2010:115:0001:0038:EN:PDF>.

[3] *Heisler M.* Migration, international relations and the new Europe: theoretical perspectives from institutional political sociology// *International Migration Review*. Vol. 26. No.2. Special Issue: The New Europe and International Migration. 1992.

[4] *Keukeleire S.* Reconceptualizing (European) foreign policy: structural foreign policy. The 1st pan-European conference on EU Politics. Conference paper. Bordeaux, 2002.

- [5] *Lavenex S.* The External Governance of EU Internal Security / S. Lavenex, N. Wichmann // Journal of European Public Policy / Routledge: Taylor & Francis Group. - United Kingdom, January 2009.
- [6] *Mounier G.* Civilian Crisis Management and the External Dimension of JHA: Inceptive, Functional and Institutional Similarities / G. Mounier // Journal of European Public Policy /Routledge: Taylor & Francis Group. - United Kingdom, January 2009.
- [7] *Thorburn J.* Root causes approaches to forced migration: part of a comprehensive strategy? A European perspective// Journal of refugee studies. Vol. 9. No. 2, 1996.
- [8] The Hague Programme: strengthening freedom, security and justice in the European Union. 16054/04. JAI 559. Brussels, 13 December 2004. [Официальный сайт Европейской Комиссии]. URL:
http://ec.europa.eu/justice_home/doc_centre/doc/hague_programme_en.pdf.
- [9] The Stockholm Programme – An open and secure Europe serving and protecting citizens (2010/C 115/01). Official Journal of the European Union. V.53. 04.05.2010. [Официальный сайт права Европейского Союза]. URL:
<http://eurlex.europa.eu/LexUriServ/LexUriServ.do?uri=OJ:C:2010:115:000138:EN:PDF>.
- [10] *Wolff S.* The external Dimension of Justice and Home Affairs: A Different Security Agenda for the EU?/ S.Wolff, N. Wichmann, G. Mounier// Journal of European Public Policy /Routledge: Taylor & Francis Group. - United Kingdom, January 2009.

ЕВРОПЕЙСКАЯ ПОЛИТИКА СОСЕДСТВА КАК ИНСТРУМЕНТ ОБЕСПЕЧЕНИЯ БЕЗОПАСНОСТИ ЕВРОПЫ

Спиридонов С. В.*

Конец XX в. ознаменовался в мировой политике переходом от «жесткой силы» к «мягкой силе», основанной на умении получить нужный результат, не благодаря силе, а путём создания притягательного для других образа своей страны, её политического и экономического курса. Иными словами, желаемый результат достигается без всякого принуждения.[2] Причём, если США, например, комбинируют «мягкую» и «жесткую» силу, называя такое сочетание «умной силой»,[3] то европейцы в силу других исторических условий действуют почти исключительно «мягкой силой».

Образец такой «мягкой силы» - это Европейская политика соседства (ЕПС), одно из направлений внешнеполитической сферы деятельности Евросоюза. Концепцию этой политики начали разрабатывать в 2001-2002 гг., а в марте 2003 г. был готов документ «Широкая Европа - соседство: новые рамки отношений с восточными и южными соседями», который заложил основу деятельности ЕПС. Задачи, которые ставились перед новым направлением внешнеполитической деятельности ЕС, заключались в следующем: помогать соседним государствам в сохранении и поддержании безопасности, помогать экономическому развитию и реформам. В концепцию ЕПС хорошо вписываются и цели германской «Восточной политики»: поддержка экономических и политических реформ, стабилизация, например, Украины, участие в урегулировании региональных и национальных

---

* Спиридонов С. В.- аспирант кафедры ТИМО РУДН. Научный руководитель – профессор кафедр, акад.РАЕН – В.Г. Джангирян

конфликтов. Упоминается и партнёрство с Россией, а в последние годы добавилось также обеспечение энергетической безопасности,[11] но оба этих фактора выходят за географические пределы действия ЕПС.

Российский политолог А.А. Стрелков дал свою оценку этому проекту Евросоюза: «Важную роль в эволюции ЕПС сыграла германская инициатива «Европейская политика соседства плюс». В отношении стран постсоветского пространства высказывалась идея о предоставлении им возможности участия в процессе принятия решений ЕС, расширении системы экономических бонусов и т.д. Многие предложения Германии были одобрены Комиссией европейских сообществ ещё в декабре 2006 года, но приоритетность сотрудничества с постсоветскими государствами не была поддержана».[9]

Основной механизм в сотрудничестве Европейского Союза с государствами-партнёрами в рамках ЕПС - двусторонние «Планы действий». Особенность «Планов действий» в том, что они конечны. То есть, когда намеченные положения будут реализованы, их можно будет заменить следующими Европейскими соглашениями соседства. Европейская политика соседства представляет собой некую альтернативу будущему расширению интеграции Евросоюза и не подразумевает как обязательное условие всё большее присоединение государств-партнёров к ЕС.[4] Последнее очень важно на фоне отмечаемой многими политологами «усталости» ЕС от приёма новых членов.

В 2007 г. программу финансовой помощи Евросоюза соседям заменили программой «Европейский инструмент соседства и партнёрства» (ЕИСП), который выполняет роль основного финансового механизма оказания поддержки государствам, входящим в сферу ЕПС. Это инструмент сотрудничества, благодаря которому, политические решения переходят в ранг практических действий на конкретных территориях. Инструмент сотрудничества, который должен финансировать

«Планы действий» ЕС. В программе ЕИСП было предусмотрено положение о политической обусловленности, которое означает, что, если будут нарушены демократические принципы, Евросоюз имеет право сократить размер финансовых вливаний или вовсе приостановить их. По словам комиссара ЕС по внешним связям и ЕПС Бениты Ферреро-Вальднер, объёма средств ЕИСП пока не хватает на реализацию программ ЕПС в полной мере.[9]

Следует заметить, что в рамках ЕПС были реализованы, помимо других, два крупных проекта. Проект «Союз за Средиземноморье» был разработан по инициативе президента Франции Николя Саркози. Он со всей очевидностью показывает, что приоритетно для внешней политики Франции и Испании в средиземноморском вопросе. Проект «Восточное партнёрство», был предложен в мае 2008 года Польшей и Швецией и окончательно оформился в декабре 2008 года. Он представляет в том числе и интересы Германии на восточноевропейском направлении. Такой раздел направлений вполне возможно рассматривать как инструмент, с помощью которого государства-члены ЕС заявляют о своих приоритетах.

Директор программы «Россия/Евразия» Научно-исследовательского института Германского общества внешней политики А. Рар, по поводу проекта "Восточное партнёрство" отметил, что восточноевропейские члены ЕС прикладывают немалые усилия по его продвижению. Так в 2009 году, когда в Европейском Союзе председательствовала Чехия, было заявлено о приоритетном продвижении этого направления, что продолжилось и во время президентства Польши в 2011г.

Польша декларировала в числе приоритетов евроинтеграцию, программу "Восточное партнёрство", экономический рост, энергетическую безопасность Европы и реформирование бюджетной системы ЕС. "Восточное партнёрство" должно способствовать сближению с Западом республик бывшего

СССР, таких как Украина, Белоруссия, Молдавия, Азербайджан, Армения и Грузия. "Им выдвинуто предложение об ассоциировании с ЕС".[8]

Сформулированная Германией её заинтересованность в расширении Европейского Союза мотивирована необходимостью экспортировать стабильность, демократию и основы правового государства в страны Восточной Европы, поддерживать и укреплять их рыночную экономику. Целью данной политики являются ликвидация политических конфликтов в каждом отдельно взятом регионе (с целью не допустить их распространения на Запад, в первую очередь на Германию как на наиболее близкую географически страну) и вместе с тем укрепление в нём своих позиций, в том числе и за счёт позиций России.[12]

Вместе с тем, налицо расхождение между Польшей и Германией по данному вопросу. После того, как страны Восточной Европы вошли в Евросоюз, политика Германии переориентировалась на расширение сотрудничества с другими странами (в основном постсоветскими) Восточной Европы в рамках ЕПС, подразумевающей более тесные контакты государств с Евросоюзом с отдалённой перспективой стать его членами. По оценкам западных экспертов, огромный вклад в дело обеспечения мира и безопасности на континенте вносит осторожная политика расширения ЕС, не выходящая за рамки возможностей интеграционного объединения. Здесь очень важно развитие дифференцированной политики соседства с соседями ЕС.[1]

Поэтому Германия выступает за ассоциацию постсоветских стран (не только западных и закавказских, но и центральноазиатских) с ЕС в рамках «привилегированного партнёрства», против чрезмерного ослабления позиций России, за равноправное сотрудничество России и ЕС в этих странах. Польша же ещё в 1992 г. настаивала на создании на восточноевропейском и постсоветском пространствах

«дублей» НАТО и ЕС, без участия России, фактически подконтрольных Варшаве. Теперь же она настаивает на полноправном членстве западных и закавказских постсоветских государств в ЕС.[6]

Директор Института вопросов безопасности ЕС А. Васконселос особо выделяет важность развития ЕПС по отношению к странам Восточной Европы и говорит о необходимости развивать отношения Евросоюза с Россией. Васконселос определяет основную задачу для Европейского Союза в данном направлении так: расширять территории демократии на государства восточной Европы без приёма в ЕС. Работа может проводиться в рамках ОВПБ и ЕПБО ЕС, а это включает такие шаги, как растянутое во времени вовлечение этих стран в программы ЕС, предотвращение конфликтов, гарантии укоренения главных принципов демократии.[5]

В статье, посвящённой месту новой России в мире и, прежде всего, её отношениям с Европой в целом, и с Германией в частности, известный немецкий политолог Х. Тиммерманн пишет: "По поводу проекта «Восточное партнёрство» хотелось бы отметить, что на пространстве бывшего СССР наблюдается некоторое столкновение интересов Евросоюза и стратегических интересов Российской Федерации. При этом можно констатировать в целом снижение влияния России в некоторых регионах и не сильно эффективную реализацию политики Евросоюза. Для Евросоюза основная декларируемая цель, которая заложена в основу «Восточного партнёрства» - создание на своём восточном фланге государств с процветающей экономикой, политической стабильностью, которые могут стать предсказуемыми партнёрами и функционировать на принципах правового государства".[10]

Но есть мнение, которое, правда, чаще высказывают российские аналитики, что новое «Восточное партнёрство» - это всё же попытка ЕС вытеснить Россию из её прежних сфер

влияния на Западе и Юге. Эта позиция, несомненно, имеет право на существование. Современные события являются яркой иллюстрацией справедливости этих предположений.

Профессор Д.Б. Малышева считает, что о намерениях Европейского Союза ослабить влияние России в СНГ свидетельствовали ещё раньше итоги мартовского саммита 2009 года Евросоюза в Брюсселе и майского - в Праге. Действительно, принятые документы отмечают, что программа «Восточное партнёрство» должна способствовать политическому сближению Брюсселя и стран-участниц, а также их экономической интеграции в ЕС. Также Евросоюз выражает готовность энергично содействовать реформам, которые будут проводиться в этих странах. Реформы должны быть направлены на развитие демократии и рыночных отношений и привести национальные законодательства к европейским стандартам».[7]

Рассуждает о возможности столкновения интересов России и Евросоюза на постсоветском пространстве и Х. Тиммерманн. Он отмечает, что для России, в отличие от восточноевропейцев, для которых Евросоюз сегодня - главный партнёр по всеобъемлющей трансформации с перспективой членства в ЕС, для России ЕС видится в качестве главного партнёра по модернизации с акцентом на экономику, но не как модель для политических и общественных преобразований.[10] Однако можно ли сегодня с уверенностью сказать, что так будет всегда?

В реализации проекта «Восточное партнёрство» существует ряд недочётов, среди которых можно отметить размытые формулировки установок демократических норм от стран-партнёров, не совсем конкретные политические требования и, как уже было отмечено, недостаточный объём финансирования. Кроме того, «Планы действий» в рамках ЕПС не обладают обязательной юридической силой.

А. Стрелков пишет, что в «Планах действий» по отношению к постсоветским странам нет чёткого определения способов реализации приоритетных задач и уделяется недостаточно внимания специфике тех или иных стран. Кроме того, во многих закавказских государствах чрезвычайно слабы государственные институты, с этим связаны трудности в выполнении «Планов действий». Главное же препятствие в реализации ЕПС кроется в том, что не получилось определить точную взаимосвязь между исполнением требований странами-партнёрами и предоставлением им экономических или политических бонусов.[9]

Есть определённые трудности в попытках предсказывать ход и последствия реализации обоих проектов в рамках ЕПС. Существуют различия в уровнях экономического и политического развития стран-партнёров ЕС. Но можно заключить - пока что эти проекты лишь предлагают соседям ЕС новое пространство для сотрудничества. В новых условиях России следует обратить особое внимание на нюансы процесса реализации программы «Восточного партнёрства». Тем более, что при успешной реализации программ в рамках «Восточного партнёрства», ставится под сомнение эффективность интеграционных проектов, инициированных Россией в рамках СНГ - таких как ЕврАзЭС, ОДКБ, Единое экономическое пространство.

Программы «Восточного партнёрства» в отношении западных и закавказских стран СНГ, выдвинутые Польшей и Швецией, но проводимые в первую очередь Германией как основным локомотивом интегративной политики ЕС на восточном направлении, выявили различное отношение к постсоветским государствам со стороны «новой Европы» (и солидарных с ней США), с одной стороны, и «старой Европы» (в первую очередь Германии), с другой. Если первые отстаивают идею полной интеграции указанных постсоветских стран в евроатлантические структуры с отрывом их от России,

то вторые, стремясь к ослаблению влияния России на постсоветском пространстве, в то же время не хотят её полного вытеснения оттуда и настаивают на ассоциативном членстве постсоветских стран в ЕС и совместном с Россией влиянии на них. Россия же, в отличие от многих других постсоветских государств, позволяет себе "роскошь" иметь и отстаивать своё собственное мнение, оставаться на своих собственных позициях, проводить свою независимую политику.

Список литературы:

1. Koalitionsvertrag von CDU, CSU und SPD Gemeinsam für Deutschland. – S.151
2. Nye J. Soft Power. – Cambridge (Mass.): Public Affairs, 2004
3. Nye J. The Paradox of American Power. – Oxford: Oxford Univ. Press, 2004
4. Overhaus M., Maull H., Harnish S. The new Neighborhood Policy of the European Union // Foreign Policy in Dialogue. – Vol. 7. – Iss. 19. – P.9
5. Vasconcelos A. Europe and its Eastern neighbors: new perspectives, new problems // Conference "Besoin d'Europe". Сайт Института по безопасности ЕС www.iss.europa.eu
6. Белов В.Б. (ред.). Германия. Вызовы XXI века. – М.: Весь мир, 2009. – С.49
7. Мальшева Д.Б. «Южный» и «Восточный» фланги европейской политики // Мировая экономика и международные отношения. – 2009. - № 9. – С.47
8. Рап А. Без России нет Европы // Internationale Politik. – 2009. – Январь-февраль.
9. Стрелков А. Европейская Политика Соседства: непоследовательное движение к цели // Современная Европа. – 2009. – №3. – С.120

10. Тиммерманн Х. Европа и её восток с геополитической точки зрения // Мировая экономика и международные отношения. – 2009. – № 10. – С.113
11. Федорцев В.А. Германское видение европейской «восточной политики» и роль ФРГ в «Восточном партнёрстве» // Проблемы национальной стратегии. – 2010. - № 3. – С.22
12. Фёдоров В.П. Экономика и политика Германии: современный этап. – М., 2012. – С.95

ПРОЦЕДУРА СУДЕБНОГО КОНТРОЛЯ В ПУБЛИЧНОМ ПРАВЕ ВЕЛИКОБРИТАНИИ И ПРАВЕ ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА

Устюжанинова Е.А.*

В публичном праве Великобритании институт судебного контроля, под которым понимается процедура оспаривания законности действий и решений органов публичной власти, известен давно. В настоящее время правила подачи исков о судебном контроле содержатся в главе 54 Правил Гражданского Судопроизводства 1998г. (Далее – ПГС) [7] и Практических указаниях 54А [13], 54С [14], 54D [15].

Согласно ст. 54.1(2)(а) ПГС, «иск о судебном контроле» (“claim for judicial review”) означает требование проверки законности (i) нормативного акта (enactment) или (ii) решения, действия или бездействия (a decision, action or failure to act) в связи с осуществлением публичных функций (public function). С точки зрения интерпретации и дальнейшей разработки основополагающих принципов и норм, составляющих

---

* **Е.А. Устюжанинова** - к.и.н., старший преподаватель кафедры права Европейского Союза Волго-Вятского института (филиала) ФГБОУ ВПО Московский государственный юридический университет имени О. Е. Кутафина (МГЮА)».

институт судебного контроля, значительную роль играют также судебные прецеденты [8; 11 и др.].

В порядке судебного контроля могут оспариваться, например, решения государственных органов, местных, иммиграционных властей, иного органа или должностного лица, наделенных публичными полномочиями. На решения Высокого суда и Апелляционного суда юрисдикция судебного контроля не распространяется, но решения нижестоящих судов и трибуналов могут оспариваться в порядке судебного контроля.

Предъявление иска о судебном контроле возможно не во всех случаях и обусловлено соблюдением определенных условий, к которым относятся, в частности, отсутствие возможности для обжалования принятого решения или исчерпание всех средств обжалования, а также предварительное использование иных доступных истцу средств правовой защиты. Для применения процедуры судебного контроля большое значение имеет наличие в деле необходимого публичного элемента. Кроме того, учитывается, предоставления каких из предусмотренных законом средств судебной защиты добивается истец. [Более подробно см.: 4 - С. 93-153].

Праву Европейского Союза также известна процедура, имеющая некоторые общие черты с процедурой судебного контроля (judicial review), применяемой в публичном праве Великобритании. В англоязычной литературе подобные аналогии проводятся непосредственно. [10 - P. 55-73]. Данную юрисдикцию в ЕС осуществляет Суд Европейского Союза.

В Договоре о функционировании Европейского Союза (далее - ДФЕС) данным полномочиям Суда ЕС посвящены ст. ст. 263 и 265 [1 - С. 347-348], раскрывающие процедуру судебного контроля, с помощью которой можно изменить законодательный акт либо иной обязательный акт институтов

ЕС (кроме рекомендаций и заключений), а также обжаловать неправомерное бездействие института ЕС.

Интересным является то, что в Европейском Союзе в число субъектов, акты либо бездействие которых можно обжаловать, попадают также законодательные институты: Европейский Парламент и Совет. В Великобритании, исходя из принципа верховенства парламента, подобное не представляется возможным, и речь идет только об обжаловании решения, действия или бездействия публичных властей.

Несмотря на отсутствие у Европейского Союза конституции, учредительные договоры наделяют его институты определенными полномочиями и накладывают на них обязанность действовать. Следовательно, должен существовать механизм, позволяющий пересматривать действия (бездействие) институтов, и наличие такого механизма институты должны учитывать. Данная процедура преследует две цели: аннулировать ненадлежащий акт института, либо заставить институт действовать в ситуации, когда он бездействует в противовес своим обязанностям, установленным учредительными договорами. Важность данной процедуры заключается в том, что она позволяет также предотвратить злоупотребление полномочиями со стороны институтов.

Какие акты можно изменять и когда бездействие института ЕС можно обжаловать в соответствии с указанной процедурой? Какие основания для этого существуют? Кто может обращаться с подобными требованиями? И в Великобритании, и в Европейском Союзе иск о судебном контроле может быть подан только при соблюдении определенных условий.

В Великобритании, в отличие от исков, предъявляемых в порядке общего судопроизводства, для возбуждения производства в порядке судебного контроля необходимо

разрешение суда. Сейчас норма о необходимости получения разрешения (по новой терминологии – «permission») для возбуждения производства по иску о судебном контроле содержится в ст. 54.4 ПГС. Суд может предоставить разрешение или отказать в его выдаче без слушания (ст.54.12 ПГС).

При принятии решения о том, предоставить или нет разрешение на предъявление иска, суд должен определить, имеет ли истец достаточную заинтересованность (sufficient interest) в рассматриваемом деле, что будет означать его право быть выслушанным в суде («standing» или «locus standi»), т.е. право предъявить иск или оспорить какое-либо решение [12 – P. 322; 3 – C. 459]. Существует еще одна причина, по которой суд может отказать в предоставлении как разрешения на предъявление иска, так и средства судебной защиты, которого добивается истец. Речь идет о необоснованной задержке в подаче искового заявления (undue delay). Кроме того, исковое заявление о судебном контроле должно быть подано сразу же, и в любом случае не позднее трех месяцев после того, как впервые возникли основания для его подачи (ст. 54.5(1) ПГС).

Что касается оснований, по которым решение, действие или бездействие органа публичного управления может быть оспорено в порядке судебного контроля, то они несколько отличаются от предусмотренных в праве Европейского Союза, и выведены из судебных прецедентов [8], [16] и др. К данным основаниям относятся: незаконность (illegality (unlawfulness)), иррациональность (неразумность) (irrationality (unreasonableness)) и неправомерность в связи с процессуальными нарушениями (процессуальная несправедливость) (procedural impropriety (unfairness)).

Чтобы решение, действие или бездействие публичного органа были законными, принимающий решение орган должен правильно понимать закон, регулирующий его полномочия, и исполнять его. Публичный орган может

действовать незаконно, если была ограничена свобода осуществления его усмотрения; если при вынесении решения он принял во внимание не относящиеся к делу соображения; если он использовал свои дискреционные полномочия не в соответствии с целью, для которой они были предоставлены; или действовал недобросовестно. Термин «иррациональность» применяется к решению, которое является настолько странным из-за своего противоречия логике или принятым моральным нормам, что никакой разумный человек не мог бы к нему прийти. О неправомочности в связи с процессуальными нарушениями (процессуальной несправедливости) может идти речь, если публичный орган, принимая решение, не соблюдает определенные процессуальные нормы, которые могут быть предусмотрены статутом. Данные нормы могут также относиться к требованиям естественной справедливости (*natural justice*), основными из которых являются следующие: «никто не может быть судьей в собственном деле» (“*Nemo iudex in causa sua*” (лат.)) [12 - P. 354] и «выслушай другую сторону». Надо также отметить, что те или иные основания могут быть взаимосвязаны и частично совпадать (*overlap*).

Таким образом, в Великобритании при обращении в суд в порядке судебного контроля необходимо учитывать множество факторов, в том числе нормы, содержащиеся в актах законодательства (Часть 54 ПГС и Практические указания к ней, а также отдельные правила других частей ПГС, Закон о Высших судах 1981г. [17], Закон о правах человека 1998г. [9] и др.); позицию судебных органов, выраженную в многочисленных прецедентах; возможность осуществления дискреционных полномочий суда; критерии, на основании которых суд предоставляет разрешение для подачи искового заявления, и др.

В праве Европейского Союза процедура судебного контроля регламентируется следующим образом:

В соответствии со ст. 263 ДФЕС, при обжаловании акта какого-либо из указанных в данной статье институтов необходимо прежде всего выяснить, обязательный это акт или нет. Рекомендации и заключения невозможно аннулировать, так как они не носят обязательного характера и, соответственно, лишить их юридической силы невозможно. В настоящее время обжалуются любые иные акты Союза, направленные на создание правовых последствий в отношении третьих лиц. Однако, надо помнить, что речь идет только об актах вторичного права – нормы учредительных договоров обжалованию в порядке ст. 263 ДФЕС не подлежат.

Если акт является обязательным, проверяется *locus standi* (наличие существенного интереса) у заявителя. Применительно к статьям 263 и 265 ДФЕС, как указывает Э. Кирк [10 - С. 60-62], выделяются следующие категории заявителей:

- привилегированные (Европейская Комиссия, Совет, Европейский Парламент, все государства-члены). Это субъекты, наиболее заинтересованные в актах Союза. Их не дисквалифицирует также то обстоятельство, что они принимают участие в принятии законодательства;
- полупривилегированные (Европейский Центральный Банк, Счетная палата, Комитет регионов) – они могут обжаловать акт в целях защиты своих прерогатив;
- непривилегированные (физические и юридические лица). Они обладают в качестве заявителей наиболее слабым статусом, поскольку вынуждены доказывать, что располагают подобными полномочиями. Физические и юридические лица могут обжаловать акт Союза только в следующих случаях: акт адресован данному лицу; акт адресован другому лицу, но непосредственно и индивидуально затрагивает данное лицо; акт является регламентарным (*regulatory*), непосредственно затрагивает данное лицо и не требует применения мер по имплементации. Безусловно, если акт адресован

непосредственно данному физическому или юридическому лицу, тот факт, что его правовые последствия направлены на данное лицо, не нуждается в доказывании. Термин «индивидуально затрагивает» в учредительных договорах не отражен и был выведен из практики Суда ЕС [6]. В данном случае имеется ввиду предположение, что лицо принадлежит к «фиксированному, закрытому классу». Термин «непосредственно затрагивает» обычно означает, что акт Союза непосредственно применим к лицу, без необходимости для государства-члена принимать какой-либо дополнительный закон или осуществлять какие-либо дальнейшие дискреционные меры. Понятие «регламентарный акт» является новым для Лиссабонского договора [2 - С. 604 – 613], и пока нет ясного определения данного термина. Возможно, что к этой категории относятся «решения, принятые в форме регламентов (regulations)», о которых упоминалось в деле «International Fruit Co. v. Commission» [5]. Следовательно, для доказательства того, что оспариваемый акт является регламентарным, не требующим применения мер по имплементации, достаточно показать, что он непосредственно, но не индивидуально (как другие акты) затрагивает данное лицо.

Если заявитель относится к «привилегированной» категории, то возможность обжалования предоставляется автоматически при условии, что акт обжалуется в течение двухмесячного срока, прошедшего с момента опубликования акта, с момента уведомления о нем истца или – при отсутствии такого опубликования или уведомления – со дня, когда истец узнал о данном акте. Если заявитель относится к двум другим категориям, возможность обжалования предоставляется при условии доказывания всех необходимых обстоятельств и также при условии соблюдения двухмесячного срока.

Таким образом, физическому или юридическому лицу обжаловать акт института ЕС в порядке судебного контроля

сложнее, чем другому институту или государству-члену. Сложность заключается в установлении *locus standi* (выше указывалось, что данный термин также используется в публичном праве Великобритании).

Что касается оснований для обжалования, то в праве ЕС ими являются:

- недостаток компетенции (каждый институт должен действовать в пределах полномочий, предоставленных ему договорами);
- нарушение существенных процедурных требований (когда институт не следует надлежащей процедуре при принятии решений);
- нарушение учредительных договоров или любой нормы права, относящейся к их применению;
- злоупотребление полномочиями (когда институты используют свои полномочия на ненадлежащие цели).

Относительно возможности обжалования бездействия институтов в соответствии со ст. 265 ДФЕС надо отметить следующее:

Ст. 263 и ст. 265 ДФЕС тесно связаны, поэтому правила их применения рассматриваются как параллельные, и обе статьи могут использоваться одновременно. Соответственно, правила определения *locus standi* в соответствии со ст. 265 ДФЕС являются аналогичными рассмотренным выше, но более ограничительными, так как в отличие от ст. 263 ДФЕС, с соответствующим заявлением могут выступить только те лица, которым данное решение должно было быть адресовано (*should have been addressed*) [10 - С. 67].

Кроме того, ст. 265 ДФЕС касается только обязанности действовать, установленной Договорами [1 - С. 348].

Помимо этого, надо иметь в виду, что подобное заявление может быть принято к рассмотрению, только если соответствующему институту было сначала предложено совершить действие. Если по истечении двухмесячного срока с

момента такого предложения институт не определил своей позиции, то заявление может быть подано в пределах следующего двухмесячного срока. Формулировка «определить свою позицию», использованная в данном случае, может позволить институту избежать соответствующего иска при условии, если данный институт свою позицию все-таки определит, т. е., если объяснит причины своего бездействия. Таким образом, подача иска автоматически не приводит к обязанности института действовать. Это, безусловно, существенно ослабляет возможности данной части института судебного контроля в праве ЕС. Однако, если иск все-таки оказался успешным, ст. 266 ДФЕС заключает, что институт обязан принять меры, требуемые для исполнения решения Суда Европейского Союза.

При подаче иска в порядке судебного контроля в соответствии со ст. ст. 263 и 265 ДФЕС, надо также помнить, что данные статьи могут применяться на аналогичных условиях не только к институтам, правомерность актов или бездействие которых оспариваются, но и к органам и учреждениям Европейского Союза. Помимо этого, ст. 263 ДФЕС содержит указание о том, что акты о создании органов и учреждений Союза могут предусматривать особые условия и порядок для исков, подаваемых физическими или юридическими лицами против актов этих органов или учреждений, которые направлены на создание в отношении них правовых последствий. [1 - С. 347-348.]

Таким образом, можно заключить, что и в публичном праве Великобритании, и в праве Европейского Союза процедура судебного контроля регламентирована достаточно подробно, данный институт широко используется и имеет ряд общих черт, что обусловлено повсеместной тенденцией взаимопроникновения норм и сближением разных правовых систем. Тем не менее, налицо также существенные отличия, которые и в Великобритании, и в Европейском Союзе делают

данный институт уникальным и достойным самого подробного изучения с целью почерпнуть лучшее, что могут в этом отношении предложить обе правовые системы.

Ссылки на источники и литературу:

1. Договор о функционировании Европейского Союза 1957г. // Европейский Союз: Основопологающие акты в редакции Лиссабонского договора с комментариями. – Отв. ред. Кашкин С.Ю. М.: ИНФРА-М, 2012. – С. 211 – 390.
2. Лиссабонский договор, изменяющий договор о Европейском Союзе и договор об учреждении Европейского Сообщества (2007/с 306/ 01) // Европейский Союз: Основопологающие акты в редакции Лиссабонского договора с комментариями. – Отв. ред. Кашкин С.Ю. М.: ИНФРА-М, 2012. – С. 604 – 612.
3. Мамулян А.С., Кашкин С.Ю. Англо-русский полный юридический словарь. – Академическое издание / А.С. Мамулян, С.Ю. Кашкин. – М.: Эксмо, 2008. – (Российское юридическое образование).
4. Устюжанинова Е.А. Современная административная юстиция в Великобритании: монография / предисл. А.Б. Зеленцова – М.: Изд-во МГОУ, 2012.
5. Case 41-44/70 International Fruit Co. v. Commission [1971] ECR 411.
6. Case 25/62 Plaumann v. Commission [1963] ECR 95.
7. Civil Procedure Rules 1998. SI No. 3132 (L. 17) (Правила Гражданского Судопроизводства 1998г.) // <http://www.legislation.gov.uk/uksi/1998/3132/contents/made>.
8. Council of Civil Service Unions v Minister for the Civil Service [1985] AC 374.
9. Human Rights Act 1998, с. 42. (Закон о правах человека 1998г.) // <http://www.legislation.gov.uk/ukpga/1998/42/contents>.
10. Kirk E. EU Law. 3rd edition. Pearson Education Limited, 2013.
11. O'Reilly v Mackman [1983] 2 AC 237.

12. Oxford Dictionary of Law. Sixth Edition. Edited by E.A. Martin, J. Law. Oxford University Press Inc., New York, 2006.
13. Practice Direction 54A – Judicial Review (Практические указания 54А – Судебный контроль) // http://www.justice.gov.uk/pre-trash-archive/civ-proc-rules-old/old/pd_part54a.
14. Practice Direction 54C – References by the Legal Services Commission (Практические указания 54С - Примечания Комиссии по правовой помощи) // http://www.justice.gov.uk/courts/procedure-rules/civil/rules/part54/pd_part54c.
15. Practice Direction 54D – Administrative Court (Venue) (Практические указания 54D – Административный суд (территориальная подсудность)) // http://www.justice.gov.uk/courts/procedure-rules/civil/rules/part54/pd_part54d.
16. R v Panel on Take-overs and Mergers, ex p Datafin Plc [1987] QB 815, 842F-H.
17. Senior Courts Act 1981, с. 54// <http://www.legislation.gov.uk/ukpga/1981/54/introduction>.

ПРОБЛЕМА ЭТНИЧЕСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ КАК ОДИН ИЗ АСПЕКТОВ ДЕЗИНТЕГРАЦИИ ЕС

Д.Д. Шляпкинова*

Европейский союз (ЕС) как экономическое и политическое объединение является оплотом региональной интеграции – актуального процесса современности, не имеющего общепризнанного определения. В целом, интеграция – это объединение субъектов (говоря о ЕС – суверенных государств) как составных частей в некую общую систему, основанную на принципе синергии и взаимовыгоды. Данный процесс затрагивает многообразные сферы общественной жизни, от экономической и до культурной, используя определенные инструменты: расширение поля деятельности и усиление роли как международных организаций, так и транснациональных компаний (ТНК), создание системы наднациональных институтов управления, усиление торговых связей, упрочнение культурного обмена и пр.

Одной из мер по укреплению взаимосвязи между европейскими странами в социально-культурной сфере стала провалившаяся политика мультикультурализма, основную идею которой можно выразить латинским афоризмом «из множества – единство» с учетом «паритета» элементов этого множества. Иными словами, мультикультурализм

---

* Шляпкинова Д. Д. – студентка 2 курса кафедры теории и истории международных отношений. Научный руководитель – к.и.н., ассистент кафедры теории и истории международных отношений О.К. Петрович-Белкин.

предполагает взаимное сосуществование различных общностей.

Причину неудачи внедрения этой концепции многие авторы, в том числе А.В.Попов, видят в «абстрактности глобальных ценностей», которые продвигает политика мультикультурализма, «в предпочтении национально-особенного (конкретного) перед глобальным (всеобщим)» [7. С. 82]. С.И.Кузина также разделяет подобную точку зрения, подчеркивая, что принцип мультикультурализма изначально был направлен на «сокрытие истинных причин социальных конфликтов и противоречий», и именно привычный, устоявшийся в течение долго времени этнос «является для человека надежной группой поддержки», из рамок которой отдельный индивид выходить не хочет [6. С. 100]. Кроме того, возникающие в обществе кризисы, проявляющиеся в форме международной нестабильности, угрозы войны или экологических бедствий подталкивают человека к поиску устойчивых ориентиров в прошлом, в собственной истории и культуре.

В целом, мультикультурализм как попытка трансформации национальных ценностей приводит к усилению интереса к этим ценностям, который в свою очередь перерастает в острую необходимость в их отстаивании, как на уровне национальном, так и на уровне этнических групп.

Проблемы этнической идентичности оказывают существенное влияние на функционирование процесса интеграции, а точнее дезинтеграции, в том числе в рамках ЕС.

С.И.Кузина определяет этническую идентичность как «составную часть социальной идентичности личности, психологическую категорию, которая относится к осознанию своей принадлежности к определенной этнической общности» [6. С. 99]. Этничность – ощущаемая принадлежность к определенному культурному пространству. Данный термин не обуславливается понятиями гражданства или национальности,

являющимися врожденными, а исходит из приобретенного осознания общности культуры, истории, языка с определенной группой людей.

В понятии этнической идентичности можно условно выделить два аспекта: столкновение национального меньшинства (этнические группы) и большинства (государствообразующая нация), а также взаимодействие отдельных этнических групп государства и мигрантов, являющихся носителями культуры родной страны.

Для начала стоит рассмотреть первый аспект, характеризующий «собственно государственный» вопрос взаимодействия двух уровней: этнического и национального. Ю.А.Борко в статье «Быть ли единой “Единой Европе” в XXI веке?» считает воплощением данного противоречия возрастающий «большой национализм», подразумевающий «протест... взглядов коренного населения против этнического сепаратизма» [2. С. 34]. Эта проблема не является новой для Европы: национальный вопрос никогда не был и вряд ли будет решен полностью, самое большее – на некоторое время будет отложен в долгий ящик. Практически в каждой европейской стране, помимо образующей нации, существуют национальные меньшинства: Бретань и Корсика во Франции, Фландрия и Валлония в Бельгии, Сардиния и Южный Тироль в Италии, Шотландия и Северная Ирландия в Великобритании, Каталония и Страна Басков в Испании.

В качестве конкретного примера хотелось бы привести этнокультурные процессы, протекающие в одном из самых стабильных, на первый взгляд, государстве Европы – Бельгии.

О возникновении противоречий между валлонами (франкофонами, представляющими романскую культуру) и фламандцами (нидерландоязычными носителями германской культуры) можно говорить уже в XIV-XVI вв., когда Северные и Южные провинции становились то Бургундскими, то

Испанскими, а позднее Австрийскими. Территория современной Бельгии подвергалась значительному влиянию со стороны Франции, находясь в ее составе в течение двадцати лет. Решение Венского конгресса 1815 года об очередном объединении провинций, великого герцогства Люксембург и Льежского епископства в Объединенное королевство Нидерланды обострило и без того глубокие разногласия на почве религиозного неприятия, непропорционального экономического развития и в целом различия культурных традиций этих регионов. Провозглашение независимости и принятие Конституции Бельгии 1831 года, в частности, возникновение концепции «бельгитюда», то есть бельгийского исторического и культурного единства, не помогли разрешить эти противоречия [1. С. 257-258].

До Второй Мировой войны ведущим регионом оставалась южная Валлония, где активно велась разработка угольных месторождений, а значит, находились металлообрабатывающие заводы, развивалась промышленность, вместе с ней и торговля. Все торговые операции, работа государственных органов управления, полиция, судопроизводство велись на французском языке, фламандский язык попросту игнорировался. Однако с середины XX века экономика Валлонии начала деградировать, на первый план вышла ускоренно индустриализирующаяся Фландрия [3. С. 77]. Численность фламандцев вскоре стала наибольшей в стране, повысилась роль торгового порта Антверпен, который находится непосредственно на территории нидерландоязычной части Бельгии. Отныне фламандцы имело право небезосновательно отстаивать свои требования, с каждым днем расширяющиеся. Тогда же зарождается сепаратистское движение, интересы которого воплощаются в националистических партиях, действующих до сих пор и имеющих весомую поддержку среди населения [4. С. 69-76]. Например, бельгийская партия «Влаамс Беланг», или

«Фламандский интерес», действует под лозунгом «Фландрия – для фламандцев», то есть отстаивает право северного округа Бельгии на суверенитет. Партия обуславливает данную перспективу экономическим превосходством региона, который и без того «тянет» отстающую Валлонию, покрывая вызванный ею общебельгийский долг, неравноправным распределением портфелей министров в регионах, а также враждебностью валлонов к голландской культуре, в частности, нежелание учить фламандский язык в школах [3. С. 77-79]. Нельзя не отметить ответную реакцию валлонов, а также немцев, наименьшей этнической группы Бельгии, неприязнь которых к развитому северу после подобных заявлений лишь усиливается:

“Валлоны (о фламандцах): «Что это за люди, которые хотят навязать нам какой-то свой язык? Это же крестьяне, которые используют разные говоры, часто даже не понимая друг друга. О какой культуре здесь может идти речь?»»

Фламандцы (о валлонах): «Что собой представляют эти люди, которые говорят якобы на французском языке, а на самом деле лишь на его диалекте, не обладая при этом никакой литературной традицией?»» [3. С. 80-81]

Как же влияет интеграция на усугубление этнических противоречий? Сегодня обусловленный процессом интеграции своеобразный «передел» национальных границ проявляется в виде выстраивания наднациональной системы управления в ЕС и опирается на «несущую конструкцию» отдельного государства, а именно доминирующую, «государствообразующую» нацию и ее ценности, в обход подобных у национальных меньшинств. Именно этот процесс вновь усилил сепаратистские настроения, то крепнущие, то ослабевающие в суверенных государствах.

Безусловно, нельзя утверждать, что исключительно интеграционные процессы стали причиной очередного всплеска сепаратизма, национализма и ксенофобии.

Необходимо отметить также такой фактор, как радикальное изменение миропорядка, базы взаимоотношений между государствами после распада биполярной системы, который сподвиг людей вернуться к стабильным историческим и культурным истокам [6. С. 99]. Не меньшее влияние на укрепление этнической идентичности оказывают новые политические элиты, которые в условиях глубокого кризиса легитимности государства надеются получить дополнительные источники легитимности посредством игры патриотическими чувствами ради удержания власти.

Заметную роль играет также проблема столкновения собственной этнической идентичности с культурными особенностями других народов. Интеграция, изначально будучи чисто экономической, «открыла» под натиском ТНК и международных финансовых институтов национальные границы. Позднее транспарентность границ была усилена интенсивностью культурных и информационных обменов, вызванных развитием средств коммуникации в том числе. Европа активно поддерживала подобное расширение границ. Это связано с практически нулевым приростом населения и вытекающей острой необходимостью в трудовых ресурсах. Подобную инициативу поддерживали и мигранты: стереотипное, хотя иногда и вполне оправданное, представление о Старом Свете как об «обетованной земле», способной обеспечить достатком и лучшей жизнью каждого, мотивировало многих жителей Восточной Европы, Ближнего Востока и Северной Африки переселяться в страны Европейского Союза.

Данные факторы резко увеличили мобильность населения, усилив миграционный поток в развитые страны Европы, особенно в Германию, Францию и Великобританию. Однако мигранты, обосновываясь в новой стране, зачастую не пытаются «ассимилироваться», приобщиться к ценностям и традициям нового дома. Подобный «наплыв» населения,

осложняющий помимо прочего социальную и криминогенную ситуацию, спровоцировал социокультурное недовольство среди господствующих в стране этносов, который вылился, в свою очередь, в общенациональную антипатию и агрессию по отношению к менее защищенному слою иммигрантов. Так, уже на 1997 г. в среднем 85% европейцев полагало, что количество иммигрантов в их стране велико (из них 45% отмечало, что оно чрезмерно велико). По данным Международного бюро по вопросам миграции на 2002 г., в ЕС проживало около 11 миллионов официально зарегистрированных иммигрантов (среди нелегальных же по подсчетам насчитывалось по меньшей мере 3 миллиона), которые уже на тот момент образовывали «шестнадцатое государство ЕС», при условии, что население Бельгии едва превышало 10 миллионов [1. С. 269].

Показателен пример вышеупомянутой бельгийской партии «Фламандский интерес». Ее нынешний лидер, Филип Девинтер, в ходе одного из своих выступлений заявил: «Терпимость – это ахиллесова пята Европы, а иммигранты – это ее троянский конь» [5].

Ужесточенные иммиграционные правила в совокупности с интенсивной деятельностью правоохранительных органов и Интерпола, объявивших беспощадную борьбу с нелегальной иммиграцией, только усложняют нынешнее положение.

Оба раскрытых аспекта, провоцируя национальные волнения и возмущения, ограничивают шаги государств к полноценной интеграции. Само правительство не готово пренебречь интересами исторически сложившихся этнонациональных групп и возложить их на алтарь не до конца ясной, достаточно абстрактной концепции «мирного соседства».

Каковы же перспективы европейской интеграции? По всей вероятности, говорить о сведении ее на нет по причине

возрастающих этнических противоречий нельзя, поскольку европейские страны объединены крепкими экономическими связями, воплощенными в едином рынке и валютном союзе. Несмотря на отчаянные попытки государственных лидеров и ответственных лиц ЕС остановить рост нацистских, расистских, сепаратистских настроений, их усиление представляется неизбежным, так как общности отдельных стран непременно будут отстаивать собственные интересы. Тем не менее, данный вопрос не имеет однозначной оценки и все еще остается открытым.

Ссылки на источники и литературу

1. *Бирюков С.В.* Бельгия как модель кризиса европейского федерализма // Этносоциум и межнациональная культура. – 2009. - №1. – С.257-271.
2. *Борко Ю.А.* Быть ли единой «Единой Европе» в XXI веке? // Актуальные проблемы Европы. – 2002. - №1. – С.31-49.
3. *Елманова Д.С.* Фламандско-валлонские взаимоотношения: конфликт или стимул развития Бельгии? // Региональные исследования. – Смоленский гуманитарный университет (Смоленск). – 2010. - №4. – С.76-82.
4. *Иванова Е.В.* Формирование крайне правого движения в Бельгии на примере партии «Влаамс Беланг» // Политическая экспертиза: Политэкс. – Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург). – 2008. - №1. – С.68-85.
5. *Косарев Д.* Выборы в пользу джихада / Дмитрий Косарев // Российская газета. – 2013. – 27 мая. – Режим доступа: <http://www.rg.ru/2013/05/27/belgia.html>
6. *Кузина С.И.* Мультикультурализм и этническая идентичность // Философия права. – Ростовский юридический

институт Министерства внутренних дел Российской Федерации (Ростов-на-Дону), 2012. – С.98-102.

7. *Попов А.В.* Мультикультурализм и национальная идентичность в контексте современности // Труды Санкт-Петербургского государственного университета культуры и искусств. – Санкт-Петербургский государственный университет культуры и искусств (Санкт-Петербург), 2013. – С.78-83.

РОЛЬ РОССИИ В СОВРЕМЕННОЙ СИСТЕМЕ ЕВРОПЕЙСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Юраков М.В.*

С распадом СССР и всего социалистического блока значительно изменилась геополитическая обстановка в мире, пересматривались подходы к обеспечению глобальной и региональной безопасности. Понимание того, что мир больше не является биполярным, а Россия, находясь в глубоком политическом кризисе, не обладает даже долей того потенциала, который был у СССР, в начале 1990-х гг. дало начало формированию нового мирового порядка, глобальной и региональной безопасности.

Определение настоящей роли России в формировании современной системы евробезопасности проходило под влиянием целого ряда факторов и ограничений: с одной стороны, крушении идеологии, начало либеральных реформ, желание исключить прежнюю конфронтацию между Востоком и Западом и найти пути для диалога и сотрудничества, с

---

* **Юраков М.В.** – магистр кафедры теории и истории международных отношений РУДН. Научный руководитель-д.п.н. Филимонов Г.Ю.

другой, снижение военно-стратегического и экономического потенциала, геополитические потери с юга и запада, постепенное формирование понятия «национальных интересов», в том числе и в европейском регионе. Важнейшим внешним фактором, сдерживающим полноценное участие России в системе европейской безопасности, было сопротивление со стороны стран-участников Альянса более продуктивному сотрудничеству с Россией. В последнем десятилетии XX в. основными элементами конфликтности между Россией и Западом относительно формирования новой системы европейской безопасности стали: во-первых, общая риторика формирования евробезопасности (замыкание новой системы в рамках НАТО и расширение Альянса), во-вторых, разрешение внутригосударственных конфликтов (прежде всего, на Балканах) [1].

В понимании России будущее евробезопасности должно было строиться исходя из концепции «общего европейского дома» (от Ванкувера до Владивостока), не имея преград между Севером Америки, Европой и Россией. Однако, в отличие от Запада, Россия предлагала в качестве каркаса для построения будущей системы евробезопасности ОБСЕ, которая сможет построить мосты взаимодействия с НАТО, СНГ и ЕС по всем вопросам, касающиеся того или иного аспекта безопасности.

В 1990-е гг. остро стоял вопрос о том, кто и как будет осуществлять обеспечение безопасности в европейском регионе. Обсуждалась идея превращения ОБСЕ в структурную организацию, которая строилась бы по принципу ООН, имея собственный Совет Безопасности, исполнительные органы и полномочные представительства. В таком формате ОБСЕ могла бы самостоятельно участвовать в урегулировании конфликтов в рамках европейского континента или делегировать свои полномочия другим организациям (НАТО,

ООН). Однако данная инициатива не получила своего развития[2].

Развитие такого сценария помогло бы Российской Федерации: а) наладить более тесные экономические связи с Западной Европой и США, б) сгладить территориальные потери в регионе ЦВЕ, в) получить равноправное партнерство в процессах европейской безопасности.

В начале 1990-х гг. создавалась иллюзия того, что Запад в целом разделяет такую концепцию, что объясняет спокойную реакцию России относительно программы НАТО «Партнерство ради мира» и возможное вхождение некоторых стран ЦВЕ в Альянс. В совместном заявлении президентов России и Польши 25 августа 1993 года отмечалось, что стремление некоторых стран ЦВЕ вступить в Альянс «не противоречит интересам других государств»[3].

Однако в скором времени Россия высказалась категорически против принятия Венгрии, Польши и Чехии в НАТО и в целом заняла позицию негативного отношения относительно расширения НАТО. Российское руководство стало осознавать, что реализация сценария системы европейской безопасности от Ванкувера до Владивостока интересует только Россию, равноправного членства которой в новой системе региональной безопасности никто не собирался предоставлять. Доказательством этому факту стало заявление на Брюссельском саммите НАТО в 1994 г. лидерами Альянса о том, что они «ожидают и приветствуют расширение НАТО»[4]. Спустя несколько дней президент США заявил, что вопрос «не в том, примет ли НАТО новых членов, а в том, как и когда это будет сделано». Не смотря на попытки дипломатического и информационного сдерживания, стало очевидно, что вступление Венгрии, Польши и Чехии в НАТО предрешено, и Россия вынуждена пойти на компромисс.

В мае 1997 г. между Россией и НАТО был подписан основополагающий акт, в котором было отмечено, что Альянс

не имеет «намерений, планов и причин размещать на территории новых государств-членов ядерное оружие», а также значительно увеличивать контингент обычных вооружений в регионе ЦВЕ [5]. Это был достаточно серьезный шаг навстречу со стороны Альянса по отношению к России, однако подобная формулировка вопроса не до конца показывала серьезность намерений НАТО, по крайней мере в части «причин», которые с течением времени могли измениться.

В свою очередь Россия признала, что любое государство вправе самостоятельно выбирать методы и способы укрепления собственной безопасности и у России нет права вето на все решения, принимаемые в рамках Альянса. Фактически Россия признала первую волну расширения НАТО, однако не сняла возражений по поводу подобной политики Альянса.

Не смотря на некоторое смягчение отношений между Россией и НАТО, отрицательная динамика их развития преломлена не была. Наибольшее обострение отношения между Россией и Альянсом получили в период косовского кризиса. Именно события 1999 г. в Косово дали понять Москве, что система современной европейской безопасности будет иметь закрытый характер и Россию там никто не ждет.

Военные действия Североатлантического альянса в Косово вполне очевидно вызвали резко негативную реакцию со стороны России, так как были предприняты в обход Совета Безопасности ООН, следовательно, были совершены в разрез с международным правом и ущемляли права России как постоянного члена СБ ООН. Кроме того, Балканы имеют важное историческое значение для России, также особое значение имеют связи с народом Сербии, который исповедует православие.

Россия сыграла существенную роль в урегулировании конфликта в Косово, однако оно было достигнуто в основном

на тех условиях, на которых настаивал Альянс. Показательным для характера российско-натовских отношений было событие, произошедшее сразу после урегулирования конфликта. Без согласования с Альянсом Москвой было предпринята попытка переброска небольшого российского воинского подразделения, выполняющего миротворческую миссию в Боснии и Герцеговине, в район аэродрома Приштины (Косово), но прямого противостояния между военными России и НАТО, которое было чревато серьезными последствиями, не произошло.

С приходом новых администраций в Кремле и Белом доме, после долгого периода стагнации отношений между Россией и НАТО, стали происходить изменения. Нельзя сказать, что изменения были кардинальными и прорывными, но после долгого периода застоя имели весьма серьезное значение. Толчком к возобновлению сотрудничества стали события 11 сентября 2001 г. в США, после которых полностью была пересмотрена глобальная стратегическая обстановка, определены новые тренды глобальной и региональной безопасности, ключевыми элементами которой стали борьба с международным терроризмом и распространение оружия массового уничтожения. Кроме того, появилась реальная необходимость активизации российско-натовских отношений и поиска нового механизма взаимодействия на фоне ожидающегося второго расширения Альянса.

Необходимость активизации отношений и опыт первого десятилетия существования «новой» России предопределили наиболее спокойное отношение Москвы относительно второй волны расширения Альянса. Однако Россия придерживалась своих позиций, рассматривая расширение НАТО в качестве контрпродуктивных мер для укрепления европейской безопасности. В такой ситуации акцент был сделан на поиск путей взаимодействия и сотрудничества с Североатлантическим альянсом в новых условиях.

Новый этап отношений России и НАТО начался на саммите в Риме в 2002 г., где было заявлено о «новой эре» отношений, предоставляющей возможности для «консультаций, совместных решений и совместных действий»[6]. На фоне событий 11 сентября 2001 г. Россия и НАТО были крайне заинтересованы в возобновлении сотрудничества в более конструктивной форме. Новый Совет Россия-НАТО (СНР), заменивший Постоянный совместный совет Россия-НАТО был призван вывести отношения двух субъектов на принципиально новый уровень.

Иновацией СНР стал абсолютно новый алгоритм функционирования, основанный на вовлечение всех членов в совместное обсуждения возникших проблем с момента их появления и принятии решения непосредственно в государствах-членах НАТО без предварительно согласования в Альянсе, как это было ранее. Таким образом, удалось разнообразить палитру мнений относительно того или иного вопроса и выработать наиболее конструктивное решение.

Кроме того, был значительно расширен круг обсуждаемых вопросов в рамках СНР за счет включения в список обсуждаемых проблем таких, как террористические угрозы, проблема вмешательства во внутренние дела государства, нераспространение оружия массового поражения.

Согласно декларации терроризм стал одной из важнейших сфер взаимодействия между Россией и НАТО. Субъекты условились «укреплять сотрудничество на основе многопланового подхода, включая совместные оценки угрозы терроризма для безопасности в евроатлантическом регионе, сфокусированные на конкретных угрозах, например, вооруженным силам России и НАТО, гражданской авиации, или объектам инфраструктуры, имеющим критически важное значение; в качестве первого шага провести совместную оценку террористической угрозы миротворческим силам России, НАТО и государств-партнеров на Балканах» [7].

Главным итогом нового механизма взаимодействия стало смягчение сохранявшейся на тот момент волны расширения Альянса. Однако переоценивать новый формат общения вовсе не стоит.

Вторая и самая значительная волна расширения Альянса, произошедшая в 2004 г., значительно ухудшила отношения между Россией и НАТО, так как в нее были включены не только бывшие страны-члены ОВД, но и государства, ранее входившие в состав СССР (Латвия, Литва, Эстония).

Другим негативным моментом в отношениях России-НАТО стал выход США из Договора по ПРО в 2002 г. Причиной выхода США из Договора официально стала борьба с терроризмом, однако неофициально планировалось создать глобальную систему противоракетной обороны, в том числе и в Европе. Начало развертыванию системы ПРО было положено президентом США Дж.Бушем-младшим в 2002 г. в рамках директивы «Национальная политика США в области противоракетной обороны». Планы США по развертыванию ПРО в Восточной Европе справедливо вызвали негативную реакцию со стороны России. Соединенные Штаты пытались убедить Россию в том, что развертывание третьего позиционного района ПРО не несет за собой никакой опасности для России, однако попытки убедить в ненаправленности ПРО не увенчались успехом, так как не имели под собой юридических гарантий и противоречили основным доктринальным документам оборонной политики США. Развертывание ПРО в Европе, как утверждает Вашингтон, исходит не из-за оценки потенциальных угроз собственной национальной безопасности, а из оценки способностей других государств нести подобную угрозу [8].

На современном этапе Россия является единственным государством в мире, которое обладает возможностью нанесения критического ядерного удара по США. В таком

ключе нет оснований полагать, что современная система ПРО США не направлена на нейтрализацию угроз со стороны российского ядерного потенциала.

Кроме того, у США есть интерес в размещении систем противоракетной обороны в Восточной Европе и по другой причине. При разработке программы Стратегической оборонной инициативы (СОИ) военные эксперты пришли к выводу, что любая система противоракетной обороны при отражении удара межконтинентальных баллистических ракет вряд ли будет эффективна, если такая ПРО не будет иметь в своем составе эшелон перехвата на активном (разгонном) участке траектории. То есть это объясняется тем, что на разгонном этапе межконтинентальные ракеты имеют относительно не большие скорости и хорошо прослеживаются, поэтому такие ракеты достаточно уязвимы [9].

Последние тенденции в отношениях России и НАТО говорят о том, что кардинальным образом ситуации по вопросам европейской безопасности не поменяется, так как на улучшение взаимодействия, тем более по стратегическим вопросам, надеяться не приходится: во-первых, Альянс продолжает использовать стратегию расширения собственного военно-политического пространства (на современном этапе не только в восточном, но и в южном направлении), во-вторых, происходит активная реализация системы ПРО США, в-третьих, остается открытым вопрос тактического ядерного оружия. В докладе Пентагона «Обзор противоракетной обороны» определена программа поэтапного строительства ПРО в Европе. Одним из основных мотивов данного документа является утверждение о том, что сокращение американского тактического ядерного оружия (ТЯО) в Европе возможно только при условии создания устойчивой системы противоракетной обороны, а это говорит о том, что вопрос ТЯО можно отнести к долгосрочной перспективе.

В контексте рассматриваемых проблем европейской безопасности, Россия заинтересована в построении такой системы военно-политической безопасности, которая смогла бы обеспечить эффективную оборону государства.

Рассматривая стратегические интересы России в построении эффективной системы европейской безопасности целесообразно придерживаться концепции, разработанной А.Ю.Маруевым. Согласно данной концепции на западном направлении России необходимо [10]:

- создание стабильной системы европейской безопасности путем участия в процессах ограничения и сокращения ВС, а также укрепления собственной военной безопасности на основе принципа «равной безопасности всех сторон»,
- активная деятельность России в общеевропейских политических и экономических институтах с перспективой заключения договора о евробезопасности,
- развитие отношений с Альянсом в рамках Совета Россия-НАТО, сотрудничество в области безопасности и борьбы с терроризмом с целью обеспечения предсказуемости и стабильности обстановки в европейском регионе.

Стоит добавить, что важным аспектом в вопросе создания равноправной системы европейской безопасности является создание собственной активной системы ПРО, а также интенсивное развитие и участие России в альтернативных интеграционных процессах в области безопасности на постсоветском пространстве (прежде всего, в рамках ОДКБ), а также в рамках Шанхайской Организации Сотрудничества (ШОС).

Ссылки на источники и литературу

- 1) Печуров С.Л. «Реорганизация с глобальным прицелом. Независимое военное обозрение», №34 (304), 2002 г.
- 2) «Хартия европейской безопасности», 1999 г. Стамбул: [Электронный ресурс] : http://www.ng.ru/world/1999-11-23/6_hartia.html
- 3) В.Кулагин, «Современная международная безопасность» //КНОРУС.-2012.-с.348.
- 4) «Declaration of the Heads of State and Government participating in the meeting of the North Atlantic Council» ("The Brussels Summit Declaration"). Brussels, 11 January 1994 г.
- 5) «Основополагающий акт о взаимных отношениях, сотрудничестве и безопасности между Организацией Североатлантического Договора и Российской Федерацией», 27 мая 1997 г.
- 6) «Отношения Россия-НАТО: Новое качество» [Электронный ресурс]:
http://www.nato.int/cps/ru/natolive/official_texts_19572.htm
- 7) «Отношения Россия-НАТО», [Электронный ресурс]:
www.nato.int/cps/ru/natolive/topics_50090.htm
- 8) А.Горшков, «Программа стратегической противоракетной обороны США». Независимое военное обозрение, № 38 (447), 2007 г.
- 9) Г.Корсаков, «Новейшие противоракетные технологии США». США и Канада, №2, 2011 г.
- 10) А.Маруев, «Когнитивно-векторная модель реализации геополитических интересов России. ИГ «Граница», М., 2010 г. с.34-36.

СТРАНЫ КАРИБСКОГО БАССЕЙНА ВО ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКЕ ЕС

Якубова Э.Р.*

Европа и государства Карибского региона связаны прочными историческими, экономическими и культурными узами. Поэтому уже на начальных этапах европейской интеграции появились первые торгово-экономические соглашения между участниками Европейского Экономического Сообщества и так называемой группой АКТ, объединившей молодые страны Африки, Карибского и Тихоокеанского регионов. Подписанные в 1960-е – 1970-е гг. документы были призваны сохранить «особые отношения» европейцев с их бывшими колониями и способствовать включению новообразованных государств в мировую хозяйственную систему. Сегодня страны АКТ – это в большинстве своем отсталые государства мира. Освободившись от колониальной зависимости во второй половине 20 века, они оказались прочно привязаны к экономике и финансам Европы, которая продолжает предоставлять им различные виды помощи через многочисленные институты.

Страны Карибского бассейна представляют собой небольшие островные государства, которые обрели политическую независимость относительно недавно и существенно различаются по уровню экономического развития. Интеграционные процессы в субрегионе начались во второй половине прошлого века: в 1965 г. была создана Ассоциация свободной торговли (CARIFTA), а в 1973 г. она

---

* Якубова Э. Р. – студентка магистратуры кафедры Теории и истории международных отношений. Научный руководитель – к.и.н., доц. кафедры ТИМО А.Ю.Борзова

была трансформирована в Общий рынок, ставший неотъемлемой частью созданного Карибского Сообщества (КАРИКОМа). [10]

Оформление отношений между Европейским Сообществом и странами Карибского бассейна было во многом продиктовано вступлением в западноевропейское интеграционное объединение Великобритании (1973 г.): которая, как бывшая метрополия, сохраняла с некоторыми членами КАРИКОМ особые отношения. Эти действия послужили продолжением политики Сообщества по расширению и укреплению связей с развивающимися странами, начало которой было положено в 1960-е гг., когда по инициативе Франции ЕЭС подписало ряд соглашений с государствами Африки (Яундские соглашения). В 1975 г. в городе Ломе (Того) состоялось подписание Конвенции, которая предусматривала сотрудничество ЕС с 46 странами Африки, Карибского бассейна и Тихоокеанского региона (АКТ). [4]

Основной целью Ломейской конвенции провозглашался экономический и социальный прогресс стран АКТ, достичь которого предполагалось через продвижение торгового сотрудничества между странами АКТ и Европейским Сообществом, а также путем стимулирования промышленного развития стран АКТ за счет более широкого сотрудничества с участниками Европейского Сообщества.[4]

Согласно данному документу, страны АКТ получали преференции в торговле с европейскими партнерами. В частности, экспортная продукция стран АКТ освобождается от таможенных пошлин, а Сообщество отказывается от каких-либо количественных ограничений в отношении импортируемой из этих стран продукции. [4] Члены Европейского Сообщества также обязались гарантировать развивающимся странам поддержание постоянных доходов от продажи продуктов, влияющих на их экономику и

периодически подвергающихся колебаниям цен и спроса (в числе таковых: какао и кофе, чай, кокосы, масла, бананы, хлопок, древесина, кожа, железные руды и др.)

Для реализации статей Ломейской конвенции были учреждены специальные совместные институты: Совет Министров (это высший орган власти), Комитет Послов и Консультативное Собрание. В октябре 1992 г. был создан политический орган, ответственный за проведение консультаций непосредственно с карибскими участниками группы АКТ – КАРИФОРУМ. Впоследствии задачами этого органа стали управление и координация политического диалога между карибскими государствами и ЕС, а также продвижение интеграционных процессов в Карибском регионе.

Первая Ломейская Конвенция (1975 г.) была подписана сроком на 5 лет, после чего неоднократно обновлялась, расширяя сферы взаимодействия. Так, в третьей Ломейской конвенции впервые была прямо выражена идея уважения прав человека, а четвертая отличалась тем, что обеспечивала странам АКТ свободный ввоз в ЕС (без требования встречных преференций) всех промышленных и большинства сельскохозяйственных товаров. Были введены в действие механизмы стабилизации доходов стран АКТ от экспорта продукции сельского хозяйства «Стабэкс» и система поддержания производства и экспорта продукции горнодобывающей промышленности «Сисмин» [1]; расширена финансовая помощь, предоставляемая Европейским фондом развития (ЕФР) и Европейским инвестиционным банком (ЕИБ). Особенностью «Ломе-IV» стало включение положения о сотрудничестве в культурной и социальной сферах. Кроме того, соблюдение реципиентами (странами АКТ) прав человека и демократических норм отныне является условием для оказания им финансовой поддержки, а нарушение

демократических прав и свобод человека может стать поводом для замораживания торговли и помощи со стороны ЕС.

Таким образом, за три десятилетия отношения ЕС и стран АКТ эволюционировали от торгово-финансовых связей до более широкого сотрудничества, которое вышло за рамки сугубо экономического взаимодействия. В конце 1990-х гг., в преддверии окончания срока действия Ломейской конвенции – IV, начался длительный переговорный процесс между участниками соглашения по поводу принятия нового документа, который в итоге был подписан 23 июля 2000 года в г. Котону (Бенин) и рассчитан на 20 лет.

В конце 1990-х годов, когда Евросоюз и их партнеры из стран «третьего мира» встали перед вопросом о дальнейшем развитии сотрудничества, обнаружился ряд противоречий, во многом связанных с общей либерализацией международной торговли, в частности, с деятельностью ВТО по созданию равных условий для всех стран-экспортеров. Нормы, предлагаемые Всемирной торговой организацией, наносят существенный ущерб развивающимся государствам, что диктует странам АКТ необходимость выступать общим фронтом за сохранение преференциального режима и торговых льгот, по крайней мере, для наименее развитых стран мира. Евросоюз, признавая важность торгово-экономических преференций для слабых стран АКТ, тем не менее отмечает неэффективность предоставляемых льгот (которые «способствовали росту «иждивенчества» развивающихся стран и ослабили многосторонние инициативы, одобренные в рамках ГАТТ/ВТО» [8]) и неоправданность дорогостоящих программ «Стабэкс» и «Сисмин» (которые «крайне мало содействовали стабилизации доходов стран АКТ от экспорта соответственно сельскохозяйственного и минерального сырья» [8]). В результате многочисленных встреч сторонам удалось найти компромиссные решения большинства спорных вопросов, что

нашло отражение в новом Соглашении о сотрудничестве между членами группы стран АКТ и ЕС от 2000 г. [9]

Новое соглашение о сотрудничестве отличается преемственностью по отношению к Ломейским конвенциям.

- Основные цели сотрудничества: содействовать экономическому, социальному и культурному развитию стран АКТ; способствовать сокращению (а в дальнейшем – искоренению) нищеты в этих странах; интегрировать развивающиеся экономики в мировую систему отношений, а также обеспечить политическую стабильность и безопасность как залог для экономического, социального и культурного развития АКТ. Здесь важно отметить появление акцента на политическое измерение, что ознаменовало собой новый этап в отношениях ЕС-АКТ.

- Основные принципы взаимодействия: равенство сторон, расширение формата сотрудничества за счет участия неправительственных образований (представители частного сектора, общественных организаций и т.д.), диалог как основная форма взаимодействия и взаимные обязанности сторон, дифференциация и регионализация (что означало сохранение режима привилегий и поощрений в отношении наименее развитых, островных и не имеющих выхода к морю государств). [9]

Прежними остались основные направления кооперации, круг которых несколько расширился: например, с целью постепенной адаптации стран АКТ к правилам ВТО, соглашение Котону предусматривает принятие мер по стандартизации и сертификации, введение санитарных и фитосанитарных норм. Структура управления также не претерпела существенных изменений: основные органы, обеспечивающие функционирование диалога ЕС-АКТ, это: - Совет министров, Комитет Послов, Объединенная парламентская Ассамблея. [9] Существенное отличие соглашения Котону от предыдущих базовых документов

заключается в присутствии здесь раздела, посвященного «политическому измерению» сотрудничества ЕС и стран АКТ, а именно:

- установление регулярного, открытого политического диалога, конечной целью которого является установление и поддержание мирной стабильной и демократичной политической атмосферы;

- признание прав и свобод человека важнейшим объектом политического взаимодействия сторон;

- большее вовлечение гражданского общества и частного сектора в процессы кооперации;

- активная миротворческая деятельность подписавшихся сторон (принятие превентивных мер, участие в разрешении конфликтов и предотвращении актов насилия, организация необходимых мероприятий в постконфликтный период и т.д.);

- сотрудничество в сфере миграционной политики (уважение прав мигрантов в соответствии с существующими нормами международного права, недопущение проявления дискриминации на основе каких бы то ни было признаков, совершенствование национального законодательства и т.д.) [9]

Как было отмечено выше, наиболее трудноразрешимыми стали вопросы торгово-финансовых отношений: о предоставлении преференций партнерам из числа стран АКТ и об оказании им финансовой поддержки. Участники Соглашения договорились действовать на основе гибкого индивидуального подхода к партнерству, который позволит защитить наименее развитые государства АКТ. Существовавшая ранее система торговых преференций отменяется, однако соглашение Котону предусматривает разработку двусторонних соглашений между ЕС и развивающимися странами, согласно которым заинтересованной стране будет гарантирована система отношений с ЕС, эквивалентная существовавшей ранее в

рамках Ломейских конвенций. Для облегчения процесса вступления других развивающихся стран АКТ в ВТО, Евросоюз пошел на продление действия преференциального режима торговли в течение «подготовительного периода» до 2008 года. [9]

Режим преференциальной торговли остается важнейшей составляющей сотрудничества ЕС с карибскими странами. Евросоюз – второй после США крупнейший импортер товаров из стран Карибского региона. В 2002 г. в рамках диалога ЕС – АКТ были открыты переговоры о возможности заключения Соглашения об экономическом партнерстве, направленного на адаптацию отношений ЕС - АКТ к нормам ВТО, которые требовали устранить существующий порядок односторонних торговых преференций до конца 2007 г. [3] В результате шестилетнего переговорного процесса страны Карибского бассейна стали первыми из группы АКТ, которые подписали с ЕС в октябре 2008 г. такое соглашение, получив право беспошлинного ввоза основных видов экспортной продукции (сахар, ром, бананы, текстиль и предметы одежды), что значительно облегчает положение этих государств в системе свободного рынка. С другой стороны, возникли и определенные обязательства, в частности, по сокращению таможенных тарифов для экспортируемых товаров из ЕС, что стало одним из камней преткновения в ходе переговоров. Соглашения об экономическом партнерстве, предложенные наименее развитым странам взамен прежнего торгово-экономического режима, вызвали осуждение со стороны правительств АКТ, а также ряда правозащитных организаций, которые обвиняли Брюссель в навязывании невыгодных условий. Например, высказывались опасения, что открытие рынков АКТ для европейской продукции негативно отразится на развитии торгово-экономических связей с третьими странами (Китаем, Бразилией и т.д.), а также сведет на нет прогресс в борьбе с

бедностью, так как вызовет резкий скачок цен на продовольственные товары. [3] Многочисленные заявления с критикой в адрес Европейского Союза внесли раскол в ряды стран АКТ: в результате, к 2008 г. СЭП подписала группа Карибских государств, которая была вынуждена выбирать между условиями нового соглашения и полным упразднением преференций в торговле с ключевым партнером. [2]

Увеличение срока действия нового документа с 5 до 20 лет стало своего рода уступкой ЕС в пользу партнеров, и согласно статье 95 соглашения Котону, каждые 5 лет будет происходить пересмотр и корректировка его положений. Такой пересмотр состоялся в 2005 и 2010 гг., однако существенных изменений в характер отношений ЕС и стран АКТ он не привнес, но способствовал адаптации Соглашения к современным условиям и новым угрозам и вызовам. Например, больше внимания уделяется вопросам региональной интеграции стран АКТ (как залог их более уверенного развития), вопросам безопасности и проблеме изменения климата. [6]

Соглашение Котону в совокупности с Положением Европейской Политики по Развитию (European Union Development Policy), рабочими документами Еврокомиссии и соответствующими Заключениями Совета составляет концептуально-правовую базу Региональной Стратегии ЕС и Региональной Индикативной Программы в отношении стран Карибского бассейна на 2007-2013 гг. Программа финансируется Европейским Фондом Развития (ЕФР), который выделил на ее реализацию 165 млн. евро (на шестилетний период). Всего же в рамках 10-го ЕФР (2008-2013 гг.) на нужды региона было потрачено около 737 млн. евро. Принимая во внимание проблемы политического развития стран региона, трудности вхождения их национальных хозяйств в мировую экономическую систему, а также уязвимость перед лицом стихийных бедствий, Евросоюз

сосредоточил основное внимание на укреплении интеграции и внутрирегиональной кооперации в КАРИКОМ, на что отводится до 90% ресурсов Фонда. [12] В сентябре этого года Еврокомиссар по Развитию озвучил планы будущего сотрудничества на 2014-2020 гг., объемы финансирования которого (11-ый ЕФР) могут достигнуть 1 млрд. евро. Направления взаимодействия остаются прежними, а основная часть Фонда (более 40%) пойдет на восстановление Гаити. [7]

Немаловажным компонентом взаимодействия Евросоюза и стран КАРИФОРУМа представляется участие ЕС в борьбе с природными катастрофами и катаклизмами, так характерными для Карибского бассейна. Помощь (гуманитарная и техническая) предусмотрена Соглашениями в рамках диалога «ЕС – АКТ», а также двусторонними документами по линии ЕС - КАРИФОРУМ (например, Альянс по борьбе с глобальным изменением климата, Стратегия сокращения рисков возникновения катаклизмов, Барбадосская Программа Действия по устойчивому развитию малых островных развивающихся государств). [12]

Значительную помощь странам Карибского бассейна, страдающим от ураганов, землетрясений, цунами и наводнений, оказывает Европейская Комиссия. Так, например, программа DIPECHO (Disaster Preparedness ECHO) предусматривает разработку и реализацию мер, направленных на улучшение подготовки населения и соответствующих служб к действиям в чрезвычайных ситуациях. Следует также отметить вклад Еврокомиссии в восстановление карибских стран после природных катастроф: с 1995 г. в этот регион была направлена гуманитарная помощь на сумму более 130 млн. евро (без учета средств, потраченных на восстановление Гаити). В 2011 г. бенефициаром европейской помощи стала Доминиканская Республика, где вспыхнула эпидемия холеры. Активное участие Евросоюза (гуманитарная и финансовая помощь, отправка специалистов и т.д.) было отмечено при

ликвидации последствий ураганов, обрушившихся на ряд стран Карибского бассейна в 2010-2012 гг. Например, после урагана Томас, 2010 г., когда пострадали Барбадос, Сен-Люсия, Сен-Винсент и Гренадин; после урагана Ирэна, 2011 г., где пострадали Багамы; после тропического шторма Офелия, 2011 г., когда была задета Доминика; после урагана Сэнди, 2012 г., причинившего ущерб Кубе, Ямайке, Доминиканской Республике и Багамским островам). [5]

После разрушительного землетрясения 12 января 2010 г. республика Гаити стала главным объектом гуманитарной помощи Европейского Союза, который выделил 540 млн. евро в качестве поддержки государственного бюджета страны, и на цели финансирования проектов по восстановлению дорожной инфраструктуры, сельского хозяйства, защиты прав человека, обеспечения продовольственной безопасности и т.д. Затем была запущена образовательная программа PARQE стоимостью в 38 млн. евро, в рамках которой было создано 17 центров поддержки образования, восстановлено 77 школ, открыт 81 учебный класс, подготовлено около 7 тысяч преподавателей и обучено не менее 120 тысяч детей. [5]

Наконец, следует отметить, что страны Карибского бассейна наряду с другими государствами Латинской Америки принимают участие в межрегиональных саммитах глав государств и правительств ЕС и Латино-Карибской Америки. Такие встречи на высшем уровне проводятся каждые два года, начиная с 1999 г., когда в Рио-де-Жанейро (Бразилия) высокие представители 48 государств подписали декларацию о стратегическом партнерстве. В промежутках между саммитами ЕС – ЛКА проходили встречи на министерском уровне, при этом в качестве европейского партнера выступала Группа Рио – политический форум, обеспечивавший консультации глав государств (ежегодно) и министров Латино-Карибской Америки (дважды в год) для согласования позиций по региональным проблемам. В результате слияния (в

2010 г.) Группы Рио и CALC (Саммита государств Латинской Америки и Карибского бассейна) был образован новый региональный механизм политического диалога и сотрудничества - СЕЛАК (CELAC -Community of Latin American and Caribbean States), который начиная с саммита 2013 г. в Сантьяго представляет Латино-Карибскую Америку на межрегиональных встречах с представителями ЕС. Повестка для таких саммитов значительно расширилась за прошедшие полтора десятилетия и сегодня охватывает политику, экономику и экологию, гуманитарную и социальную сферы. К числу приоритетных направлений межрегионального взаимодействия относятся проблемы региональной и мировой политики, торгово-экономические и финансовые отношения, миграционные процессы, социальное неравенство и бедность, глобальное изменение климата, борьба с распространением наркотиков.

Особое внимание приковано сегодня к сотрудничеству в сфере науки и высшего образования, развития информационных технологий. Такова общая канва европейско-латиноамериканского диалога, на основе которой вырабатывается план действий для отдельных субрегиональных объединений, в том числе Карибского, с учетом их специфики и нужд.

В заключение следует сделать ряд выводов относительно характера и особенностей взаимодействия Евросоюза со странами Карибского бассейна, история развития отношений которых насчитывает порядка 50 лет. За это время взаимодействие сторон эволюционировало от торгово-экономических связей до широкого сотрудничества по трем основным направлениям: это политический диалог, торгово-экономические вопросы, сотрудничество в гуманитарной и социальной областях. Наравне с другими интеграционными объединениями Латино-Карибской Америки, участники КАРИКОМ являются партнерами ЕС и

участвуют в межрегиональном диалоге на различных уровнях: в рамках саммитов ЕС-ЛКА (ЕС-СЕЛАК), саммитов ЕС-АКТ, саммитов ЕС-КАРИФОРУМ. При этом особенностью стран Карибского бассейна является то, что они сохраняют за собой право преференциального режима в сфере торговых отношений и остаются в числе крупнейших бенефициаров европейской гуманитарной помощи. Условия сотрудничества, предлагаемые Европейским Союзом, нередко вызывают нарекания со стороны карибских государств и их партнеров по группе АКТ. Тем не менее, перед лицом глобализации, которая обуславливает неизбежное вовлечение во всемирные хозяйственные связи, странам Карибского бассейна представляется целесообразным продолжать конструктивный диалог с европейцами и использовать с максимальной эффективностью предоставляемую ими помощь и продвигать совместные программы развития региона.

Ссылки на источники и литературу

[1] Громыко В.В., Окрут З.М. Конспект лекций по темам курса «Фундаментальные проблемы развития экономики ЕС», 2010 // http://xn----7sbabed5akf8bbm5ah4b2n.xn--p1ai/mejdunarodnyie-otnosheniya_866/1033-stranyi-afriki-karibskogo-tihookeanskogo-22780.html (дата обращения: 07.12.2013).

[2] Несколько стран АКТ подписывают СЭП с Брюсселем, а тем временем группа продолжает раскалываться / еженедельник «Мосты» № 41, 30 ноября 2007 г. // URL: <http://trade.ecoaccord.org/news/trade/2007/1105.htm> (дата обращения: 07.12.2013).

[3] Страны АКТ и ЕС обсуждают вопросы региональной интеграции, а также торговли сахаром и бананами / еженедельник «Мосты», №22, 22 июня 2008 г. //

URL: <http://trade.ecoaccord.org/news/trade/2008/0613.htm> (дата обращения: 07.12.2013).

[4] ACP-EEC Convention, Lome, 28 February 1975 / ACP Group of States official page [сайт] // URL: <http://www.acp.int/en/conventions/lome1.htm> (дата обращения: 01.03.2013).

[5] EU relations with the Caribbean. European Commission, Brussels, 18 September 2013 / European Commission official page [сайт] // URL: http://europa.eu/rapid/press-release_MEMO-13-798_en.htm (дата обращения: 07.12.2013).

[6] EuropAid. Overview of ACP-EC-Partnership Agreement // European Commission official page [сайт]. URL: http://ec.europa.eu/europeaid/where/acp/overview/cotonou-agreement/index_en.htm (дата обращения: 11.02.2013).

[7] EU to discuss future priorities for development cooperation with the Caribbean, Brussels, 18 September 2013 / European Commission official page [сайт]. URL: http://europa.eu/rapid/press-release_IP-13-839_en.htm

[8] «Financial Times», - 30.07.1998.

[9] Partnership Agreement between the Members of the African, Caribbean and Pacific Group of states of the one part, and the European Community and its member states, of the other part, Cotonou, 23 June 2000 / ACP Group of States official page [сайт] // URL: <http://www.acp.int/en/conventions/cotonou/accord1.htm> (дата обращения: 11.02.2011).

[10] The Caribbean Community / CARICOM Secretariat official page [сайт] // URL: http://www.caricom.org/jsp/community/community_index.jsp?menu=community (дата обращения: 31.03.2013).

[11] The EU's relations with Latin America and the Caribbean / European Union external action official page [сайт]. URL: http://www.eeas.europa.eu/lac/index_en.htm (дата обращения: 07.12.2013).

[12] The EU's relations with the Caribbean / European Union external action official page [сайт]. URL: http://www.eeas.europa.eu/caribbean/index_en.htm (дата обращения: 07.12.2013).

ПРОБЛЕМЫ БЕЗОПАСНОСТИ В ТРАНСАТЛАНТИЧЕСКОМ РЕГИОНЕ В НАЧАЛЕ 90-Х ГОДОВ XX ВЕКА

Р.Т. Зиннуров*

Безопасность в Европе, является одной из центральных тем мировой политики. В начале 90-х годов прошлого века, произошло крушение биполярной системы международных отношений. Тектонические сдвиги на международной арене подталкивали лидеров европейских держав к обсуждению будущей структуры европейской системы безопасности. Дискуссии того периода во многом определили нынешнюю ситуацию в сфере обороны в Европе.

Дебаты по поводу европейской системы безопасности начались в 1992 году, когда уже было понятно, что Европа встала на путь глубокой интеграции. Интерес к данной проблеме подогревал распад Советского блока и обилие вызовов, которые этот процесс породил. Соединенные Штаты Америки стремились принять активное участие в обсуждении вопросов европейской обороны и выработать некую “общую позицию” со своими европейскими партнерами. Особенно их интересовал механизм взаимодействия НАТО и гипотетической Европейской системы безопасности. США неоднократно заявляли, что проблема Европейской

---

* **Зиннуров Ренат Тарикович**- старший преподаватель кафедры Теории и истории международных отношений РУДН

безопасности должна быть решена Европейскими державами, однако, в тоже время, постоянно предлагали своё собственное видение данного вопроса.

США выступали за укрепление европейской части НАТО и воспринимали Западноевропейский союз, как наиболее вероятную основу общей Европейской безопасности. Это было обусловлено приходом к власти Билла Клинтона, который стремился снять бремя ответственности с американского бюджета за безопасность союзников по другую сторону Атлантического океана, дабы стабилизировать экономическую ситуацию в Соединенных Штатах Америки. В тоже время, они опасались, что дальнейшее развитие интеграционных процессов в Европе может привести к смещению рычагов влияния на ситуацию в сфере безопасности на территории Европы к Европейскому Союзу.(не понимаю, что тут можно еще пояснить, всё итак очевидно)

Соединенные Штаты не устраивала инициатива Франции и Германии, которую они выдвинули в 1991 году. Согласно их программе, Западноевропейский союз должен был бы управляться Европейским Советом, у которого не было официальных связей с НАТО. Больше всего в начале 90-х годов прошлого столетия США опасались конкуренции между европейскими структурами и НАТО в сфере безопасности европейского региона. Альтернативой данному подходу была предложенная Великобританией концепция. Её суть состояла в следующих положениях (которые, к слову, весьма импонировали США):

- блок НАТО должен оставаться основой безопасности для стран-членов;
- страны Европы должны сконцентрироваться на развитии своих возможностей действовать за пределами собственной территории совместно с американскими силами и самостоятельно.

Более того, США были против создания Еврокорпуса (совместное франко-германское соединение, созданное, по их словам, для укрепления “Атлантической солидарности”), так как это могло привести к уменьшению роли НАТО, дублированию функций Альянса или даже способствовать началу противостояния европейских структур безопасности и проамериканской части Альянса.[3, С.80]

Американская позиция по поводу Еврокорпуса раздражала Францию и создавала сильное напряжение в отношениях с Германией. США совместно с Великобританией пытались убедить Германию отказаться от проекта Еврокорпуса, однако не преуспели в этом. В свою очередь, немцы стремились убедить Соединенные Штаты Америки, что их опасения по поводу развития оборонной идентичности в странах Европы беспочвенны: Еврокорпус не ставит своей задачей оспаривание лидерства НАТО в вопросах безопасности Европы.

Ситуация начала меняться в 1992 году. Позиции США и ведущих европейских стран постепенно сближались. Основным стимулом для этого стали общие проблемы, вставшие перед союзниками из-за растущей нестабильности в Югославии и Российской Федерации. Сближение позиций завершилось подписанием соглашения о взаимодействии между НАТО и Еврокорпусом в январе 1993 года.

Боснийская война и неспособность стран Европы урегулировать конфликт на своей собственной территории, вынуждали США настаивать на использовании НАТО в качестве ядра Европейской обороны. Операция “Обдуманная сила” продемонстрировала колоссальное превосходство НАТО в военном плане над Евросоюзом. Это послужило весомым аргументом в пользу развития Западноевропейского союза в качестве подконтрольной НАТО организации.

Примечательно, что как раз в этот период происходит определенная трансформация во взглядах европейских лидеров на вопросы европейской оборонной идентичности.

Вплоть до событий в Югославии французский истеблишмент имел весьма проевропейское видение проблемы европейской оборонной идентичности. Оно базировалось на двух идеях:

- во-первых, многие французские специалисты и политики полагали, что США должны дистанцироваться от процессов, происходящих в Европе. Президент Франции Ф. Миттеран даже сделал предсказание, что США столкнутся с тяжелым финансовым кризисом[8] и из-за этого будут вынуждены сократить свою активность на международной арене. “Уход” США из Европы позволит европейским державам беспрепятственно организовать собственные структуры безопасности.

- во-вторых, французский лидер полагал, что крах Советского блока дал европейцам уникальную и чрезвычайно ценную возможность начать трансформацию Европейского “общего рынка” в политический союз с вытекающими из этого возможностями в сфере обороны и безопасности. Президент Миттеран считал, что сотрудничество в рамках Европейского союза в сфере обороны может быть выгодным для Франции. К слову, многие французы не были согласны с этим – были широко распространены “голлистские” взгляды, согласно которым Франция должна была заботиться о своей безопасности исключительно самостоятельно. В свою очередь, Миттеран регулярно пытался убедить оппонентов, что Франция способна обеспечить свою безопасность, только сотрудничая с другими европейскими государствами.

Боснийская война способствовала эволюции точки зрения французских властей на вопросы европейской обороны. Они осознали, что иногда их взгляды совпадают с мнением США, в тоже время по многим вопросам у них имеются серьезные расхождения во взглядах с европейскими коллегами.

Например, французы имели серьезные разногласия с Германией по поводу ситуации в Югославии. Официальный Париж призывал к выработке четких и прозрачных принципов прекращения конфликта с широким привлечением европейских структур. Президент Ф. Миттеран был противником силового варианта разрешения боснийского кризиса и отправки туда войск НАТО. В свою очередь Германия заняла явно антисербскую позицию и предоставила боснийским мусульманам и хорватам оружие и технику со складов армии ГДР. По мере расширения и углубления боснийского кризиса Франция перешла более проамериканские и пронатовские позиции и даже инициировала процесс сближения между Западноевропейским союзом и Альянсом.[2, С.76]

В дальнейшем, с приходом к власти Ж. Ширака, сотрудничество с Организацией Североатлантического договора лишь усилилось: Франция начала поддерживать идею трансатлантической системы безопасности. Идея создания европейскими странами собственной системы обороны рассматривалась только в качестве дополнения к структурам под эгидой США.

Тем временем, Великобритания убеждала своих европейских партнеров в том, что трансатлантическая система безопасности будет намного более стабильной и эффективной, нежели любая европейская оборонная организация (в первую очередь, имелся в виду Западноевропейский союз). Развитие европейских сил обороны, полагали британские лидеры, потребует намного больше ресурсов, нежели сотрудничество с Соединенными Штатами Америки в рамках НАТО. Такие воззрения, главным образом, объясняются тем, что в случае развития сотрудничества между НАТО и европейскими странами, Великобритания оставалась бы своеобразным “мостом” между США и Европой, что, очевидно, давало бы рычаги британским политикам для влияния на

трансатлантический диалог. Понятно, что развитие Европейских оборонных проектов не давало бы подобных возможностей Великобритании.

Между тем, события в Югославии и попытки европейских государств и организаций решить возникшие проблемы, привели к некоторым изменениям позиции британских политиков по вопросу о Европейской оборонной идентичности. Например, один из ведущих британских политиков того времени Дуглас Хёрд заявил, что США не обязаны участвовать в урегулировании каждой неприятной ситуации на европейском континенте: многие проблемы должны решаться европейцами самостоятельно.

Как и Франция, Великобритания продолжала воспринимать себя как мировую и региональную державу одновременно. Однако если Франция стремилась доказывать свой статус, участвуя во всевозможных миротворческих операциях по всему миру, Великобритания была более сдержанна. Британская политика в области безопасности заключалась в двух стратегических идеях: обеспечение безопасности территории Великобритании и выполнение обязательств перед Северо-Атлантическим Альянсом. Однако, согласно мнению Дугласа Хёрда, несмотря на заинтересованность Великобритании в создании “безопасного мира”, её участие в процессе построения такого мира должно быть ограниченным: “Мы должны говорить “нет” намного чаще, нежели “да”[6]. Объяснялось это, главным образом, экономическими мотивами – Великобритания стремилась сократить издержки, связанные с обеспечением обороны[1].

Основываясь на подобных воззрениях, формировалась британская политика в отношении проблемы безопасности на европейском континенте. Она состояла из нескольких ключевых положений:

- НАТО должна играть главную роль в сфере совместной обороны европейских государств;

- управление Европейскими оборонительными силами должно осуществляться через Западноевропейский союз, а не через структуры Европейского Союза.

- Западноевропейский союз должен стать площадкой для стран, которые не вступили в НАТО, а также координировать европейские подразделения, когда страны Европы пытаются справиться с тем или иным кризисом без участия Соединенных Штатов Америки.

У Германии было своё мнение касательно перспектив развития Европейских оборонных структур. Германия оказалась в достаточно сложной ситуации после Холодной войны: ей пришлось экстренно решать возникшие проблемы после объединения двух Германий[3, С.81].

Германия поддерживала идею использования НАТО в качестве основы трансатлантической системы безопасности. С одной стороны это объяснялось тем, что Германия нуждалась в сохранении мирной обстановки на европейском континенте (гарантом этого, с большей вероятностью, могла выступить НАТО). С другой стороны, Германия полагала, что после объединения сумеет значительно повысить свой политический статус в Альянсе.

Однако Германия также стремилась оставаться частью европейских структур, дабы развеять опасения некоторых европейских стран относительно возможного возрождения немецкого милитаризма. Чтобы добиться этого, Гельмут Коль, канцлер Германии, стремился улучшить отношения с Францией и продемонстрировать, что Германия никогда не будет угрозой для своих соседей. Поэтому она, в тоже время, поддерживала идею создания Европейским Союзом собственных оборонительных подразделений.

Подобная двойственная позиция Германии создавала целый ряд проблем. Например, контингент, который Германия выделила для Еврокорпуса, одновременно подчинялся НАТО. В случае участия этого подразделения в боевых действиях –

это могло бы привести к изрядной путанице. Стоит отметить, что эта проблема была решена в 1993 году, когда Еврокорпус перешел под руководство НАТО.

Почему Германия проводила такую политику? Основная причина этого – проблема участия немецких солдат в миссиях за границами стран Альянса. С одной стороны, немецкие власти поддерживали расширение зоны ответственности НАТО и Западноевропейского союза. С другой стороны, внутри Германии не было консенсуса относительно участия немецких военных в этом “расширении”.

Канцлер Германии и члены Христианско-Демократический союза пытались изменить Конституцию страны, чтобы позволить немецким войскам принимать участие в миссиях, организованных различными международными организациями (включая НАТО и ЗЕС), так как это значительно укрепило бы политическое положение Германии.

В то же время, Коль приучал немецкое общество к мысли, что Германия готова действовать, как мировая держава. Например, в 1991-1992 гг. немецкие врачи приняли участие в гуманитарной операции в Камбодже. В 1993-1994 гг. немецкие военные под эгидой ООН проводили операцию в Сомали. Стоит отметить, что эти операции продемонстрировали неготовность немецких подразделений к подобным “мероприятиям”. Сказывался недостаток в транспортных самолетах и кораблях, подготовка солдат оставляла желать лучшего[3, С.83].

Помимо этого, в Германии в тот момент только формировалась новая внешнеполитическая концепция. Выработывалось понимание национальных интересов и “возросшей ответственности” Германии. В итоге была сформулирована основная цель внешней политики объединенной Германии: она должна была принимать участие в решении глобальных проблем постбиполярного мира, наравне с ведущими мировыми державами. В соответствии с

этим был решен вопрос и с Конституцией – Бундестаг получил право разрешать немецким подразделениям участвовать в операциях за границами стран-членов НАТО.

В целом, европейские государства поделились на группы в зависимости от их отношения к проекту Европейской системы безопасности. Наиболее интересной была ситуация с Италией. С одной стороны, Италия поддерживала дальнейшее развитие европейской интеграции в рамках Европейского Союза (например, Италия совместно с Францией и Испанией обеспечивала безопасность в Средиземном море). С другой стороны, Италия поддерживала идею Великобритании о развитии Западноевропейского Союза в качестве одной из опор НАТО, так как итальянское руководство было уверено, что Европейские структуры, ведомые Францией и Германией, не будут учитывать интересы Италии.

Подобное разделение на два лагеря (с незначительными изменениями) в зависимости от политической ориентации повторялось и в последующие годы в ответ на значимые внешнеполитические инициативы Соединенных Штатов Америки. Это существенно тормозило развитие интеграции в рамках Европейского Союза.

Таким образом, европейским странам в начале 90-х годов не удалось выработать единый подход к вопросу безопасности в регионе. Это привело к тому, что США, используя несогласованность европейских партнеров и их неудачи в урегулировании конфликтов на европейском континенте, навязали НАТО в качестве основы европейской и трансатлантической безопасности. С одной стороны, это тормозило развитие военно-политической опоры Евросоюза, а с другой стороны, позволило странам Европы сконцентрироваться на развитии единой экономической системы. Однако подчиненная роль Европы в вопросах безопасности привела к нарастанию тенденций к односторонности в американской внешней политике, апогеем

которой стал откровенный диктат со стороны США в начале 2000-х годов.

Литература и источники

1. Громыко А. Внешняя политика Великобритании: от империи к “осевой державе”.
2. Обичкина Е. Франция на рубеже XX-XXI веков: кризис идентичности. М.:МГИМО, 2003. – 137 с.
3. Троицкий М. Трансатлантический союз. 1991-2004. Трансформация системы американо-европейского партнерства после распада биполярности. М.: НОФМО, 2004. – 252 с.
4. Хухлындина Л.М. ЕС, ЗЕС, НАТО и проблемы европейской безопасности// Белорусский журнал международного права и международных отношений, 1999 № 1
5. Alcaro R. European security and the future of Transatlantic relations, IAI papers, 2011
6. Dean J. Evaluating the Post-Cold War Policy of the United States, 1999
7. Douglas Hurd's speech to the Royal institute of International Affairs (Chatham House) on January 27, 1993
8. DouglasHurd's speech«The Role of NATO in the Post Cold War World», to the Carlton Club Political Committee, June 30, 1993
9. France, Germany Unveil Corps as Step Toward European Defense, Washington Post,May 23, 1992
10. Rummel R. Reform of Transatlantic Security Relations: a view from Bonn, 1993
11. Petersberg Declaration, June 19, 1992
URL: <http://www.bits.de/NRANEU/docs/petersberg92.pdf>
12. Transatlantic declaration, 1990.
URL: http://eeas.europa.eu/us/docs/trans_declaration_90_en.pdf
13. NATO's Declaration on Peace and Cooperation (The Rome declaration)

URL: http://www.nato.int/cps/en/natolive/official_texts_23846.htm?selectedLocale=en

ПОСРЕДНИЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА ПО УРЕГУЛИРОВАНИЮ КОНФЛИКТОВ НА ЮЖНОМ КАВКАЗЕ

Шабельникова О.В.*

Необходимость разрешения затянувшихся конфликтов, особенно в Абхазии, Южной Осетии и Нагорном Карабахе высказывалась Европейским союзом еще в начале 90-х гг., но лишь в 2001 г. ЕС официально выразил свою заинтересованность подключиться к процессам политического урегулирования конфликтов на Южном Кавказе [15]. Для усиления своего политического влияния на предотвращение и разрешение региональных конфликтов, Европейский парламент в январе 2002 г [13]. предложил создать пост Специального представителя ЕС на Южном Кавказе. Сразу же после принятия на саммите в Салониках 20 июня 2003 г. документа Хавьера Соланы - «Безопасная Европа в лучшем мире» [16], вошедшего в основу Европейской стратегии безопасности [8] (12 декабря 2003 г.), было окончательно принято решение создать пост Специального представителя ЕС на Южном Кавказе. 7 июля 2003 г. на заседании Европейского совета было решено назначить бывшего посла Финляндии в Москве Хейки Талвитие первым Специальным представителем ЕС на Южном Кавказе, который должен был стать для трех государств Южного Кавказа «представителем всего ЕС в одном лице» [11]. В соответствии с принятым

---

* **О.В. Шабельникова** - аспирантка кафедры теории и истории международных отношений РУДН. Научный руководитель – к.и.н., доцент кафедры Савичева Е.М.

решением, должность Специального представителя призвана способствовать реализации политических целей ЕС на Южном Кавказе, в числе которых:

- помощь Азербайджану, Армении и Грузии в проведении политических и экономических реформ;
- предотвращение и помощь в разрешении существующих конфликтов;
- содействие процессу возвращения беженцев и вынужденных переселенцев;
- поддержка внутрирегионального сотрудничества;
- повышение последовательности и эффективности политики ЕС на Южном Кавказе [11].

Однако, несмотря на заявленные цели, деятельность Специального представителя была весьма ограничена. По мнению ряда экспертов [9. - С. 4; 10. - С. 167], Специальный представитель ЕС на Южном Кавказе не способен гарантировать урегулирование региональных конфликтов ввиду отсутствия реальных рычагов давления на ключевых игроков. К тому же, после назначения 20 февраля 2006 г. шведского дипломата Петера Семнеби новым Специальным представителем ЕС на Южном Кавказе, Брюссель окончательно отказался от идеи политического вмешательства в разрешении региональных конфликтов, то есть отказался быть ответственным за решение конфликтов. Вместо этого, основной задачей Европейского союза в сфере конфликтного урегулирования стало «оказание содействия» [14. - С. 71] переговорному процессу и постконфликтному восстановлению. По мнению Петера Семнеби, «Европейскому союзу необходимо более активно присутствовать в переговорном процессе. К тому же, Брюссель может использовать свой политический и финансовый вес, чтобы облегчить процесс примирения, согласовать усилия с основными партнерами (в том числе и с Россией) и

инициировать планирование своей возможной роли в урегулировании конфликтов» [7].

Примечательно, что миссия Специального представителя ЕС на Южном Кавказе на период 2003-2008 гг. заключалась главным образом в поддержке переговорного процесса между конфликтующими сторонами и в содействии деятельности ОБСЕ на Южном Кавказе [4. - С. 46]. Но после «Кавказской войны» (8-12 августа 2008 г.) роль Европейского союза в процессе урегулирования региональных конфликтов резко возросла. ЕС, в отличие от России и США, смог сохранить имидж непредвзятого посредника в урегулировании конфликтов на Южном Кавказе. К тому же, благодаря председательствовавшей на тот момент в Совете ЕС Франции ЕС сумел оказать содействие переговорному процессу между участниками августовского конфликта 2008 г. Так, согласно «плану Медведева - Саркози» [5] от 12 августа 2008 г. необходимо: 1. не прибегать к использованию силы; 2. окончательно прекратить все военные действия; 3. обеспечить свободный доступ для гуманитарной помощи; 4. вернуть вооруженные силы Грузии в места их постоянной дислокации; 5. вывести вооруженные силы РФ на линию, предшествующую началу боевых действий; 6. начать международное обсуждение вопросов, касающихся будущего статуса Южной Осетии и Абхазии и путей обеспечения их прочной безопасности.

Принятый план предусматривал также, что с 1 октября 2008 г. российские воинские подразделения, располагающиеся в так называемых буферных зонах, прилегающих к Южной Осетии и Абхазии, должны были быть заменены Миссией из 200 наблюдателей Европейского союза (МНЕС). Стоит отметить, что при прямом посредничестве Президента Франции Николя Саркози, 15 октября 2008 г. в Женеве были запущены механизмы международного обсуждения вопросов будущих статусов Южной Осетии и Абхазии и обеспечения стабильности и безопасности в регионе Южного Кавказа.

Для координации постконфликтного урегулирования, наряду с уже существующим постом Специального представителя ЕС на Южном Кавказе, Советом ЕС был введен пост Специального представителя ЕС в Грузии [12]. По мнению Ирины Болговой, «стремление к усилению «заметности» своего присутствия приводит Европейский союз к принятию некоторых утрированных мер. Так, создание поста Специального представителя ЕС в Грузии не способствует достижению прозрачности и ясности дипломатического инструментария ЕС на Южном Кавказе, тем более если обратить внимание на тот факт, что новый пост занял французский дипломат Пьер Морель, являющийся одновременно и Специальным представителем ЕС в Центральной Азии» [2. - С. 395].

В отличие от активной посреднической деятельности в Грузии по конфликтному урегулированию, Европейский союз не может похвастаться тем же в отношении нагорно-карабахского конфликта. Конфликт, начавший в 1988 г. между Азербайджаном и Арменией из-за Нагорного Карабаха привел к оккупации более 20% азербайджанской территории и одному миллиону беженцев и вынужденных переселенцев. Сложность ситуации требовала международного вмешательства. Так, 24 марта 1992 г. на встрече Совета Министров иностранных дел СБСЕ (Совета по безопасности и сотрудничеству в Европе) было принято решение о созыве мирной конференции СБСЕ, целью которой ставилось добиться прекращения огня и начать переговоры об урегулировании нагорно-карабахского конфликта. Было решено, что на конференции, которая будет созвана в Минске, примут участие представители США, России, Турции, Франции, Германии, Италии, Чехии, Словакии, Швеции, Азербайджана и Армении [3. - С. 884]. Но лишь после подписания 12 мая 1994 г. соглашения о прекращении огня, начали проводиться регулярные переговоры в рамках Минской группы СБСЕ (с 1995 г. ОБСЕ).

С 1997 г. урегулированием армяно-азербайджанского нагорно-карабахского конфликта занимаются три сопредседателя Минской группы ОБСЕ из России, Франции и США. Однако, несмотря на регулярно проводимые встречи в рамках Минской группы ОБСЕ, разрешение конфликта все еще не найдено.

Начиная с 90-х гг. XX в. Европейский союз неоднократно высказывался о необходимости мирного урегулирования конфликта в Нагорном Карабахе в рамках Минской группы ОБСЕ. Но лишь после августовские события 2008 г., показавших насколько «хрупок» мир на Южном Кавказе, Европейский союз решил активизировать свое содействие по разрешению нагорно-карабахского конфликта. По словам Петера Семнеби, «Брюссель готов внести свой вклад в укрепление доверия и поддержать переговоры в рамках Минской группы. Политику ЕС в отношении Абхазии и Южной Осетии можно было бы частично использовать для урегулирования ситуации в Нагорном Карабахе, но полное отсутствие доверия между сторонами до сих пор не давало возможности осуществить системное взаимодействие. К тому же, Европейский союз мог бы также помимо мягких мер по укреплению доверия внести практический и политический вклад в работу Минской группы ОБСЕ. В частности, необходимо упрочить договоренности о прекращении огня» [7].

Другим свидетельством того, что Европейский союз готов из пассивного наблюдателя превратиться в более активного посредника урегулирования нагорно-карабахского конфликта, стало принятие Европейским парламентом 20 мая 2010 г. резолюции «Необходимость стратегии ЕС на Южном Кавказе» [17], в которой говорилось, что «замороженные» конфликты на Южном Кавказе, особенно в Нагорном Карабахе препятствуют экономическому и социальному развитию региона Южного Кавказа и угрожают безопасности даже за его пределами. Поэтому Европейскому союзу необходимо более

активно оказывать содействие разрешению региональных конфликтов. К тому же, появление программы «Восточное Партнерство» и вступление в силу Лиссабонского договора (1 декабря 2009 г.) предоставляют Европейскому союзу хорошую возможность для выработки стратегии по Южному Кавказу. В Европейском парламенте полагают, что выявление общих интересов, особенно экономических будет способствовать началу конструктивного диалога в регионе.

Что же касается нагорно-карабахского конфликта, то в принятой резолюции, Европейский союз выразил твердую поддержку принципу территориальной целостности государств Южного Кавказа, а это означает, что ЕС признает нерушимость государственных границ Азербайджана. К тому же, Европейский союз не заинтересован в сохранении нынешнего статуса-кво (status quo) в нагорно-карабахском конфликте, сложившегося «насильственным образом и без международной легитимизации» и который не только неприемлем, но и несет в себе риск дальнейшей эскалации напряженности и возобновления военных действий. Важным пунктом резолюции стал пункт номер 8, в котором, Европейский парламент призвал «к выводу армянских войск с оккупированных территорий Азербайджана» и подчеркнул необходимость возвращения сотен тысяч беженцев и вынужденных переселенцев в свои дома [17].

Таким образом, принятие данной резолюции означало, что Европейский союз, обеспокоенный отсутствием решения по нагорно-карабахскому конфликту готов внести свой вклад в его разрешение посредством развития культуры диалога и взаимопонимания в регионе.

Однако, несмотря на принятую резолюцию и на неоднократные заявления [6] представителей ЕС, выражающие намерение содействовать скорейшему урегулированию нагорно-карабахского конфликта, Европейский союз до сих пор не предпринял активных действий. По сути, ЕС

предпочитает не вмешиваться в дела Минской группы, а это означает примирение с малоэффективным переговорным процессом в рамках ОБСЕ и сохранение статуса-кво в нагорно-карабахском процессе. К тому же, власти Азербайджана не раз обвиняли Европейский Союз в применении двойных стандартов по отношению к конфликтным ситуациям. Так, «угрожая» одним странам приостановить сотрудничество, речь идет об Израиле, оккупировавшем палестинские поселения [1], ЕС не применяет метод «угрозы» к другим странам, к примеру Армении, оккупировавшей азербайджанские территории. Разная степень вовлеченности ЕС в международные конфликты и отсутствие четкого механизма их урегулирования мешают Европейскому союзу выработать единую позицию по нагорно-карабахскому конфликту.

Литература

1. Абдуллаев Р. Двойные стандарты Европы - потенциальная угроза интересам ЕС на Южного Кавказа. 09.06.2014. - <http://www.1news.az/politics/20140609024019862.html>
2. Болгова И. Восточное партнерство: Европейский Союз в поисках новой внешнеполитической идентичности // Европейский Союз в XXI веке: время испытаний/ Под ред. О.Ю. Потемкиной (отв. ред.), Н.Ю. Кавешникова, Н.Б. Кондратьевой. - М.: Весь мир, 2012.
3. Гасанов А. Современные международные отношения и внешняя политика Азербайджана. — Баку.: «Şərq-Qərb», 2007.
4. Гусейнов Ф. Азербайджан в геополитической стратегии Европейского Союза // Кавказ и глобализация. Журнал социально-политических и экономических

исследований. Институт стратегических исследований Кавказа. Т.4. Выпуск 3-4. Швеция.: SA&CC Press, 2010.

5. Заявление для прессы и ответы на вопросы журналистов по итогам переговоров с Президентом Франции Николя Саркози. 12.08.2008. Москва. Кремль. - http://www.kremlin.ru/appears/2008/08/12/2004_type63374type63377type63380type82634_205199.shtml

6. Оруджев Р. Посол ЕС о Нагорном Карабахе. 22.05.2014. - <http://www.zerkalo.az/2014/posol-es-o-nagornom-karabahe/>

7. Семнеби П. Южный Кавказ в поисках идентичности. 22.10.2011. - <http://www.globalaffairs.ru/number/Yuzhnyi-Kavkaz-v-poiskakh-obschei-identichnosti-15363>

8. Совет ЕС. Европейская стратегия безопасности. Безопасная Европа в лучшем мире. - http://www.consilium.europa.eu/uedocs/cms_data/librairie/PDF/QC7809568RUC.pdf

9. Coppieters B. EU policy on the South Caucasus. - <http://www.europarl.europa.eu/meetdocs/committees/afet/20040120/wider%20europe%20caucasus.pdf>

10. Corvaisier-Drouart B., Fontanel J. L'importance des relations économiques, politiques et sociales de l'Azerbaïdjan avec l'Union Européenne / Azerbaïdjan - un pays aux ambitions européennes / Sous la direction de Zeynalov F. et Fontanel J. Paris.: L'Harmattan, 2011.

11. Council Joint Action 2003/496/CFSP of 7 July 2003 concerning the appointment of the EU Special Representative for the South Caucasus. OJ, L 169/74, 08.07.2003.

12. European Council Joint Action of 25 September 2008 appointing the European Union Special Representative for the crisis in Georgia, 2008/760/CFSP. - <http://eur-lex.europa.eu/LexUriServ/LexUriServ.do?uri=OJ:L:2008:259:0016:0018:EN:PDF>

13. European Parliament resolution on the communication from the Commission to the Council and the European Parliament on the European Union's relations with the South Caucasus, under the partnership and cooperation agreements (COM (1999) 272 - C5-0116/1999 - 1999/2119 (COS)), Brussels, 28.01.2002.

14. Lussac S. Géopolitique du Caucase. Au carrefour énergétique de l'Europe de l'Ouest. Paris.: Technip, 2010.

15. Patten C., Lindhh A. Resolving a frozen conflict // Financial Times. 20.02.2001.

16. Solana J. L'Europe sûre dans un monde meilleur. Conseil Européen de Thessalonique, 20 juin 2003. - http://www.consilium.europa.eu/uedocs/cms_data/docs/pressdata/FR/reports/76256.pdf

17. Résolution du Parlement Européen du 20 mai 2010 sur la nécessité d'une stratégie de l'Union Européenne en faveur du Caucase du Sud. (2009/2216 (INI)). URL: <http://www.europarl.europa.eu/sides/getDoc.do?pubRef=-//EP//TEXT+TA+P7-TA-2010-0193+0+DOC+XML+V0//FR>

OSNIA AND HERZEGOVINA ENERGY SECURITY AND RESOURCES

Indiana Pejic

Energy is irreplaceable need of economy and citizens of any country. It represents the generator of development in technological, scientific, educational and economic sense.

Indiana Pejic 6th course Master Student of the Chair of Theory and History of International Relations of PFUR (phone:+7903 013 4136, e-mail: indiana.pejic@mail.ru). Научный руководитель Бокерия С.А.

The energy sector in Bosnia and Herzegovina is organized on two lines (the Federation of Bosnia and Herzegovina and Republic of Srpska). These two entities are key players coordinated at the state-wide level by the Ministry of Foreign Trade and Economic Relations (MOFTER). Bosnia and Herzegovina has quite strong position in terms of energy availability and electricity production.. Deputy head of "Gazprom" Alexander Medvedev and the President of the Republic of Srpska Milorad Dodik signed a road map for the implementation of energy projects in the state of education in the framework of the project "South Stream", The signing of the roadmap involves an intergovernmental agreement between Russia and Bosnia and Herzegovina on cooperation in the construction and operation of the branch pipeline of gas and electric power generation. In the soon future, it is expected that these two parties will discuss the conditions of supply of natural gas in the Republic of Srpska, as well as the features of the construction and commissioning of the gas pipeline branch. Russian and Chinese partners are ready to invest in the local energy at the rate of one billion euros, that means that China also has got interest in energy resources of Bosnia and Herzegovina.

The role of energy sector is to support growth and development of economy in Bosnia and Herzegovina taking into account environmental protection. Bosnia and Herzegovina ratified the Energy Charter Treaty and the Protocol on Energy Efficiency and Related Environmental Aspects (PEEREA) in 2001. By ratifying the Protocol, countries commit themselves to formulate and implement policies for improving energy efficiency and reducing the negative environmental impact of the energy cycle. The guiding principle of the PEEREA is that contracting parties shall cooperate and, as appropriate, assist each other in developing and implementing energy efficiency policies, laws and regulations [4, p. 3].

Own Energy reserves and potentials

Balkans is the region quite rich in energy reserves, resources and potential. The importance of energy security, highlighted by the continued utilization of old energy sources and exploration for new ones, is a topic of great significance for this territory. Bosnia and Herzegovina has natural resources for generation and supply of energy. It imports gas, oil and petroleum products, as in untreated, so and in processed form. Natural gas arrives from Russian Federation through Ukraine, Hungary and Serbia. Coal industry is an important part energy sector and economy Bosnia and Herzegovina. It covers about half primary energy supply of the country.

The most important natural resources that are nowadays in use for energy production and supply are coal and biomass. Other possible renewable sources energy in Bosnia and Herzegovina include:

- small hydropower,
- geological reserves of crude oil,
- geothermal sources,
- wind energy,
- solar energy.

Although Bosnia and Herzegovina has an abundance of energy resources, its policies and strategies have not been sufficient for the long-term planning of energy use.

In fact, despite its energy potential, Bosnia and Herzegovina is far behind its neighbors when it comes to the development of the institutions and strategies in this area. [4, p. 24].

Bosnia and Herzegovina has abundant resources of two traditional energy sources: coal and water. Bosnia and Herzegovina has a large availability of coal and hydropower and therefore only a modest primary energy deficit of 26%. [11, p. 2-3]. Hydropower has great possibility for further development, as only one-third of its potential has been utilized. When it comes to the European countries, Bosnia is in the 8th place with its hydro-potential. However, at present small power plants are mostly being

built and used. Foreign companies are however looking into utilizing the water wealth of Bosnia for power generation. The prime example here is Canada's Reservoir Capital Corporation, which in October 2010 inquired with the Republic of Srpska entity government to build three power plants there [6, p. 17].

Imported Sources of Energy

Despite the presence of untapped energy resources in the country, Bosnia and Herzegovina is quite dependent on imported energy sources, particularly gas and oil. Gas is imported by Bosnia from Russia, through Ukraine, Hungary and Serbia. It is widely used in the cities, but it is also limited to those areas, while outside of them there is no infrastructure for gas supply. Although the country's gas infrastructure is not broadly developed, its dependency on imported energy was devastating for urban populations during the 2009 gas crisis.

At that time, Russia halted its gas export to Europe due to a dispute with Ukraine: Bosnia and Herzegovina was the only country in Europe which was left without gas reserves.. The reserves were borrowed from Hungary, Germany and Serbia, and alternative energy sources were used. For transporting the gas, BH Gas with Hungarian (Mol) and Serbian (Srbija Gas) counterparts signed an agreement, that will bring further development of the gas transport infrastructure. However, the overall chronically non-cooperative political situation in the country means that projects of this scale are not being done between both entities, and are thus limited to entity-level projects, connecting the Federation with Croatia and Republika Srpska with Serbia.

Bosnia's dependency on oil imports means that it is completely vulnerable to international energy fluctuation scenarios. Oil is imported from Croatia, Serbia, Montenegro and Hungary.

Regional Solutions to Energy Security Problems

The landmark 2005 Energy Community treaty was signed in 2005 between the EU and nine Southeastern European countries (including Bosnia and Herzegovina) - an act that indicated the

political commitment of the member countries and the donors. The treaty created the Energy Community of South East Europe (ECSEE), proposing the regional energy market and common policies for gas and electricity, which would be in line with the EU standards and in accordance with EU's Internal Energy Market. The ECSEE aims to equalize the energy supply and demand in the region and it also allows countries to borrow funds for the improvements in the energy sector, according to a report from the World Bank. Mining and hydropower infrastructure improvement projects are envisioned. This is the first time in history that all of these states and territories have signed a legally binding treaty and is a milestone in reconciliation after the wars of the 1990s. The Energy Community Treaty is consciously modelled on the European Steel and Coal Community that was the genesis for the European Union. [10, p. 1].

Bosnia and Herzegovina has various potential energy sources which need to be explored and utilized in order to avoid the dependency problem being perpetuated. More concentrated use of hydropower would be advantageous. Also, the energy potential of Bosnia and Herzegovina for development of renewable energy sources, including wind, solar, biomass and geothermal energy is the largest in the region, which might bring the country a position of economy leader in the region. [7, p. 14]. Although making use of new and renewable sources of energy is costly, it is advisable that these are considered as a long-term investment with profitable returns.

Planned construction of new generation capacities in Bosnia and Herzegovina

In the framework of the program *New Energetics in Europe* which is directed on expansion of the renewable sources energy use, Bosnia and Herzegovina can increase level investment in new and the most effective technology. In country there are experts with technical and engineering skills in area energy. [1, p. 41]

In accordance with future development plans, plans are to support generation from renewable and effective cogeneration that are not presently in place in Bosnia (wind energy, solar energy, biomass, etc.). Presently, the security of electricity supply is not an issue in Bosnia and Herzegovina because of available surplus in generation. But, on the other hand it is urgently needed to explore alternative sources as well as options for natural gas supply. Bosnia and Herzegovina is yet to establish its oil stocks. In addition, legislative framework must be strengthened through the adoption of the energy law at state level as well as the Energy Sector Development Strategy of Bosnia and Herzegovina. In institutional terms, Bosnia and Herzegovina is yet to establish a technical body - agency, institute and directorate – tasked with providing expert support services to the energy sector. [9, p. 8]

Energy security is, at the same time, an area where intra-state and regional cooperation is a must. As discussed above, Bosnia and Herzegovina has committed itself to supporting regional cooperation initiatives that seek to improve energy supply and security in the region.

On June 26, 2012 the Government Republic of Srpska in Bosnia and Herzegovina granted the South Stream national project status and announced its implementation as a strategic goal. The gas pipeline will bring gas to all the cities and municipalities in the Republic of Srpska. The South Stream gas pipeline project is aimed to increase the export of natural gas to Europe and to ensure a reliable supply. The offshore section of the pipeline, about 900 km, will run under the Black Sea from Russia to Bulgaria. the maximum depth – over two kilometers. The first gas supplies are scheduled for late 2015. The onshore section in Europe will be 1,455 kilometers long. [3, p. 2] The onshore section provides an opportunity for countries in Central and Southern Europe. This will make economical and political situation of Bosnia and Herzegovina will be highly improved. It will make more jobs created during construction and operation, direct investment in the

Republic of Srpska, and income will increase from gas transporting.

President of Republic of Srpska said that the contract also entails building gas power plants, with potentially enough generating capacity to make Republic of Srpska one of the most important power producers in the region. He added that the South Stream is a significant project which would solve the issue of energy sustainability for the whole region, so we can conclude that this contract he signed could be a key investment for the future development of this entity in Bosnia and Herzegovina. If this project is implemented it would represent a success for the political leadership of the Republic of Srpska entity, so it is important that representatives of the other entity - Federation of Bosnia and Herzegovina become more proactive in achieving cooperation with Gazprom and other companies in this sector. The Government of the Republic of Srpska within Bosnia and Herzegovina declared the South Stream as a national project and announced its implementation as the strategic goal. [2]

Development of the energy sector in Bosnia and Herzegovina is considered in terms of gradual market opening, introducing competition and setting energy prices to the economically sustainable level. Economic possibilities of Republic of Srpska and its citizens are also considered, because this has primary impact on possibilities of energy sector development.

The „ South Stream Project” between Russia and Bosnia and Herzegovina involves the construction of gas pipeline that will allow for the gasification of all cities and municipalities of Republic of Srpska. Since 2008, the "Zarubezhneft" has invested in the repair and reconstruction of refineries, "Brod" about 100 million euros. Projects in Balkan region are developing fast. These are the reconstruction of Brod refinery, «Modrica» oil refinery (motor lube plant), and «Petrol» fuel stations network in Bosnia and Herzegovina.„Zarubezhneft” In 2011-2015, plan jointly with VEB (“Vnesheconombank”), to invest over EUR 700 million in

reconstruction, modernization and construction of these facilities. For now, all the plans intended are fulfilled by „Zarubezhneft”.[8]

The lack of commitment on the part of Bosnian authorities to create long-term sustainable energy security strategies has been somewhat corrected by the EU initiative for regional cooperation in the energy market, policies and regulations. Cooperation with the states in the region is necessary for utilizing new sources of energy and stability in transport and supplies.

The institutions, policies and strategies of Bosnia and Herzegovina government in the area of energy security are weak and inefficient, however, critics argue. Greater cooperation within the state, at all levels, would be required in order for the country to achieve a measure of energy security. It is well understood that there is a need to work on common projects rather than to divide the cumulative energy potential according to the limited interests of the entities and their ruling politicians. [5, p. 3]

As has been noted, the energy sector in Bosnia has great potential. Yet in addition to the regulatory and legal framework, Bosnia and Herzegovina must work on further developing its existing renewable energy sources. This is especially the case with hydropower. New investments could conceivably be made in wind and solar power plants as well. All of these have long-term profitability if steps are taken to guarantee political cooperation and stability. Since the need for imported energy remains high, taking measures to avoid vulnerability and problems with shortages of supply – partly, through monitoring oil and gas strategic reserves – would be a wise course for Bosnia’s leadership throughout coming years and beyond. The energy sector development will bring to technological development, strengthening of domestic companies, investment increase and competitiveness increase in economy of Republic of Srpska and Bosnia and Herzegovina.

End-Notes:

- [1] European Economic Commission UN, Interest of investors and requirements in capacity building, New York and Zheneva, 2009.
- [2] Gas market news, Republic of Srpska declares the South Stream as an object of national importance and strategic goal, Gazprom export, 26. June 2012.
- [3] Gazprom Information Directorate, South Stream construction starts in Bulgaria, OAO Gazprom, 31. October, 2013.
- [4] In-Depth Review of Energy Efficiency Policies and Programmes: Bosnia and Herzegovina; Energy Charter Secretariat 2012. Brussels, Belgium.
- [5] Lana Pashich, Sources of Energy in Bosnia and Herzegovina, and Implications for Energy Security, *Balkananalysis.com publication, 09. May, 2011.*
- [6] Newspapers Glas Srpske, 13. March, 2013.
- [7] Newspapers *Glas Srpske*, 23. Sept., 2013.
- [8] Nikolay Brunich-General director of Zarubezhneft, interview: “Our investments shall be doubled this year”, „Oil and Capital” Magazine, № 7, July, 2011.
- [9] OSCE 2010 Report on Security of Energy Supply in Bosnia and Herzegovina; OSCE Special expert meeting on assessing the OSCE’s future contribution to international energy security co-operation, Vilnius, 13-14 September, 2010.
- [10] The EU and South East Europe sign a historic treaty to boost energy integration; Brussels, 25. October, 2005.
- [11] UN Economic Commission for Europe, Seminar on Policy Reforms to Promote Energy Efficiency and Renewable Energy Investments in Bosnia and Herzegovina, Geneva, October 7. August, 2009.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие.....	3
ДВОРЯДКИНА А.А. <i>Цели, принципы и эволюция интеграционной политики Германии в условиях кризиса Евросоюза.....</i>	5
КАБАСАКАЛОВА М.Г. <i>Роль США в европейской системе безопасности.....</i>	20
ЛОШКАРЁВ И.Д. <i>Восточноевропейские диаспоры США и Украинский кризис 2014 г.....</i>	34
МАМОНОВ А.А. <i>Проблема международного терроризма в контексте обеспечения безопасности ЕС.....</i>	47
ПРОКУДИНА А.С. <i>К вопросу о подписании Великобританией Маастрихтского договора.....</i>	64
ПУНАВИА И. <i>Европейское партнерство с Албанией после 1990 года.....</i>	71
СОКОЛОВА Н.В. <i>Экстернализация миграционной политики Европейского союза.....</i>	86

СПИРИДОНОВ С.В.

Европейская политика соседства как инструмент обеспечения безопасности Европы.....97

УСТЮЖАНИНОВА Е.А.

Процедура судебного контроля в публичном праве Великобритании и праве Европейского союза.....105

ШЛЯПНИКОВА Д. Д.

Проблема этнической идентичности как один из аспектов дезинтеграции ЕС.....116

ЮРАКОВ М.В.

Роль России в современной системе европейской безопасности.....124

ЯКУБОВА Э. Р.

Страны карибского бассейна во внешней политике ЕС.....134

ЗИННУРОВ Р.Т.

Проблемы безопасности в трансатлантическом регионе в начале 90-х годов XX века.....147

ШАБЕЛЬНИКОВА О.В.

Посредническая деятельность Европейского Союза по урегулированию конфликтов на Южном Кавказе.....157

INDIANA PEJIC

Bosnia and Herzegovina energy security and resources.....165

Научное издание

МААСТРИХТСКИЙ ДОГОВОР КАК ВЕХА ЕВРОПЕЙСКОЙ ИНТЕГРАЦИИ

**Сборник научных публикаций
по материалам заседания круглого стола**

Москва, 11 октября 2013 г.

Издание подготовлено в авторской редакции

Технический редактор *Н.А. Ясько*
Дизайн обложки *М.В. Рогова*

Подписано в печать 31.07.2014 г. Формат 60×84/16.
Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура Таймс.
Усл. печ. л. 10,23. Тираж 100 экз. Заказ 943.

Российский университет дружбы народов
115419, ГСП-1, г. Москва, ул. Орджоникидзе, д. 3

Типография РУДН
115419, ГСП-1, г. Москва, ул. Орджоникидзе, д. 3, тел. 952-04-41